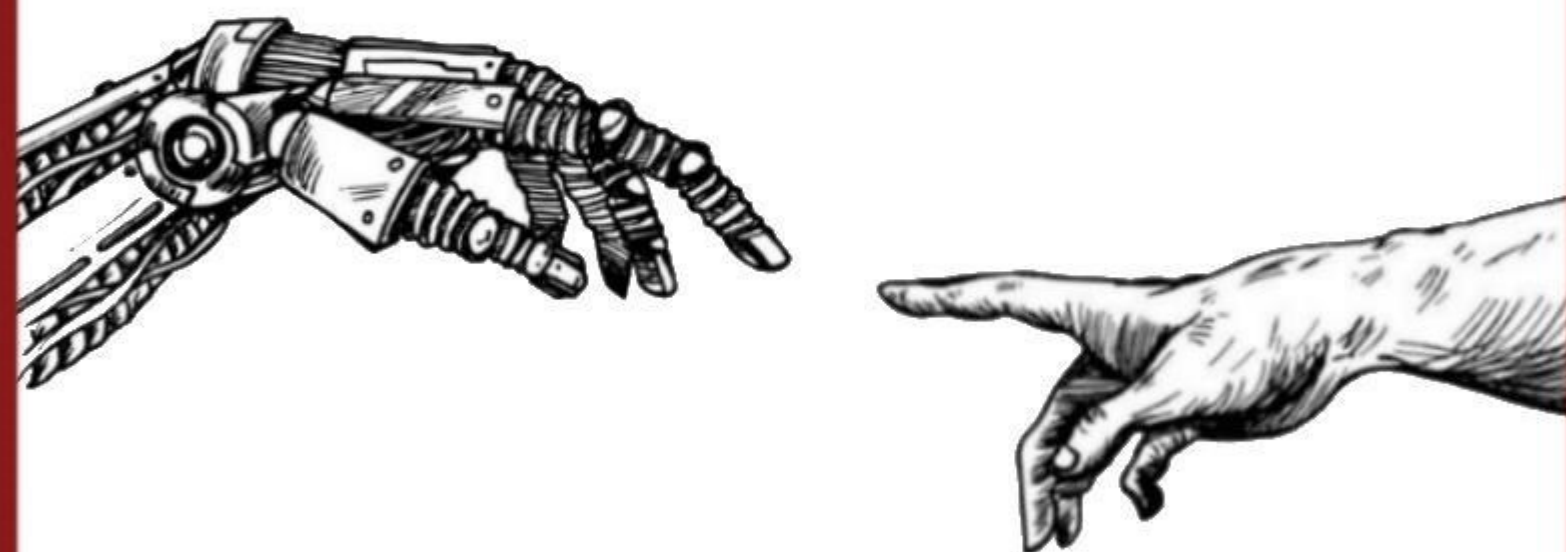

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

VERITAS IN MEDIO EST

**ТОМ 6
НОМЕР 3(20)
2026**

**ISSN:
3034-378X**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2026. ТОМ 6. №3(20)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

📍 Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

✉ Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

🌐 Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
<https://scientific-letters.ru>

Входит в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (K2)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2026. Том 6. № 3(20)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора	2
-----------------------------	---

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Юревич А. В.

Сила ностальгии: сравнительный анализ советского времени и современности	4
---	---

Шепелева Е. А., Шалимов Д. Р.

Эволюция теоретических и методологических подходов к исследованию личностных ценностей: от иерархического выбора и абстрактных понятий к реальному поведению человека и LLM моделированию	16
---	----

Рябов В. Б.

Утренняя и вечерняя наука: развитие дихотомии Ф. Жакоба в условиях антропологического перелома	30
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дробышева Т. В., Кренинина А. А.

Атрибуция ответственности за финансовые решения во взаимодействии с искусственным интеллектом: обоснование подхода и концептуальные представления	39
---	----

Алексеева А. В.

Социально-психологические механизмы изменения отношения к аборту под влиянием тематических статей и группового обсуждения	49
--	----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Савченко Т. Н., Самойленко Е. С.

Потребность в познании и когнитивная закрытость: взаимосвязь психологических конструктов	60
---	----

Бережная Д. Ю.

Ранние дезадаптивные схемы, стратегии совладания, саморегуляция и жизнестойкость в среднем возрасте	75
--	----

Горюнова Н. Б.

Творческое мышление в LLM-опосредованном академическом письме: критический обзор	87
---	----

Толстых А. В.

Когнитивная разгрузка как механизм зависимости от генеративного искусственного интеллекта	99
--	----

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Третий номер журнала «Ученые записки ИП РАН» выходит перед Первой международной междисциплинарной конференцией ИП РАН «Искусственный интеллект в психологии: обмен опытом и перспективы развития». Как было заявлено ранее, журнал выступает информационным спонсором этого мероприятия. Первоначально оно планировалось на 15 и 16 октября, однако в связи с тем, что в качестве участников конференции зарегистрировалось более 400 человек Программный и Организационный комитеты приняли решение продлить ее до 17 октября включительно. Это позволит участникам, подавшим заявки на выступления, но не включенным руководителями секций в список секционных выступлений, разместить свои презентации на сайте конференции и встретиться 17 октября с заинтересованными коллегами онлайн.

Наш журнал продолжит взаимодействовать с участниками конференции и после ее завершения. Авторам докладов, которые вызовут наибольший интерес, будет предложено подготовить публикации для выпусков 2027 года. Мы также планируем проводить заседания Академического дискуссионного клуба ИП РАН на основе выступлений тех участников, которые согласятся их вынести на обсуждение.

Несколько слов о публикациях этого номера. Он открывается статьей член-корреспондента РАН, доктора психологических наук А.В. Юревича, которая посвящена сравнительному анализу советского времени и современности. В статье рассматриваются вопросы психологического состояния общества, которые автор изучает на протяжении многих лет. На большом эмпирическом материале и на основе системы эмпирических показателей (индексов) А.В. Юревич анализирует не только актуальное психологическое состояние общества, но и предлагает систему оценки его динамики.

В целом ряде статей номера рассматриваются вопросы применения ИИ в психологических исследованиях, что крайне важно в связи с предстоящей конференцией. Так, в статье Е.А. Шепелевой и Д.Р. Шалимова прослеживается эволюция теоретических моделей изучения ценностей и методов их измерения. Предлагается подход, позволяющий связать структурные характеристики опросников с их предсказательными возможностями на основе LLM. В этом же разделе представлена статья В.Б. Рябова, посвященная концепции «дневной» и «ночной» науки лауреата Нобелевской премии по физиоло-

гии и медицине, генетика Ф. Жакоба. Статья носит дискуссионный характер и подготовлена по материалам выступления д.психол.н. профессора А.Н. Поддьякова на заседании Академического дискуссионного клуба ИП РАН в феврале 2026 года.

Раздел социальной, политической и экономической психологии открывается статьей Т.В. Дробышевой и А.А. Кретиной, в которой рассматривается проблема изучения ответственности за финансовые решения в ситуациях, когда человек обращается за помощью к искусственному интеллекту. Здесь же представлена статья А.В. Алексеевой, где автор на основе большого эмпирического материала проанализировала сложную психологическую проблему изменения отношения к прерыванию беременности женщинами под влиянием социальных сетей.

Наш традиционный раздел междисциплинарных исследований когнитивных процессов начинается с публикации Е.Н. Савченко и Е.С. Самойленко. Авторы предлагают ознакомиться с результатами исследования взаимосвязи потребности в познании и когнитивной закрытости. В статье получает подтверждение гипотеза о том, что такая личностная характеристика, как решительность не является индикатором стремления к закрытости мышления. В статье Д.Ю. Бережной представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи стратегий совладания со стрессом у людей наиболее социально активного среднего возраста (40–56 лет). Автор обсуждает вопросы саморегуляции и повышения жизнестойкости, что крайне актуально в непростое для нашей страны время.

В публикации Н.Б. Горюновой проведен обзор работ по проблеме использования LLM в научных (академических) текстах и их влияния на мышление ученых. Это исследование также актуально в связи с конференцией ИП РАН по вопросам искусственного интеллекта в психологии, о которой говорилось выше, и может стать предметом обсуждения на круглом столе.

В настоящее время в Институте психологии РАН по инициативе директора академика Д.В. Ушакова выполняется и пользуется большим успехом программа «Шаг в науку». В рамках этой программы в работу лабораторий института включаются молодые люди, планирующие связать свою жизнь с академической психологией. Наш журнал принимает статьи наиболее талантливых молодых исследователей. Поэтому номер завершается статьей А.В. Тол-

стных, в которой автор рассматривает проблему зависимости человека от искусственного интеллекта. Проблема эта сложная, и ей также будет уделено внимание на предстоящей конференции ИП РАН.

Уважаемые авторы, мы ждем ваших материалов для следующих выпусков журнала. Уважа-

емые читатели, будем рады вашим замечаниям и комментариям, а также участию в дискуссиях Академического клуба ИП РАН, информация о которых размещается на сайте Института психологии Российской академии наук и на других информационных каналах.

С уважением,
главный редактор журнала,
д.психол.н. Лебедев Александр Николаевич

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

СИЛА НОСТАЛЬГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ И СОВРЕМЕННОСТИ

© Юревич А.В.

доктор психологических наук, член-корр. РАН, Институт психологии РАН, Москва, Россия
av.yurevich@ipran.ru; ORCID: 0000-0003-1369-290X

Для цитирования:

Юревич А.В.

Сила ностальгии: сравнительный анализ
советского времени и современности // Ученые записки Института психологии
Российской академии наук. 2026. Т. 6.
№ 3(20). С. 4-15.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_01

Yurevich A. V.

The power of nostalgia: a comparative analysis of Soviet times and modernity. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 4-15.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_01

С целью ответа на вопрос «Где же жизнь лучше?» в статье сопоставляются современная Россия с СССР. Анализируются данные социологических опросов, показывающие, что значительная часть населения оценивает жизнь в советский период как более благополучную. Приводятся мнения экспертов: некоторые из них отдают предпочтение советскому укладу жизни, а другие — современному. На основе разработанного автором Индекса психологического состояния общества (ИПСО) проводится сравнение, которое показывает некоторое улучшение ИПСО в 2021 г. по сравнению с 1990 г. (данные за 2022 г. не включены в детальный анализ ввиду военного времени). Изложены причины, по которым сравниваются именно эти годы, а также оговорены ограничения такого сравнения. Сопоставляются современность и позднесоветское общество по шести первичным индексам, входящим в состав ИПСО, — индексам самоубийств, психических расстройств, смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств, убийств, разводов и социального сиротства.

Ухудшение ситуации по индексам психических расстройств, заболеваний нервной системы и органов чувств автор объясняет соматизацией напряженности, существующей в обществе. Улучшение по индексам убийств, самоубийств и социального сиротства связывается со значимой перспективой развития нашего общества. В заключении предложены практические рекомендации для социальной политики, направленные на снижение психологического неблагополучия и укрепление позитивных тенденций.

Ключевые слова: российское общество, советское время, современность, ностальгия, психологическое состояние, улучшение, индекс психологического состояния общества

Ностальгия по СССР: субъективные оценки и их возрастная динамика

Вопрос о том, стала ли сейчас жизнь в России лучше или хуже, чем была в советские годы, естественно, принадлежит к числу тех, которые могут решаться лишь индивидуально, поскольку кому-то стало лучше, кому-то хуже, и представителей ни одной из этих категорий не переубедить с помощью официальной статистики или каких-либо других общих цифр. Тем не менее этот вопрос, наверное, навсегда останется актуальным для поколения, заставшего советские годы, и будет служить краеугольным камнем в оценке сегодняшней жизни.

Отношение к советскому прошлому в большой степени зависит от возраста респондентов. Опрос ВЦИОМ, проведенный в 2026 г., показал, что чем моложе россияне, тем реже они сожалеют о рас-

паде СССР. Среди зумеров о нем сожалеют 14%, а среди представителей поколения оттепели — 79%. Разрушение нашей бывшей страны считают закономерным 57% зумеров и только 16% представителей поколения оттепели. Авторы опроса делают вывод, что ностальгия по СССР постепенно перестает быть объединяющим началом и превращается в феномен памяти старших поколений (Смак, 2026). Привлекательность исчезнувшей державы видится, во-первых, в образе большой, сплоченной и сильной страны с собственной идеологией; во-вторых, в образе государства, где были социальная справедливость, безопасность, стабильность и равенство; в-третьих, в памяти о собственной молодости (там же). В силу последнего, вопрос о том, когда было лучше — в советское время или сейчас, — в значительной мере аналогичен вопросу о том, когда респонденту жи-

вется лучше — в молодости или в старости. Все остальное, включая условия, в которых прошла молодость, — вторично.

Еще более выразительны результаты опроса «Левада-центра»¹, проведенного в 2020 г.: 75% россиян считают, что советская эпоха была лучшим временем в истории страны, а не согласны с этим лишь 18% опрошенных. Выражение «советская эпоха» ассоциируется у респондентов со стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне (16% ответов), с хорошей жизнью в стране (15%) и с жизнью в то время — в детстве и молодости (11%). Негативные оценки высказываются гораздо реже: о дефиците, очередях и талонах вспоминают 4% опрошенных, о железном занавесе, застое и репрессиях — по 1%. В целом положительные характеристики советскому времени дают 76% респондентов, нейтральные — 38%, а отрицательные — лишь 7% (сумма выше 100%, так как некоторые респонденты давали разные оценки). О распаде Советского Союза сожалеют 65% россиян, и столько же считают, что его можно было избежать; 26% придерживаются противоположного мнения. 52% сожалеют о потере чувства принадлежности к великой державе, 49% — о разрушении единой экономической системы, 37% — о возросшем взаимном недоверии и жестокости. При этом «вернуться на путь, которым двигался Советский Союз», согласны лишь 28% респондентов, большинство же выступает либо за «собственный, особый путь» России (58%), либо за европейский вариант развития (10%).

По вопросу о социально-экономическом благополучии граждан в СССР соглашались представители всех возрастных и поколенческих групп, а вот ностальгия по Советскому Союзу больше характерна для людей старшего возраста, хотя молодежь тоже считает, что распада СССР можно было избежать. Однако романтизация советского прошлого не приводит к желанию реставрировать советский строй. Этого не хотят ни те, кто жил в СССР, ни постсоветская молодежь (Три четверти россиян считают..., 2020).

Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в 2022 г., показал, что 80% граждан считают советскую эпоху скорее хорошим временем, 63% сожалеют о распаде СССР. Однако чем моложе респонденты, тем негативнее их оценка: среди 18–30-летних положительно оценивают СССР 64%, среди 31–45-летних — 79%, среди 46–60-летних — 88%, среди респондентов стар-

ше 60–86%. И та же закономерность проявляется в отношении распада СССР, о котором сожалеют 85% респондентов старше 60 лет, 76% — в возрасте от 46 до 60, 53% — от 31 до 45 лет, и 30% — от 18 до 30 лет. Чаще всего СССР ассоциируется с детством и молодостью (16%), хорошими воспоминаниями (14%), спокойной стабильной жизнью (11%), сожалением и желанием вернуться (8%), хорошей жизнью в достатке (7%), единством и дружбой народов (6%), заботой о людях (5%), добротой людей и политических руководителей (по 4%), а также с застоем и дефицитом (по 3%) (Большинство россиян считают эпоху СССР хорошим временем..., 2025).

Если в 1992 г. СССР с теплом вспоминали лишь четверть наших соотечественников, а большинство с воодушевлением относились к демократии западного типа, то к 2020 г. ситуация существенно изменилась: на вопрос о более предпочтительной политической системе 37% выбрали советскую, а в экономике более половины отдали предпочтение государственному планированию перед рынком (Отношение к СССР: ностальгия по молодости или ненависть к «несвободе», 2016; Ностальгия по СССР, 2020). Фонд ИСЭПИ (Институт социально-экономических и политических исследований) также зафиксировал, что 75% россиян в начале 2020-х годов считали советскую эпоху лучшей, видя в ней «стабильность и уверенность в завтрашнем дне» (Мухаметшина, 2020).

Вопрос «Как вы относитесь к распаду СССР?» и другие подобные вопросы многоплановы и, по существу, включают в себя несколько аспектов. Во-первых, весьма тривиальный вопрос о том, как респондент относится к своей молодости и какой период своей жизни считает лучшим — нынешний или прошедший. Поэтому многие респонденты вспоминают свое детство и молодость, что понятным образом актуализирует ностальгию. Во-вторых, также достаточно тривиальный вопрос о том, сожалеет ли респондент о распаде советского государства и его сжатию до размеров современной России. Надо иметь весьма специфический взгляд на геополитику, чтобы ответить на него отрицательно. В-третьих, вопрос о «единстве и дружбе народов», которые, по-видимому, отошли в прошлое. Ясно, что эти «единство и дружба» имели не вполне естественное происхождение, во многом держась на «подчинении твердой руке», что подтверждается произошедшим с ними, когда «рука ослабила свою хватку». Но так или иначе основная часть советского времени прошла в отсутствие

¹ АНО «Левада-центр» внесена в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

явных межнациональных конфликтов, и об истекшем времени в этом плане трудно не сожалеть. В-четвертых, менее тривиальный, а потому более интересный вопрос о том, жалеет ли респондент о разрушении советской экономики, которая порождает у многих респондентов образ «хорошей жизни в достатке». Что считается «хорошей жизнью» и что «достатком», зависит от многих факторов и социально обусловлено. Но показательна предельная затрудненность загранпоездки в советское время — дабы советский человек не узнал, что за границей считают «хорошей жизнью» и «достатком». В-пятых, вопрос о доброте людей и политических руководителей советского времени. Вынесем «доброту» советских руководителей, один из которых уничтожил 4 миллиона человек, за скобки по причине явной неуместности этого тезиса. Были ли советские люди (хочется употребить выражение *простые* советские люди) добрее и вообще лучше в психологическом отношении, чем их нынешние российские потомки? На этот непростой вопрос попытаемся ответить ниже. И, наконец, в-шестых, вопрос о том, жалеет ли респондент о разрушении советской социалистической экономики и ее замене нынешней российской, которую экономисты с рядом оговорок осторожно именуют капиталистической. Отметим, что по этому поводу опрошенные высказываются по-разному, вспоминая и «хорошую жизнь в достатке», и основной символ социалистической экономики — всеобщий дефицит, имеющий, как будет показано ниже, и важные психологические последствия.

Что было лучше, а что — хуже?

Эксперты, естественно, более объективны в соотношении советского времени с современностью, выделяя то, что было лучше, и то, что было хуже в советские годы. Они сходятся на том, что лучше, по мнению большинства россиян, были «стабильность и порядок», «авторитет СССР в мире», «социальная справедливость», «быстрый экономический рост», «великая идея», а хуже — «закрытые границы», «тотальный дефицит», «репрессии», «алкоголизация населения», «отсутствие свободы слова» (Карпов, 2020). Такая позиция в отношении СССР — что-то было лучше, а что-то — хуже, больше соответствует действительности. По словам В.В. Путина, у тех, кто не жалеет о распаде СССР, нет сердца, а у тех, кто хочет его восстановления в прежнем виде, нет головы. «Сегодня существуют диаметрально противоположные взгляды на советский период. Для одних это период непрекращающегося зла и источник всех сегодняшних бед. Для других это эпоха до-

стижений и торжества социальной справедливости. Понятно, что реальную картину не отражает ни одна из этих точек зрения» (СССР и общечеловеческие ценности, 2010). А «когда заходит речь о еде в СССР, одни вспоминают вкусное мороженое и натуральную колбасу по 2 рубля 20 копеек, другие говорят, что и то, и другое было проблематично достать, да и качество продуктов оставляло желать лучшего» (Карпов, 2020). Это соответствует известному социально-психологическому феномену, характерному для кризисных периодов и составляющему основу ностальгии: люди воспринимают прошлое намного лучше, чем настоящее и будущее (Российское общество..., 2015).

Подчеркивая контраст с настоящим временем, О. Горянина отмечает, что в СССР была дружба, а сейчас слишком большая разница в доходах (видимо, делающая дружбу невозможной. — А. Ю.); существовало единство народа и доверие между людьми; образование было лучше, а дети могли бесплатно ездить на юг (т.е. на курорты. — А. Ю.); была стабильность в отношениях между людьми; люди были дружнее и ближе друг другу, а сейчас, по ее мнению, ты один и помощи ждать неоткуда; наконец, были социальное равенство и открытость людей (Горянина, 2019).

По мнению М. Мировича, «никакой «особой доброты» у советских людей в те годы не наблюдалось. Это было серое и бедное общество, пронизанное доносом и взаимным недоверием», и поэтому «все рассказы о какой-то там «особой доброте» советских людей — не более чем миф» (Мирович, 2019). Привлекает внимание и еще один вывод этого автора — о том, что «из-за тотальной бедности, неустроенности и ограниченности ресурсов большинство советских людей не было не то что добрыми — они часто были попросту озлобленными» (там же). Действительно, физическая среда имеет огромное значение в жизни человека хотя бы потому, что мы моделируем ее в себе и делаем основой для оценки происходящего. Конечно, и в концентрационном лагере возможны теплые человеческие отношения между заключенными, чему имеется немало исторических свидетельств, но для современного человека ситуация оценивается положительно или отрицательно в первую очередь в зависимости от того, в какой мере в ней соблюдается его человеческое достоинство.

Данные опросов, проводимых психологами, демонстрируют некоторое улучшение ситуации. Так, опрос петербуржцев, проведенный в 2012 г., показал, что две трети опрошенных либо полностью удовлетворены, либо скорее удовлетворены, чем

не удовлетворены своей жизнью, а доля полностью неудовлетворенных ею составила лишь 6,8% (Шаров, 2014). При этом 83,6% опрошенных уверены, что с ними и их близкими в будущем все будет хорошо, и испытывают лишь некоторую, но весьма незначительную тревогу за будущее, а 15,9% петербуржцев (что тоже немало) ожидают крупных неприятностей и испытывают страх перед будущим (там же). Отмечаются позитивные тенденции и в динамике психологического состояния нашего общества, в частности снижение количества молодых россиян, которые испытывают беспокойство или страх перед будущим (Козлов, Утишева, 2005).

Однако самый большой контраст с советским временем можно заметить в состоянии повседневной жизни. В советское время большинство районов в наших городах, особенно в их старой части, выглядели очень уныло: многолетнее отсутствие ремонта, грязь, запустение. А сейчас как по мановению волшебной палочки: обновленные фасады, чистота, повсюду рестораны и увеселительные заведения. Прямо не верится, что это — те же самые унылые советские дома. Причем такое наблюдается повсюду, а не только на «избранных» территориях, которые напоминали бы «потемкинские деревни», как в советские годы.

Но самые выразительные различия можно видеть в состоянии магазинов. Советский магазин страшно себе представить, и им впору пугать детей: обветшалые стены, пустые прилавки, особое «достижение» советского социализма — советские продавцы, о которых уже сложено немало литературных произведений, ну и, конечно, советские очереди — особый, требующий научного изучения феномен и один из главных воспитателей советского характера. В современной России неким функциональным аналогом советских магазинов служат торговые центры, где есть и всевозможные товары, и рестораны, и всё это в просторных, прекрасно отделанных помещениях. В общем, униженное отношение к человеку в первом случае и уважение к человеческому достоинству во втором.

Вполне закономерна судьба одного из главных продуктов советского социализма, который можно было обнаружить повсюду, — советского хама. Российские граждане, побывавшие за рубежом, наверняка и там сталкивались с неадекватным обращением, задевавшим их человеческое достоинство. Но все-таки есть основания утверждать, что это явление специфически советское, выражающее коренные особенности советского социализма. По крайней мере писатель Владимир Набоков, годами читая лекции в Корнельском университете юным американским славистам, бился

в попытках объяснить им смысл русского понятия «хамство», но так и не смог.

Предлагается такое определение хамства: «Хамство есть не что иное, как грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом — умноженные на безнаказанность» (Это теплое советское хамство, 2025), конечно, сужающее реальное многообразие этого, подчеркнем, коренного для психологической сущности советского социализма понятия, но все же раскрывающее его существенные стороны. Хамство, которое было неотъемлемой частью обслуживания в сферах торговли, медицины, коммунального и жилищного хозяйства и т. д., объясняется тем, что «советская плановая экономика порождала хронический дефицит товаров и услуг, включая товары первой необходимости, а директора и продавцы магазинов становились в этой ситуации обладателями эксклюзивного доступа к формально «общедоступным», но в действительности дефицитным ресурсам» (там же). Хамство — это вид агрессивного поведения людей определенного типа, использующих недостатки социальной системы. Впрочем, упоминание об «определенном типе» людей оставляет открытым вопрос об ответном хамстве, которое могло поглотить людей почти любого типа. Как быть, если вас обхамили? Можно «подставить вторую щеку», но это поведение было в советское время очень редким и непрестижным. И конечно, хамство давало возможность хамам демонстрировать свою значимость и выполняло ряд других важных психологических функций, что позволяет считать его важным феноменом, еще ждущим обстоятельного изучения. Сейчас хамство не то, чтобы исчезло из нашей жизни, но уже не является повсеместным явлением, и хама не так часто можно встретить. Это уже не поведение, на которое толкает социальная система (за счет всеобщего дефицита и т. д.), а поведение вопреки системе, и понятно, почему оно постепенно исчезает, ведь «в капиталистической экономике стиль меняется: все большее распространение получают вежливость и улыбка» (там же). Да, они могут быть неискренними, маскировать враждебные чувства. Но лучше неискренняя улыбка, чем искреннее хамство.

Соотношение субъективных оценок и объективных индикаторов

Прежде чем перейти к количественному анализу психологического состояния общества, необходимо сделать важное методологическое замечание. Данные опросов, представленные выше, отражают эмоциональное восприятие прошлого, которое в значительной степени обусловлено лич-

ным опытом, возрастными особенностями и эффектами памяти (например, феноменом «розовых очков»). Напротив, индексы, построенные на основе официальной статистики (смертность, заболеваемость, число убийств, разводов, социального сиротства), позволяют оценить реальное положение дел в обществе, независимо от субъективных оценок. Сопоставление этих двух типов данных дает возможность понять, в чем общество объективно прогрессировало, а в чем — деградировало, и почему при улучшении некоторых объективных показателей ностальгия остается высокой. Именно этой задаче — отделить объективные тренды от субъективных ностальгических настроений — посвящена следующая часть статьи.

Методология и ограничения исследования

Для количественной оценки психологического состояния общества используется Индекс психологического состояния общества (ИПСО), разработанный нами ранее (Юревич, 2014). ИПСО представляет собой *композитный индекс*, включающий два вторичных индекса — *индекс психологической устойчивости личности* (объединяет индексы самоубийств, психических расстройств и смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств) и *индекс социально-психологического благополучия общества* (объединяет индексы устойчивости семьи, социального сиротства и смертности от убийств). Структура индекса представлена на рис. 1.

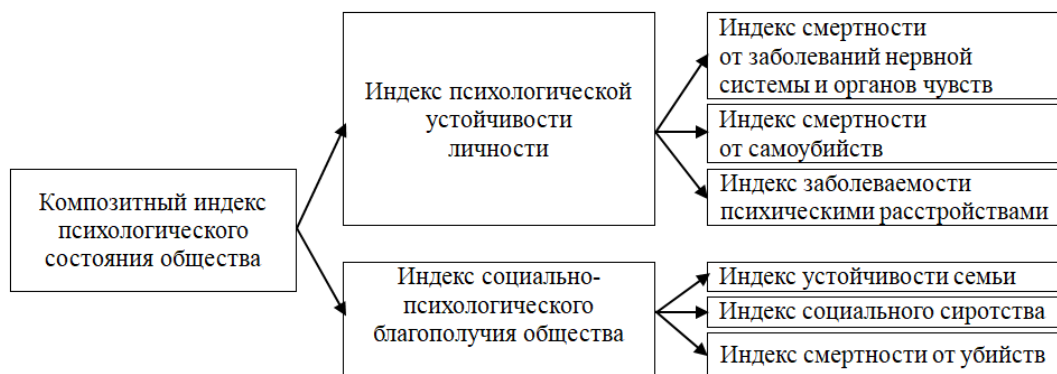

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества

Первичные индексы рассчитываются на основе удельных показателей (т.е. соотнесенных с численностью населения), нормированных по отношению к группе развитых стран (по классификации ООН) и переведенных в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем лучше психологическое состояние). Формула расчета:

$$Y = 9 \times \frac{V_{\max} - V_y}{V_{\max} - V_{\min}} + 1,$$

где V_y — значение показателя для России за определенный год, $V_{\max}$ и $V_{\min}$ — максимальное и минимальное значения показателя среди стран данной группы за рассматриваемый период. Вторичные индексы и композитный индекс рассчитываются как среднеарифметическое индексов более низкого порядка.

В качестве основы для сопоставления советского и постсоветского времени выбран 1990 год — последний год существования СССР, по которому доступна сопоставимая статистика по всем шести показателям. Это вынужденное ограничение, обусловленное неполнотой советской статистики в более ранние периоды (например, учет психических

расстройств в 1960–1970-е годы велся по иным методикам, многие случаи не регистрировались). Поэтому все выводы, сделанные в статье, относятся прежде всего к позднесоветскому периоду (со второй половины 1980-х годов по 1990 г.) и не могут быть механически экстраполированы на весь советский период (например, на сталинскую или брежневскую эпохи). Для более репрезентативного анализа необходимо расширение временного ряда, однако в существующих условиях это невозможно.

Кроме того, детальный анализ постсоветского периода в данной статье завершается 2021 г. — последним годом перед началом специальной военной операции. ИПСО, включающий индекс смертности от убийств, не рассчитан на военное время, поскольку статистика боевых потерь закрыта, а само понятие «убийство» в условиях войны требует иной интерпретации (гибель на фронте не учитывается в криминальной статистике).

Динамика ИПСО: от 1990 к 2021 г.

Психологическое состояние постсоветского общества развивалось нелинейно (рис. 2). Худшим оно было в 2002 г., что объясняется трудностями адап-

тации населения к рыночной экономике, высоким уровнем преступности и социальной неопределенностью. К 2021 г. ИПСО достиг уровня несколько выше, чем в 1990 г. Это свидетельствует, во-первых, о том, что адаптация критической массы насе-

ния даже к такому варианту рыночной экономики, как российский, в основном произошла; во-вторых, о существенном улучшении ряда показателей в последние годы — сокращении криминальных проявлений, снижении социального сиротства и т.д.

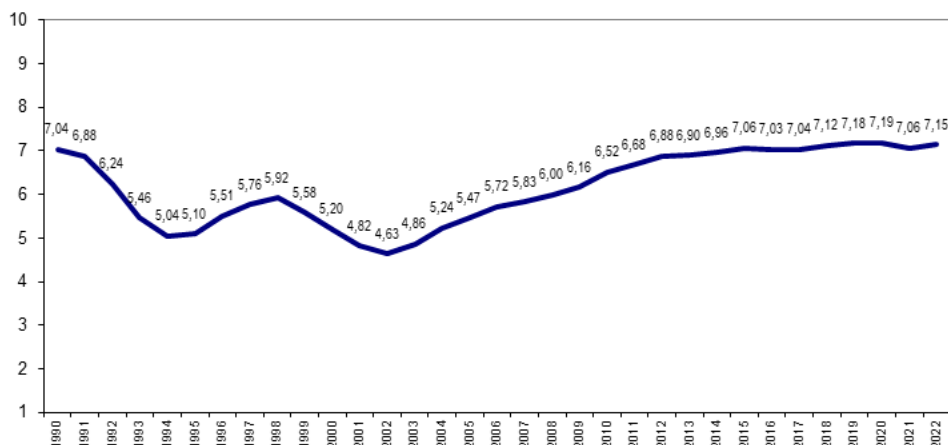

Рис. 2. Композитный индекс психологического состояния общества

Однако сопоставление интегрального индекса, подобно «средней температуре по больнице», маскирует разнонаправленные изменения по отдельным показателям. Поэтому естественный интерес представляет сопоставление данных последнего советского года (1990) с современностью по шести индексам, входящим в состав ИПСО.

1. По *индексу самоубийств* (рис. 3) наблюдается существенное улучшение: число самоубийств в 2021 г. значительно ниже, притом, что в 1990-е годы их было намного больше. В современной России люди хотят жить, и это крайне важный параметр психологического состояния общества, отражающий ценность жизни, и служит адекватной характеристикой происходящего (Дюркгейм, 1994).

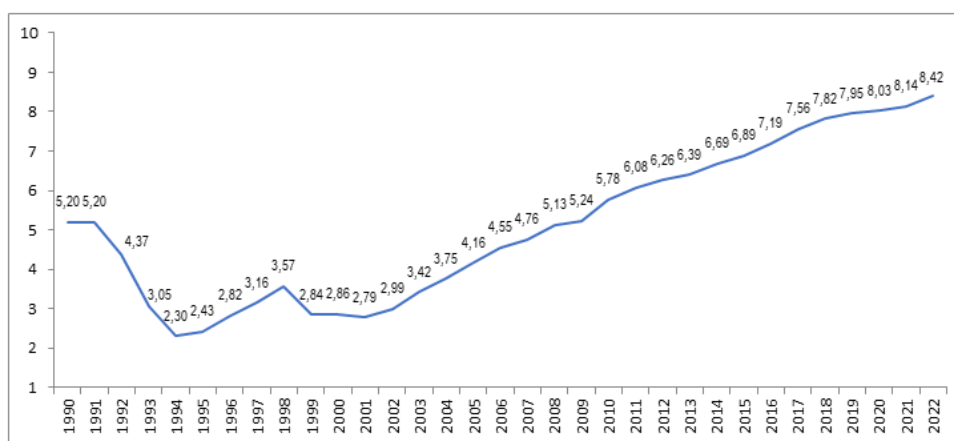

Рис. 3. Индекс самоубийств

2. *Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств* (рис. 4). Здесь наблюдается значительное ухудшение — показатели индекса снизились по сравнению с 1990 г., особенно в 2000-е годы, и лишь в последние годы наметилась слабая положительная динамика. Данный параметр стал одной из основных «ми-

шеней» негативных событий, происходивших в стране. Причины этого ухудшения связаны с высоким уровнем социального стресса, хронической напряженностью, которые соматизируются и «переводятся на внутренний язык» нервно-психических и психосоматических расстройств (Юревич, 2014).

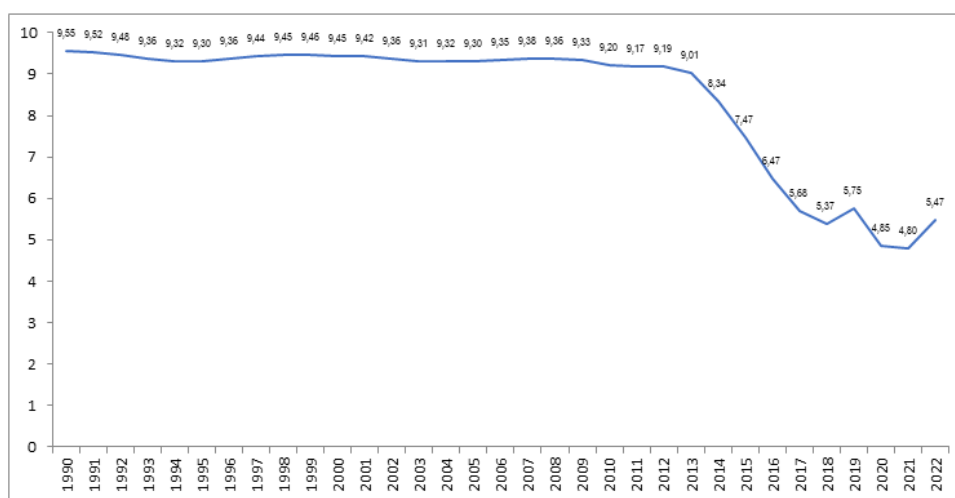

Рис. 4. Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств

3. *Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения* (рис. 5). Ситуация также ухудшилась. Однако следует учитывать, что в советское время регистрация психически больных была неполной, многие случаи скрывались или не диагностировались, методики учета менялись, поэтому сравнение требует осторожности.

Тем не менее психотерапевты отмечают рост жалоб на тревожно-депрессивные состояния, снижение работоспособности, утрату вкуса к жизни, рассеянность (Зобов, Матвеев, Сугакова, 2014). Особые группы риска составляют жители моногородов, пожилые люди и молодежь, сталкивающиеся с неустойчивостью занятости и неопределенностью будущего.

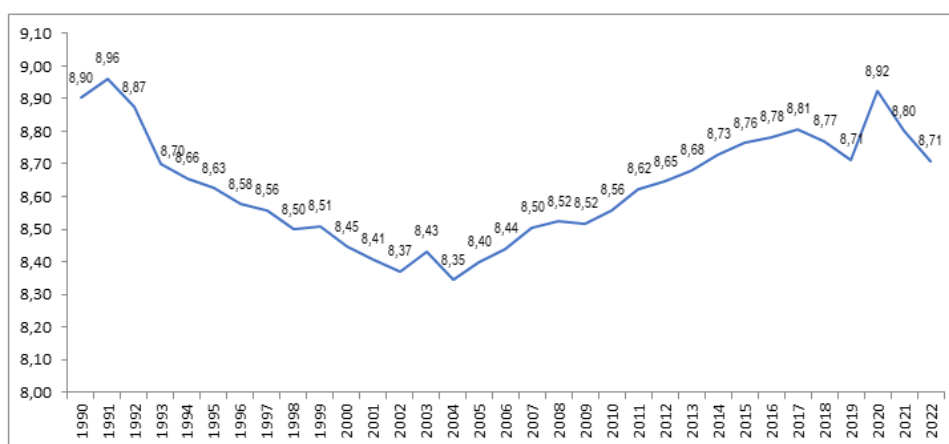

Рис. 5. Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения

4. *Индекс смертности от убийств* (рис. 6). Прогресс весьма значителен: улучшение почти в 1,5 раза по сравнению с 1990 г. Динамика этого индекса, обнаружившая два пика (в 1990-е и в начале 2000-х), отражает нелинейность адаптации общества к рыночной экономике. После всплеска криминала в 1990-е, который достаточно просто объяснить, наблюдается повторный рост числа

убийств в начале 2000-х, причины которого пока малопонятны. За этой динамикой явно стоят различные факторы, и выявление ее причин является важной самостоятельной задачей. Однако с 2010-х годов число убийств устойчиво снижается. Это один из главных индикаторов улучшения социального климата и свидетельство того, что наше общество стало более безопасным.

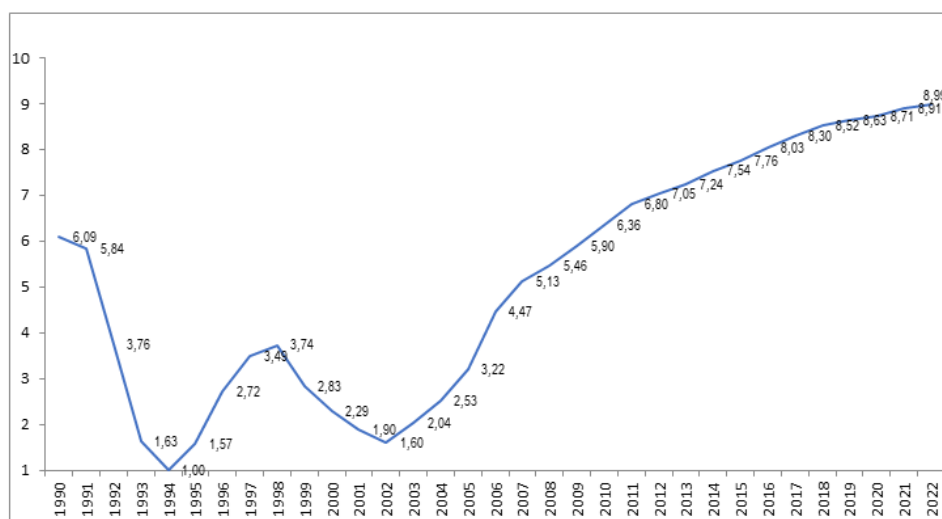

Рис. 6. Индекс смертности от убийств

5. *Индекс разводов* (рис. 7). Ситуация по этому параметру в России ухудшилась: число разводов выросло. Однако подчеркнем, что, в отличие от других первичных показателей психологического состояния общества, данный показатель не является однозначно негативным. Хотя распад семьи и принято считать негативным событием, рост числа разводов может отражать повышение уровня экономической независимости женщин, снижение стигматизации развода, возможность создания новых, более счастливых союзов,

а также изменение законодательства (упрощение процедуры развода). Кроме того, разводимость коррелирует с ростом доходов (например, состоятельные люди чаще меняют партнеров). Поэтому индекс разводов следует отнести к неоднозначным индикаторам, которые требуют дополнительной качественной интерпретации. В отличие от самоубийств или убийств, где рост всегда негативен, здесь необходимы уточняющие исследования, учитывающие мотивы разводов и последствия для всех членов семей.

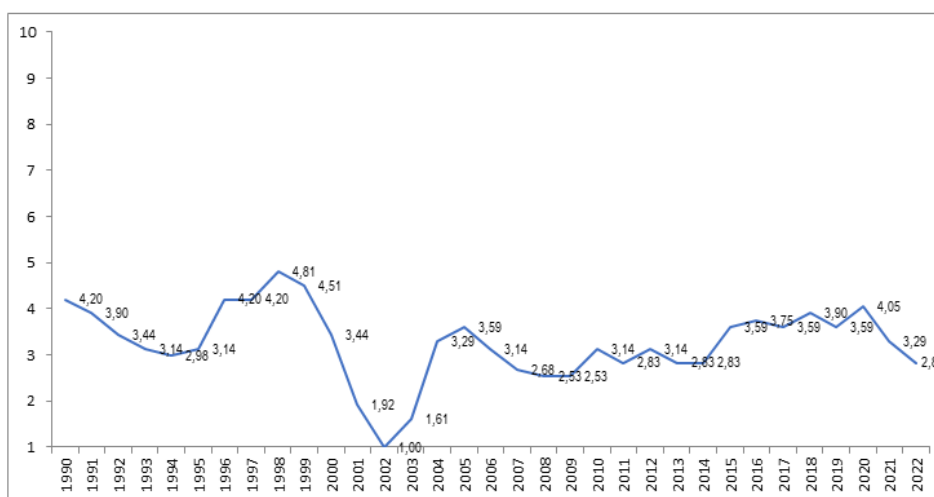

Рис. 7. Индекс разводов

6. *Индекс социального сиротства* (рис. 8). Наблюдается небольшое, но устойчивое улучшение: число детей, оставшихся без попечения родителей, снижается с середины 2000-х годов. Этот параметр тоже служит одним из главных показателей «ка-

чества» общества и свидетельствует о повышении социальной ответственности, развитии институтов усыновления и опеки, что является позитивным сигналом и показывает рост чувствительности общества к чужому горю и заботы о детях.

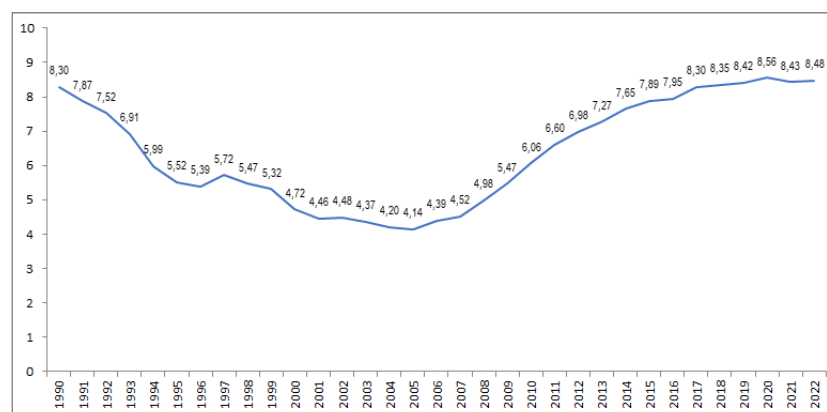

Рис. 8. Индекс социального сиротства

Обсуждение результатов: противоречия и перспективы

Итак, из шести индексов улучшение отмечено по трем (самоубийства, убийства, социальное сиротство), ухудшение — по двум (смертность от нервных болезней, психические расстройства), а индекс разводов занимает промежуточное, неоднозначное положение. Это создает любопытный контраст: объективные показатели, связанные с отношением к жизни (своей и чужой), значительно улучшились, тогда как показатели, отражающие хронический стресс и психосоматику, ухудшились. Ухудшение двух «соматических» индексов можно объяснить тем, что социальная напряженность, неуверенность в завтрашнем дне, высокая конкурентность и информационная перегрузка находят выход в болезнях нервной системы и психических расстройствах. Общество стало более «нервным», даже если количество убийств и самоубийств существенно снизилось.

Возникает вопрос: почему же при снижении количества убийств и самоубийств ностальгия по СССР остается высокой? Возможное объяснение — ностальгия питается не столько объективным благополучием, сколько потребностью в стабильности и предсказуемости, которых в советское время было больше (вспомним ассоциации с «уверенностью в завтрашнем дне»). Современное общество, даже будучи менее криминальным и более обеспеченным в материальном плане (достаточно вспомнить контраст, связанный с магазинами и сферой обслуживания), воспринимается как непредсказуемое, что порождает тревогу и тоску по прошлому. Кроме того, ухудшение психического здоровья, рост психосоматических заболеваний служат платой за социальные трансформации, и эта плата ложится на психику людей, вызывая негативные оценки настоящего. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов возрастной

фактор: для старших поколений СССР — это их молодость, и ностальгия неизбежна.

Таким образом, объективное улучшение по ряду параметров не отменяет субъективного дискомфорта, связанного с высокой неопределенностью и стрессогенностью среды. Это важный вывод для социальной политики: снижение уровня тревожности и повышение предсказуемости социальной жизни могут способствовать уменьшению ностальгии и более позитивному восприятию настоящего.

Практические рекомендации

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления деятельности для улучшения психологического состояния общества и снижения ностальгических настроений, подпитываемых стрессом:

1. Информационная политика должна активнее использовать позитивные данные (снижение числа убийств, самоубийств, социального сиротства) для формирования более сбалансированного образа настоящего, не отрицая проблем, но и не гиперболизируя их. Это поможет снизить тревожность, питающую ностальгию. Однако такая политика должна быть деликатной и не выглядеть как «лакировка» действительности.

2. Социальные гарантии — ключевой фактор психологического благополучия. Укрепление системы социального страхования, поддержка семей с детьми могут повысить ощущение стабильности, которое люди ошибочно связывают исключительно с советским прошлым. Государство должно демонстрировать заботу о гражданах не на словах, а посредством реализации конкретных программ.

3. Мониторинг психического здоровья населения должен стать регулярным, с выделением групп риска (подростки, пожилые, безработные). Данные такого мониторинга позволят своевременно

корректировать социальные программы и предупреждать ухудшение психологического климата.

4. Развитие культуры межличностного общения — уважение к окружающим, снижение агрессии в повседневной жизни — также вносит вклад в психологическое благополучие. Поддержка волонтерских движений, клубов по интересам, соседских сообществ может компенсировать утраченное чувство единства, которое многие ностальгически приписывают советскому прошлому.

Заключение

Сопоставление позднесоветского и современного российского общества по индексам ИПСО демонстрирует, что по ключевым показателям, отражающим ценность человеческой жизни (убийства, самоубийства, социальное сиротство), ситуация стала лучше. Это дает основания для оптимисти-

ческой оценки психологического состояния современного общества. В то же время ухудшение по индексам психосоматических и психических расстройств указывает на высокую цену социальных трансформаций, что требует пристального внимания со стороны государства. Ностальгия по СССР, будучи во многом феноменом памяти и возрастным феноменом, не должна заслонять реальных достижений последних десятилетий, но при этом и не стоит игнорировать объективные проблемы, которые необходимо решать для улучшения качества жизни всех граждан. При всех недостатках современной России общество стало более безопасным, люди чаще выбирают жизнь, реже убивают друг друга и больше заботятся о детях-сиротах. Эти позитивные сдвиги — важный ресурс, на который стоит опираться в социальной политике.

Литература:

- Большинство россиян считают эпоху СССР хорошим временем, показал опрос / РИА Новости. 17.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230117/sssr-1845395061.html> (дата обращения: 03.09.2025).
- Горянина О. Отношения между людьми в Советском Союзе. Свидетельства очевидцев // Красная Весна. 30.12.2019. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/c90bf04a> (дата обращения: 12.12.2020).
- Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Зобов Р.А., Матвеев А.М., Сугакова Л.И. Проблема здоровья человека в современном обществе // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 233–240.
- Карпов М. «Они работали для народа». Советское прошлое превращается в мифы. Почему им не надо верить? // Lenta.ru. 27.10.2020. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/27/myth3> (дата обращения: 18.12.2020).
- Козлов А.А., Утишева Е.В. Проблематика социального здоровья и здорового образа жизни молодежи (на материале социологического исследования) // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 124–143.
- Мирович М. Миф о «добрых советских людях» // Mirovich.media. 11.03.2019. URL: https://mirovich.media/488977.html?rfrom=maxim_nm (дата обращения: 17.09.2020).
- Мнение. Отношение к СССР: ностальгия по молодости или ненависть к «несвободе»? // ЦЭРС ИНЭС. 26.02.2016. URL: <https://profiok.com/news/detail.php?ID=3132> (дата обращения: 18.12.2020).
- Мухаметишина Е. Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости. 24.03.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 17.09.2020).
- Ностальгия по СССР // Левада-центр. Пресс-выпуск. 19.12.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2> (дата обращения: 22.09.2020).
- Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.
- Смак Т. Кто виноват? / URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-ussr> (дата обращения: 17.03.2026).
- СССР и общечеловеческие ценности // Око планеты. 18.08.2010. URL: <https://oko-planet.su/history/historydiscussions/45849-sssr-i-obshhechelovecheskie-cennosti.html> (дата обращения: 12.12.2020).
- Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны / URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/tri-chetverti-rossiyan-schitayut-sovetskuyu-epohu-luchshej-v-istorii-strany/> (дата обращения: 17.05.2020).
- Шаров А.Н. Петербуржцы 2012: проблемы и перспективы // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 121–132.

Это теплое советское хамство / URL: <https://takoe-nebo.livejournal.com/881769.html> (дата обращения: 11.05.2025).

Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

THE POWER OF NOSTALGIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SOVIET TIMES AND MODERNITY

© Andrey V. Yurevich

Doctor of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
av.yurevich@ipran.ru; ORCID: 0000-0003-1369-290X

To answer the question “Where is life better?”, the article compares contemporary Russia with the USSR. Sociological survey data are analyzed, showing that a significant part of the population assesses life during the Soviet period as more prosperous. Expert opinions are presented: some of them prefer the Soviet way of life, while others prefer the modern one. Based on the Index of the Psychological State of Society (IPSS) developed by the author, a comparison is made, which shows some improvement in the IPSS in 2021 compared to 1990 (data for 2022 are not included in the detailed analysis due to the wartime period). The reasons for comparing these particular years are outlined, and the limitations of such a comparison are also noted. Modernity and late Soviet society are compared according to six primary indices included in the IPSS: indices of suicides, mental disorders, mortality from diseases of the nervous system and sensory organs, murders, divorces, and social orphanhood. The author explains the deterioration in the indices of mental disorders and diseases of the nervous system and sensory organs by the somatization of tension existing in society. The improvement in the indices of murders, suicides, and social orphanhood is associated with a significant prospect for the development of our society. In conclusion, practical recommendations for social policy are proposed, aimed at reducing psychological distress and strengthening positive trends.

Keywords: Russian society, Soviet times, modernity, nostalgia, psychological state, improvement, index of psychological state of society

REFERENCES

- Most Russians consider the USSR era a good time, a poll showed. (2025). RIA Novosti. Retrieved September 3, 2025. From <https://ria.ru/20230117/sss-1845395061.html>
- Goryanina O. (2019). Relations between people in the Soviet Union. Eyewitness accounts. Krasnaya Vesna. Retrieved December 12, 2020. From <https://rossaprimavera.ru/article/c90bf04a>
- Durkheim É. (1994). Suicide: A study in sociology. Moscow: Mysl’.
- Zobov R.A., Matveev A.M., Sugakova L.I. (2014). The problem of human health in modern society. In V.E. Semenov (Ed.) // Russian society: Problems of social harmony and development. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. P. 233–240.
- Karpov M. (2020). “They worked for the people.” The Soviet past is turning into myths. Why shouldn’t we believe them?. Lenta.ru. Retrieved December 18. From <https://lenta.ru/articles/2020/10/27/myth3>
- Kozlov A.A., Utisheva E. V. (2005). Issues of social health and healthy lifestyle of youth (based on a sociological study). In V.E. Semenov (Ed.) // Social and mental trends of modern Russian society. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. P. 124–143.
- Mirovich M. (2019). The myth of “kind Soviet people”. Mirovich.media. Retrieved September 17, 2020. From https://mirovich.media/488977.html?rfrom=maxim_nm
- Opinion. Attitude to the USSR: Nostalgia for youth or hatred of “unfreedom”?. (2016, February 26). TsERS INES. Retrieved December 18, 2020. From <https://profiok.com/news/detail.php?ID=3132>
- Mukhametshina E. (2020). Three quarters of Russians consider the Soviet era the best in the country’s history. Vedomosti. Retrieved September 17, 2020. From <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti>

- Nostalgia for the USSR. (2018). Levada-Center Press Release. Retrieved September 22, 2020. From <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgia-po-sssr-2>
- Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (Eds.). (2015). Russian society and the challenges of time. Book two. Moscow: Ves' Mir.
- Smak T. (2026). Who is to blame?. VCIOM. Retrieved March 17, 2026. From <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-ussr>
- The USSR and universal human values. (2010). *Oko planet*. Retrieved December 12, 2020. From <https://oko-planet.su/history/historydiscussions/45849-sssr-i-obshhechelovecheskie-cennosti.html>
- Three quarters of Russians consider the Soviet era the best in the country's history. (2020). Levada-Center. Retrieved May 17, 2020. From <https://www.levada.ru/2020/03/24/tri-chetverti-rossiyan-schitayut-sovetskuyu-epohu-luchshej-v-istorii-strany/>
- Sharov A. N. (2014). Petersburgers 2012: Problems and prospects. In V. E. Semenov (Ed.). // Russian society: Problems of social harmony and development. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. P. 121–132.
- That warm Soviet boorishness. (2025). *LiveJournal*. Retrieved May 11, 2025. From <https://takoe-nebo.livejournal.com/881769.html>
- Yurevich A. V. (2014). Psychology of social phenomena. Moscow: Institute of Psychology RAS Press.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОТ ИЕРАРХИЧЕСКОГО ВЫБОРА И АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ К РЕАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА И LLM-МОДЕЛИРОВАНИЮ

© Шепелева Е.А.

кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия
shepelevaea@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-9867-6524

© Шалимов Д.Р.

аспирант, Институт психологии РАН, Москва, Россия
shalimovdr@ipran.ru; ORCID: 0009-0001-7706-9618

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки
и высшего образования РФ, тема № 0138-2026-0015

Для цитирования:

Шепелева Е.А., Шалимов Д.Р.

Эволюция теоретических и методологических подходов к исследованию личностных ценностей: от иерархического выбора и абстрактных понятий к реальному поведению человека и LLM-моделированию // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 16-29.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_02

Shepeleva E.A., Shalimov D.R.

Evolution of theoretical and methodological approaches to the study of personal values: from hierarchical choice and abstract concepts to real human behavior and LLM modeling. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 16-29.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_02

Актуальность работы обусловлена наличием ценностно-поведенческого разрыва — устойчивого расхождения между декларируемыми в самоотчетных опросниках ценностными приоритетами и реальными поведенческими проявлениями. Цель статьи — проследить эволюцию теоретических моделей ценностей и методов их измерения, связать структурные особенности опросников с их предсказательной силой и предложить основания для новой стратегии валидизации через моделирование ценностно-ориентированного поведения в LLM-агентах. В работе проведен сравнительный анализ пяти подходов к исследованию ценностей — М. Рокича, Ш. Шварца, Г. Хофстеде, Г. Триандиса и В. Гувейи по трем формальным параметрам: степень ипсативности/нормативности, формат шкал и степень контекстуализации формулировок. Результаты показывают, что различия между подходами касаются не только содержания и структуры ценностных понятий, но и формата измерения, выбора единицы анализа и степени контекстуализации вопросов. Обсуждение результатов позволяет заключить, что критериальная валидность ценностных опросников систематически связана с их структурными особенностями: ипсативные форматы снижают социальную желательность, но искажают корреляции с поведением, тогда как нормативные Лайкерт-шкалы обеспечивают сравнимость

данных, но чувствительны к стилям реагирования и дают более низкие прогностические коэффициенты. Проведенный анализ создает концептуальную базу для построения поведенчески ориентированных схем валидизации ценностных опросников, в том числе с привлечением LLM-агентов. Возможность наделять языковые модели заданными ценностными профилями и помещать их в ситуации с конфликтующими мотивациями открывает новое экспериментальное поле для эмпирической проверки гипотез о ценностной регуляции поведения. Выводы работы позволяют удерживать различие между культурным и индивидуальным уровнями ценностного анализа и дают ориентиры для выбора измерительных форматов и экспериментальных сценариев, способных фиксировать содержательные различия в ценностных конфигурациях. Ближайшая исследовательская перспектива — разработка и апробация таких сценариев на человеческих выборках и LLM-агентах с последующим сопоставлением полученных данных с результатами стандартных ценностных опросников.

Ключевые слова: личностные ценности, ценностно-поведенческий разрыв, теория ценностей Рокича, теория универсальных ценностей Шварца, культурные измерения ценностей Хофстеде, индивидуализм-коллективизм Триандиса, функциональная теория ценностей Гувейи, критериальная валидность, кросс-культурные ценностные ориентации, LLM-агенты, моделирование ценностного выбора, самоотчетные опросники, ипсативные и нормативные шкалы, психометрическое моделирование, поведенческая валидизация, симуляция ценностного выбора

Введение

Личностные ценности традиционно рассматриваются как когнитивные репрезентации фундаментальных мотивов, задающие устойчивые ориентиры для оценки и выбора вариантов поведения (Rokeach, 1973; Schwartz, 1992). Ценности значимы как для понимания индивидуальной мотивации, так и для прогнозирования социального поведения. Однако изучение личностных ценностей сопряжено с рядом трудностей. Ценности — это внутриличностный феномен, не поддающийся прямому наблюдению. Они выявляются преимущественно на основании самоотчетных опросов или поведенческих проб. Разные теоретические модели предлагают различные наборы ценностей и принципы их организации, но при всем многообразии подходов открытыми остаются вопросы о том, в какой степени используемые опросники фиксируют реальные, а не только декларируемые поведенческие приоритеты и как именно структура этих опросников влияет на их предсказательную силу.

Среди сложностей применения ценностных опросников в литературе отмечаются проблемы интерпретации данных, полученных по ипсативным и нормативным шкалам, неоднозначность трактовки абстрактных ценностных понятий, влияние социальной желательности и контекстуальной активации ответов (Кисельникова, 2021; Gibbins, Walker, 1993; Kitwood, Smithers, 1975). При этом методологические дискуссии чаще всего касаются отдельных аспектов — преимущественно типа шкал или способа формулировки утверждений, в то время как систематическое сопоставление структурных особенностей опросников (степени ипсативности/нормативности, формата шкал, степени контекстуализованности формулировок) и их критериальной валидности в области ценностей проводится очень редко. Под вопросом остается наиболее практически значимая возможность стандартизированных опросников улавливать динамическую, ситуационно зависимую природу ценностных ориентаций и действительно прогнозировать поведение в условиях реального жизненного выбора. Это расхождение между декларируемыми и реально проявляемыми ценностями получило название ценностно-поведенческого разрыва (Galizzi, Navarro-Martinez, 2019; Skimina et al., 2019). Появление LLM-моделирования открывает новые перспективы в этом направлении. LLM, обученные на разных данных, являются инструментом для анализа определенных социальных представлений, стереотипов и норм, но и сами становятся носителями «заданных из-

вне» поведенческих предпочтений — не как результат их собственного выбора, а как отражение статистических закономерностей, имплицитно содержащихся в обучающих данных. Это создает возможность рассматривать LLM-агентов как экспериментальную платформу для тестирования гипотез о ценностной регуляции поведения, но повышает требования к ясности теоретических моделей и надежности используемых методов измерения.

Цель настоящей статьи — проследить эволюцию теоретических моделей личностных и культурных ценностей и соответствующих методов их измерения, проанализировать, как конкретные структурные особенности опросников (ипсативность, формат шкал, степень контекстуализации формулировок) связаны с их критериальной валидностью, а также предложить основания для новой стратегии валидизации ценностных опросников через моделирование ценностно-ориентированного поведения в LLM-агентах.

Эволюция теоретических моделей ценностей и их влияние на конструкцию опросников

Списочный/иерархический подход М. Рокича

В теоретической концепции М. Рокича (Rokeach, 1973) ценности определяются как устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположные. Ценности служат руководящими принципами в жизни человека и являются когнитивными репрезентациями фундаментальных мотивов, оставаясь относительно стабильными в разных ситуациях и во времени. М. Рокич предположил, что у всех людей есть один и тот же ограниченный набор ценностей, но в индивидуальном сознании каждого человека ценности выстраиваются в иерархию важности, которая отражает определенные ценностные приоритеты. Кроме того, все ценности делятся на два типа: 1) терминальные — цели, к которым стоит стремиться; 2) инструментальные — предпочтительные способы действия.

М. Рокич предложил свой список ценностей, выявленных на основании анализа литературы и опроса 130 респондентов из разных групп, которых просили составить списки важных для них жизненных принципов. Список ценностей был сформирован на основе анализа литературы и опроса респондентов из разных групп с последующим отбором дифференцированных понятий, релевантных как для американского общества, так

и для других культур. В результате в концепции М. Рокича были выделены 18 инструментальных (способов достижения) и 18 терминальных (результатов достижения) ценностей, организованных в системы.

Интересно то, что М. Рокич не соотносил конкретные терминальные и инструментальные ценности, а полагал, что их взаимосвязь может быть гибкой и многофакторной. Диагностика ценностного профиля личности по М. Рокичу предполагает ранжирование — респондент должен расставить ценности из двух списков в порядке убывания значимости. К сильным сторонам методики относятся эмпирическое обоснование списка, иерархический формат, снижающий социальную желательность, и разделение ценностей-целей и ценностей-средств (Леонтьев, 1992).

Структурно метод М. Рокича реализует предельно ипсативный формат измерения: испытуемый должен выстроить фиксированный набор терминальных и инструментальных ценностей в строгую иерархию, тем самым задавая не абсолютный уровень важности каждой ценности, а ее относительное место по сравнению с другими ценностями в пределах собственного профиля (Rokeach, 1973). С психометрической точки зрения это означает, что сумма рангов по набору ценностей для каждого человека константна, а сами ранги взаимозависимы: повышение позиции одной ценности автоматически влечет снижение позиций других. Ипсативные методы по определению измеряют внутриличностные различия, но сильно ограничивают возможности для корректного межличностного сравнения и для сопоставления данных с внешними критериями, поскольку ковариации между шкалами и их связи с поведением искажены структурной зависимостью баллов (Bartram, 1996; Hicks, 1970). В результате критериальная валидность строго ипсативных опросников оказывается ограниченной не только содержанием шкал, но и формальной геометрией данных: даже при наличии реальной связи между некоторыми ценностями и поведением стандартные корреляционные методы могут недооценивать ее величину или искажать ее знак. Достоинством ипсативного формата является снижение возможности сознательного искажения ответов, поскольку «подогнать» всю иерархию под социально желательный образ достаточно трудно.

Критика концепции М. Рокича связана с низкой критериальной валидностью абстрактных ценностей (Peng, 1997) и нарушением транзитивности при ранжировании (Кисельникова, 2021). Ранжи-

рование ценностей может значительно изменяться в зависимости от контекста — например ценности, наиболее важные для человека в семейной среде, могут быть незначимыми в контексте рабочих отношений (ценность «счастье других» важна в отношении близких родственников, но не коллег). Несмотря на это, список ценностей, а также основные постулаты концепции М. Рокича стали основой теории содержания и структуры личностных ценностей Ш. Шварца, в настоящее время наиболее широко применяющейся в социальной и кросс-культурной психологии. Таким образом, подход М. Рокича стал стимулом для перехода к моделям, в которых структура ценностей и методика их измерения более тесно связаны с мотивационными целями и повседневными ролями.

Мотивационно-структурный подход

Ш. Шварца

Ш. Шварц предложил оригинальную теорию базовых ценностей (Schwartz, 1992; Schwartz, Bilsky, 1987), основанную на нескольких предположениях. Во-первых, ценности — это когнитивные репрезентации мотивов, необходимых для удовлетворения базовых жизненных потребностей человека — биологических потребностей организма, интерактивных потребностей в межличностной координации, а также групповых потребностей в благополучии и выживании. Во-вторых, ценности организованы в единый круговой мотивационный континуум, где их расположение отражает степень совместимости или конфликта между ними, а границы между соседними ценностями являются размытыми (Sagiv, Schwartz, 2022). Чем более совместимы любые две ценности, тем ближе они расположены друг к другу на «ценностном круге» (например, «забота» и «надежность»), а чем сильнее конфликтуют, тем больше отдаляются друг от друга (например, «достижение» и «скромность»).

Эта динамика влияет и на совместимость между людьми — сходные ценности определяют схожесть взглядов и моделей поведения, а конфликтующие задают их противоположность, в результате следование одной ценности препятствует следованию другой. Эмпирические исследования подтверждают, что актуализация совместимых ценностей в процессе деятельности и подавление конфликтующих происходит в соответствии с круговой структурой модели (Skimina et al., 2019). В результате было обнаружено, что ценности, воспринимавшиеся как важные в процессе каждого конкретного действия, как правило, соответствовали тем, которые в теории Ш. Шварца определя-

лись как совместимые, а не противоречащие друг другу, и наоборот.

Круговая структура позволяет делить ценности на 10 или 19 категорий в зависимости от задач исследования (Schwartz et al., 2012; Schwartz, Cieciuch, 2021). Метод измерения ценностей в качестве руководящих принципов в жизни Ш. Шварц перенял от М. Рокича (Rokeach, 1973), кроме того, первоначальные идеи Ш. Шварца были проверены на данных, полученных М. Рокичем, однако Ш. Шварц ушел от идеи прямого ранжирования ценностей и разработал ряд ценностных опросников, в которых испытуемому предлагалось оценить по числовой шкале, насколько каждая ценность является для него ведущим принципом в жизни.

Для диагностики индивидуальных ценностных ориентаций используется несколько модификаций опросника индивидуальных ценностей SVS (Schwartz Value Survey), где испытуемый должен оценить, насколько для него важны те или иные ценности (Карандышев, 2004; Schwartz, 1992), и несколько версий портретного ценностного опросника PVQ (Portrait Values Questionnaire), где испытуемый должен ответить, насколько похож на него человек, которому важны определенные ценности (Шварц и др., 2012; Schwartz et al., 2012; Schwartz, Cieciuch, 2021). Переход от абстрактных ценностей к конкретным описаниям людей, руководствующихся определенными ценностями (портретам), повышает экологическую валидность опросника. Культурные показатели получают путем усреднения индивидуальных ответов (SVS или PVQ) по выборке, представляющей ту или иную культуру. Усредненный профиль характеризует доминирующие ценностные ориентации общества (например, «универсализм» или «индивидуализм»). Круговая структура культурных ценностей Ш. Шварца воспроизводится в десятках стран, а портретный ценностный опросник Ш. Шварца PVQ-RR показал лучшую предсказательную способность среди нескольких ценностных опросников в отношении самоотчетного ценностно-релевантного поведения (просоциального и экологического), а также психического здоровья (Hanel et al., 2018).

Применение PVQ-RR в исследованиях различных групп, включая подростков-сирот и детей из семей, показывает, что индивидуальная микросреда вносит значительный вклад в формирование ценностных ориентаций даже при сходных макросоциальных условиях (Шепелева и др., 2019).

Несмотря на то, что теория Ш. Шварца находит широкое эмпирическое подтверждение в различных социальных средах, его портретный ценност-

ный опросник является самоотчетной методикой, оставляя открытым вопрос о соответствии ценностей, выявленных по опроснику, реальному поведению в конкретных жизненных ситуациях (Кисельникова, 2021). Важно уточнить, что под «поведенческим критерием» валидации ценностных опросников понимается степень соответствия самоотчетных данных реальному поведению. Самоотчетное поведение предполагает декларацию намерений, описание собственных действий и/или их причин по опросникам. Реальное поведение — это действия, объективно зарегистрированные в лабораторных условиях (игры, моральные дилеммы), в полевых наблюдениях, в дневниковых записях в момент выбора. Различие самоотчетных и объективных данных критически важно: связь между ценностными опросниками и описанным в самоотчетах поведением часто объясняется единством метода (оба — вербальные), социальной желательностью или субъективной интерпретацией событий, тогда как связь самоотчетных данных с объективно зарегистрированным реальным поведением указывает на подлинную валидность инструмента.

В отличие от ипсативного формата М. Рокича, опросники Ш. Шварца реализуют классический нормативный подход к измерению ценностей. И SVS, и портретные шкалы PVQ/PVQ-RR опираются на рейтинговый формат: респондентов просят оценить степень похожести на описанного персонажа или субъективную важность ценности по шкале Лайкерта, обычно с 6–7 градациями (Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2012). Такое шкалирование позволяет получать независимые баллы по каждой ценности и сравнивать людей между собой, что делает возможным строить сложные структурные модели и проводить кросс-культурные сравнения. Однако нормативный Лайкерт-формат может приводить к искажениям, прежде всего к социальной желательности, и не учитывает индивидуальный стиль реагирования, что влияет как на дисперсию по шкалам, так и на критериальную валидность методики в целом.

Различие в критериальной валидности между ипсативными и нормативными форматами имеет несколько психологических оснований. На математическом уровне ипсативные шкалы (ранжирование) по конструкции ограничивают дисперсию и искажают ковариации между ценностями. На уровне социальной желательности нормативные шкалы более подвержены ее влиянию, а также влиянию стилевых особенностей (например, экстремизация выбора), но при этом отражают более искреннее мнение, не требующее иерархическо-

го упорядочивания. На уровне репрезентативности абстрактные формулировки ценностей менее доступны для когнитивной репрезентации и слабее связаны с конкретным выбором; портретные и сценарные форматы усиливают связь с контекстом, так как описывают типичные жизненные ситуации (frame-of-reference-эффект).

Метааналитические и методологические обзоры показывают, что одночленные Лайкерт-шкалы в целом менее устойчивы к фальсификациям и дают более низкие коэффициенты прогноза поведенческих критериев, чем квазиимплицитные форматы вынужденного выбора, особенно в контекстах отбора персонала и оценки эффективности (Martínez, Salgado, 2021; Salgado et al., 2015). Дополнительным ограничением является и то, что большинство формулировок опросника PVQ остаются деконтекстуализированными: респондента просят оценить, насколько он «похож на человека, для которого важно X», в целом, без специфической привязки к сфере жизни или социальной роли. Данные по личностным опросникам свидетельствуют, что это резко снижает критериальную валидность по отношению к конкретным поведенческим исходам, в то время как контекстуализированные шкалы (например, «на работе») систематически демонстрируют почти двукратный рост валидности (Hunthausen et al., 2003; Shaffer, Postlethwaite, 2012).

Таким образом, структурные решения Ш. Шварца — нормативность, Лайкерт-формат и отсутствие специфической контекстуальной рамки — обеспечивают универсальность и сравнимость данных, но и ограничивают возможность предсказывать поведение в конкретных ситуациях. Подход Ш. Шварца занимает промежуточное положение между индивидуально-ориентированными и культурно-ориентированными ценностными моделями: он позволяет измерять как личные ценностные приоритеты, так и средние культурные ориентации, сохраняя при этом универсальную структуру ценностного круга.

Кросс-культурный подход Г. Хофстеде

В модели культурных измерений Г. Хофстеде отправной точкой является определение культуры как «коллективного программирования сознания», отличающего членов одной группы или категории людей от другой (Hofstede, 2001). Культура понимается как надындивидуальный феномен — это система разделяемых ориентаций, ядром которой выступают ценности как устойчивые предпочтения, задающие ориентиры в отношении власти, неопределенности и баланса индивидуальных

и групповых интересов (Hofstede, 1980). В таком подходе ценности перестают быть исключительно личными идеалами или убеждениями и рассматриваются как компоненты культурного кода, проявляющиеся в типичных способах организации социальной жизни, стилях управления, ролевых ожиданиях и нормах общения (Hofstede, 2001).

Теоретическая задача Г. Хофстеде состояла в выделении устойчивых измерений национальных культур. Автор предположил, что они могут быть выявлены на основе систематических различий в ответах сотрудников крупной организации, имеющей представительства в разных странах. Исследование было проведено на выборке сотрудников IBM, что давало возможность контролировать организационные факторы и рассматривать различия как отражение культурных ориентаций (Hofstede, 1980). Факторный анализ усредненных по странам ответов сотрудников позволил выделить несколько устойчиво воспроизводящихся факторов: дистанцию власти, избегание неопределенности, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность, а позднее — долгосрочную ориентацию и снисходительность/сдержанность (Hofstede, 1980; Hofstede, 2001). Каждый из этих факторов интерпретируется как культурная ценностная ориентация, задающая предпочтительные способы распределения власти, отношения к правилам и риску, баланс личных и групповых целей, нормативные ожидания в отношении мужественности и женственности, а также отношение к удовольствиям и самоконтролю. Принципиально важно, что сами измерения изначально описываются как свойства национальных культур, а не отдельных индивидов: получаемые индексы интерпретируются как характеристики «культуры страны» и не предназначены для психологической диагностики личности.

Таким образом, концептуальное понимание ценностей как компонентов культурного программирования непосредственно воплощается в выборе единицы анализа, способе агрегирования данных и интерпретации индексов. Однако те же концептуальные и методологические решения порождают ряд ограничений, которые активно обсуждаются в современной литературе. Приравнивание культуры к национальным границам игнорирует внутринациональную гетерогенность: региональные, этнические и классовые различия могут быть очень выраженными, но нивелироваться при усреднении по стране (Brewer, Venaik, 2014). Агрегирование данных до уровня стран и последующая интерпретация измерений часто приводят к экологической ошибке: групповые индексы, валидные для

сравнения стран, начинают некорректно использоваться для объяснения поведения отдельных индивидов, что методологически неправомерно (McSweeney, 2002). Кроме того, исходная биполярная структура некоторых измерений, прежде всего индивидуализма–коллективизма и маскулинности–фемининности, со временем была подвергнута критике как излишне упрощающая реальное многообразие ценностных ориентаций; именно эта критика стимулировала дальнейшую разработку более тонких моделей, таких как модель Х. Триандиса.

Культурные синдромы и личные ориентации Х. Триандиса

Подход Х. Триандиса к культуре и ценностям развивается в иной логике. Он, как и другие авторы, не рассматривает ценности исключительно как индивидуальные убеждения. Вместо этого он акцентирует субъективную составляющую культуры и многоуровневый характер культурных влияний. Х. Триандис вводит понятие субъективной культуры — разделяемого ментального репертуара убеждений, норм, ценностей и установок (Triandis, 1972; Triandis, Suh, 2002). Он включает неосознаваемые допущения и «процедуры по умолчанию», через которые люди воспринимают и структурируют социальную реальность. Для описания этого репертуара автор вводит понятие культурного синдрома. Это комплекс взаимосвязанных элементов субъективной культуры, организованных вокруг определенной темы и совместно определяющих типичный для общества образ поведения (Triandis, 1993). Культурные синдромы задаются именно на уровне группы, общества или культуры — они разделяются многими индивидами и проявляются в типичных сценариях взаимодействия, например в том, как люди распределяют ответственность, выражают несогласие или реагируют на нарушение норм (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1993).

Наиболее известным примером культурного синдрома у Х. Триандиса является измерение индивидуализма–коллективизма (Triandis, 1995). Индивидуализм, по Х. Триандису, акцентирует автономию, личную ответственность и приоритет собственных целей, тогда как коллективизм — принадлежность к группе, взаимные обязанности и приоритет групповых целей над личными (Triandis, 1993; Triandis, 1995). Идиоцентризм и аллоцентризм — личностные ориентации, не тождественные культурным синдромам индивидуализма и коллективизма (Triandis, 1995). Идиоцентричный индивид склонен ставить личные цели выше групповых; алло-

центричный — ориентируется на группу и готов жертвовать личным (Triandis, 1995). Эти индивидуальные ориентации формируются в контексте субъективной культуры, но могут существенно варьировать внутри одной и той же национальной культуры — в индивидуалистических обществах могут встречаться люди с выраженным аллоцентризмом, а в коллективистических — с выраженным идиоцентризмом (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1995). Таким образом, ценности в данной модели — это не только культурные синдромы, но и формируемые на их основе индивидуальные ориентации, опосредованные субъективной культурой.

Триандис и его коллеги предложили дифференцировать индивидуализм и коллективизм, разделив их на вертикальные и горизонтальные формы (Triandis, 1995). Для их измерения были разработаны многомерные шкалы: горизонтальный индивидуализм (HI), вертикальный индивидуализм (VI), горизонтальный коллективизм (HC) и вертикальный коллективизм (VC). Полученные индексы могут использоваться как для описания культурных профилей (усреднение по странам или группам), так и для описания индивидуальных ориентаций внутри культуры, что непосредственно подводит к вопросу о связи этих четырех культурных форм с идиоцентризмом и аллоцентризмом. Эта дифференциация отражает то, что ценности, связанные с отношением к группе, не исчерпываются одним измерением «я–мы», а зависят также от отношения к власти, статусу и допустимому неравенству.

Если у Г. Хофстеде культура выступает прежде всего как свойство страны или организации и задает фон для типичных моделей поведения (Hofstede, 1980; Hofstede, 2001), то у Х. Триандиса тот же ценностный континуум «индивидуализм–коллективизм» получает индивидуальное измерение в виде идиоцентризма и аллоцентризма, позволяя описывать вариативность ценностных ориентаций внутри одной и той же культурной среды (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1993; Triandis, 1995; Triandis, Suh, 2002). Эта логика особенно важна для задач предсказания поведения: именно индивидуальные ориентации, а не только национальные индексы, оказываются релевантны для объяснения того, как конкретный человек распределяет ответственность, строит отношения с группой или реагирует на нарушение норм (Oyserman et al., 2002; Triandis, 1995). Для нашего исследования это означает, что кросс-культурные модели не являются лишь «общим фоном», а задают принципиальную рамку для последующего моделирования ценностно-ориентированного поведения как людей, так и LLM-агентов. В обоих

случаях необходимо различать культурный уровень ценностных синдромов и индивидуальный уровень личностных ориентаций, которые могут совпадать с доминирующими культурными паттернами или, напротив, им противостоять (Hofstede, 2001; Oyserman et al., 2002; Triandis, 1995). Такое многоуровневое понимание ценностей подготавливает переход от описания декларативных установок к конструированию сценариев поведения, чувствительных как к культурному контексту, так и к индивидуальному ценностному профилю, что является существенным условием для разработки и проверки моделей ценностной регуляции в LLM-агентах (Oyserman et al., 2002; Triandis, Suh, 2002).

Методологически подход Г. Хофстеде обнаруживает сходство с бихевиористской объяснительной стратегией. Устойчивые ментальные паттерны фиксируются через агрегированные поведенческие ответы на уровне стран, культура выступает как внешний фактор, модулирующий вероятность тех или иных поведенческих проявлений. В отличие от радикального бихевиоризма, в этой модели внутренние диспозиции (ценности, установки) не элиминируются, однако механизмы их влияния на поведение остаются недостаточно проработанными. Иное решение предлагает Х. Триандис, анализируя индивидуализм–коллективизм как на уровне общества, так и на уровне личностных синдромов и вводя конструкт субъективной культуры. Таким образом, акцент переносится на психологические опосредующие переменные. В этом случае культура трактуется как интернализуемая смысловая система, что позволяет более последовательно описать связь между контекстом, внутренними регуляторами и действием и выйти за пределы экстерналистской логики, присущей модели Хофстеде.

Функциональный подход В. Гувейи

Функциональная теория человеческих ценностей В. Гувейи переходит от ценностей как абстрактных идеалов к их пониманию как механизмов, одновременно выражающих потребности и управляющих действием (Gouveia, 2013; Gouveia et al., 2014). В отличие от авторов моделей, фокусирующихся главным образом на содержании ценностей или их структурной организации в мотивационном континууме, В. Гувейя исходит из того, что ценности выполняют две базовые функции: они либо выражают потребности — прежде всего потребности выживания или процветания, — либо направляют действия на достижение личных, центральных или социальных целей (Gouveia, 2013).

Комбинация этих двух измерений («выживание–процветание» и «личные–центральные–социальные цели») задает шесть субфункций ценностей, каждая из которых представляет собой кластер конкретных ценностей, связанных с типичными поведенческими задачами (Gouveia, 2013; Gouveia et al., 2014). В результате функциональная теория сохраняет мотивационное пространство, близкое к модели Ш. Шварца, но организует его вокруг функций ценностей, а именно вокруг того, какие потребности и какие типы действий они поддерживают (Schwartz, 2014).

Опросники, разработанные на основе этой теории, прежде всего Basic Values Survey (BVS), предлагают компактную операционализацию: респондент оценивает важность восемнадцати ценностей (например, социальной поддержки, религиозности, принадлежности) по шкале от 1 до 7, что дает возможность фиксировать не только относительное место ценностей в иерархии, но и их абсолютную субъективную значимость (Gouveia, 2003; Gouveia et al., 2008). Многочисленные исследования показывают, что предложенная структура шести субфункций воспроизводится в разных выборках, включая детскую, и в различных культурных контекстах, хотя значительная часть эмпирического корпуса накоплена в бразильской выборке (Gouveia, 2013; Horstmann et al., 2017; Vilar Lobo de Souza, 2020). Несмотря на сходство с теорией Шварца (Schwartz, 2014), функциональная теория остается конкурентоспособной благодаря компактности и ясности интерпретации (Hanel et al., 2018).

На уровне формата измерения опросники BVS/BVQ, разработанные на основе функциональной теории В. Гувейи, продолжают линию нормативных Лайкерт-шкал. Респондентам предлагается оценить важность каждой из восемнадцати ценностей по семибалльной шкале, что делает возможным прямое сравнение абсолютных уровней выраженности субфункций между людьми и группами (Gouveia, 2013). Современные данные по шкальным форматам показывают, что подобные Лайкерт-оценки абстрактной «важности» в целом демонстрируют умеренную критериальную валидность и уступают как контекстуализированным самоотчетам, так и квазиимплицитным форматам вынужденного выбора, особенно когда речь идет о прогнозе поведения в конкретном домене (Lievens et al., 2008; Martínez, Salgado, 2021; Salgado et al., 2015), хотя при этом остаются более удобными для кросс-культурных и популяционных сравнений.

Для целей настоящей статьи принципиально важно, что В. Гувейя рассматривает ценности

именно как функциональные регуляторы поведения. Если ценности выполняют функции выражения потребностей и управления действиями, то их психологическое измерение не может ограничиваться подтверждением факторной структуры или сопоставлением самоотчетов с другими опросными шкалами (Кисельникова, 2021; Gouveia, 2013). В конечном счете валидность таких шкал должна проверяться по поведенческим критериям: по тому, как различные конфигурации субфункций связаны с устойчивыми паттернами выбора, соблюдения норм, кооперации или девиантного поведения в ценностно нагруженных ситуациях. Функциональная теория здесь задает не только типологию ценностей, но и типологию ситуаций: сценарии, в которых сталкиваются потребности выживания и процветания или конкурируют личные и социальные цели, могут быть систематически выведены из матрицы функций, лежащей в основе модели (Gouveia, 2013). Поэтому функциональный подход естественным образом подводит к идее поведенческой валидации: к необходимости конструировать задачи, в которых поведение выступает как непосредственный индикатор ценностной регуляции, а не только как объект интерпретации самоотчетов (Кисельникова, 2021).

В отношении моделирования LLM-агентов функциональная классификация В. Гувейи может служить каркасом для разработки поведенческих сценариев, в которых агенты сталкиваются с противоречивыми ценностными требованиями. Задавая агенту определенный профиль по шести субфункциям (например, смещая акцент в сторону ценностей выживания и личных целей или, напротив, процветания и социальных целей) и помещая его в сценарии, которые, согласно теории, активируют соответствующие функции, можно проверять, насколько поведение агента согласуется с заданной ценностной конфигурацией (Gouveia, 2013; Hanel et al., 2018). Такой подход превращает функциональную теорию в концептуальный мост между опросными моделями ценностей и поведенческим тестированием. Он позволяет перейти от анализа декларативных установок к моделированию сценариев действия, чувствительных к ценностному профилю агента. В подобных сценариях можно оценить, способны ли LLM-агенты воспроизводить паттерны ценностно-ориентированного поведения, наблюдаемые у людей. Это открывает возможность их использования как инструмента поведенческой валидации теорий ценностей и диагностических методик.

Таблица 1. Сравнительный анализ пяти подходов по формальным параметрам

Авторы подхода	Единица анализа	Ипсативность	Формат опросника	Контекстуализация	Способ валидации
Олпорт, Вернон, Линдсей	Индивид	Средняя (форсированный выбор)	Поведенческие сценарии	Средняя	Внутренняя согласованность
Рокич	Индивид	Высокая (ранжирование)	Абстрактные ярлыки, список	Низкая	Корреляции с установками
Шварц	Индивид и культура	Низкая (нормативные шкалы)	Портреты (PVQ), абстрактные (SVS)	Средняя–высокая	Кросс-культурная инвариантность, корреляции с поведением
Хофстеде	Национальная культура	Нормативные	Опросники, агрегированные индексы	Низкая	Макропоказатели, корреляции между странами
Триандис	Индивид и культура	Нормативные	Согласие с утверждениями	Средняя	Многоуровневое моделирование, различие синдромов
Гувейя	Индивид	Нормативные	Абстрактные и функциональные описания	Низкая	Структурное моделирование, факторный анализ

Таблица 1 показывает, что сдвиг от ипсативных к нормативным шкалам и от абстрактных к контекстуализированным форматам (портреты, сценарии) связан с усилением связи ценностных оценок с реальным поведением.

Заключение

В развитии ценностных моделей выделяется несколько тенденций. От иерархического списка М. Рокича (Rokeach, 1973), в котором ценности представлялись как замкнутый набор дискретных

понятий, упорядоченных по значимости, произошел переход к мотивационному кругу Ш. Шварца (Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2012), где ценности образуют континуум, отражающий совместимость или конфликт между мотивационными целями. В дальнейшем кросс-культурные модели Г. Хофстеде (Hofstede, 1980; Hofstede, 2001) и Х. Триандиса (Triandis, 1995) сместили фокус с индивидуальных ценностных иерархий на культурные синдромы и разделяемые ориентации, а функциональная теория В. Гувейи (Gouveia, 2013) предложила более экономную классификацию, основанную на двух эволюционных функциях ценностей — выражении потребностей и управлении действием. Общий вектор этих изменений можно описать как постепенный уход от чисто абстрактных понятий и универсальных списков к более контекстно чувствительным инструментам: портретным описаниям в PVQ-RR (Schwartz, Cieciuch, 2021), многомерным шкалам культурных синдромов Х. Триандиса (Triandis, 1995) и сценарным методам, приближающим измерение к реальным ситуациям выбора.

При всем разнообразии моделей базовый способ сбора данных — самоотчет — остается неизменным. Иерархическое ранжирование М. Рокича, рейтинговые шкалы SVS и PVQ, опросники на основе теорий Г. Хофстеде и Х. Триандиса, а также BVS В. Гувейи опираются на вербальную самооценку значимости ценностей или степень согласия с ценностно-нагруженными утверждениями, что приводит к ценностно-поведенческому разрыву: декларируемые в опросниках приоритеты далеко не всегда согласуются с реальными поступками в конкретных жизненных ситуациях.

Рассмотрение структурных особенностей опросников сквозь призму трех параметров — степени ипсативности/нормативности, формата шкал и степени контекстуализованности формулировок — позволяет уточнить природу этих ограничений. Предельно ипсативный формат ранжирования М. Рокича снижает возможности фальсификаций, но затрудняет межиндивидуальные сравнения и искажает корреляции с поведенческими критериями. Нормативные Лайкерт-шкалы SVS, PVQ и BVS обеспечивают сравнительность и удобны для кросс-культурных исследований, но оказываются чувствительны к социальной желательности и стилям реагирования, а деконтекстуализация ограничивает критериальную валидность в специфических доменах поведения. Кросс-культурные опросники Г. Хофстеде и Х. Триандиса демонстрируют, как выбор единицы анализа (индивид, группа, страна) и способ агрегирования данных

влияет на интерпретируемость ценностей и сферу применимости выводов. Таким образом, вопрос о том, «какие ценности измеряет тот или иной опросник», оказывается неотделим от вопроса о том, «как именно они измеряются» и какие поведенческие выводы допустимо делать на основе получаемых шкал. С этой точки зрения функциональный подход В. Гувейи занимает особое место. С одной стороны, его опросники строятся на нормативном Лайкерт-формате и, следовательно, разделяют общие ограничения самоотчетных методик. С другой стороны, сама теоретическая рамка В. Гувейи — представление ценностей как механизмов, выполняющих функции выражения потребностей и управления действием — задает ясную типологию ситуаций, в которых ценности должны проявляться в поведении. Если ценности описываются через субфункции, связанные с выживанием и процветанием, личными, центральными и социальными целями, то поведенческая валидизация этих субфункций требует сценариев, в которых эти типы потребностей и целей вступают в конкуренцию или, напротив, подкрепляют друг друга. Таким образом, функциональная теория позволяет совершить переход от анализа декларативных ценностных профилей к конструированию поведенческих задач, в которых выбор человека непосредственно отражает его ценностные приоритеты.

Проведенный теоретический анализ может стать основой для разработки поведенчески ориентированных протоколов валидизации методик измерения ценностей, в том числе протоколов с участием LLM-агентов. Рассматривая языковые модели как управляемых агентов, которым можно задавать различные ценностные профили и помещать их в сценарии с конкурирующими мотивационными требованиями, можно получить новую экспериментальную среду для проверки гипотез о ценностной регуляции поведения. Результаты настоящей теоретической работы позволяют, с одной стороны, избегать некорректного переноса выводов с уровня культурных индексов на уровень индивидуального поведения и, с другой стороны, более осознанно выбирать форматы измерения и сценарии, которые действительно чувствительны к различиям в ценностных конфигурациях. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и эмпирическим тестированием таких сценариев как в исследованиях с участием людей, так и в моделях с участием LLM-агентов, а также с сопоставлением их результатов с данными традиционных ценностных опросников. Ценностный профиль агента может быть задан различными способами — как через промптинг, тек

и через системные инструкции. Основой профиля могут быть конкретные или усредненные портреты реальных испытуемых, заполнявших различные ценностные опросники — как отдельных людей, так и обобщенных представителей определенных культур. Типы сценариев могут задаваться через

конфликты ценностей — например выживания и процветания, активности и защищенности и т.д. Валидизация опросников может быть проведена с помощью сопоставления данных о поведении агента в симулируемых условиях и поведения людей в лабораторных условиях.

Литература:

- Карандышев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и руководство по применению. Санкт-Петербург: Речь, 2004.
- Кисельникова Н.В. Методологические проблемы измерения ценностей и ценностных ориентаций // Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4. С. 8–49.
- Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
- Шепелева Е.А., Лантева Е.М., Лантева Н.М., Ушаков Д.В., Забелин С.В. Формирование ценностных ориентаций учащихся, воспитывающихся в семьях и детских социальных учреждениях // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 126–138. DOI: 10.17223/17267080/74/8.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Скачков А.А. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей и ее измерение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Bartram D. The relationship between ipsatized and normative measures of personality // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 1996. Vol. 69. № 1. P. 25–39. DOI: 10.1111/j.2044-8325.1996.tb00597.x.
- Brewer P., Venaik S. The ecological fallacy in national culture research // Organization Studies. 2014. Vol. 35. № 7. P. 1063–1086. DOI: 10.1177/0170840613517602.
- Galizzi M.M., Navarro-Martinez D. On the external validity of social preference games: A systematic lab-field study // Management Science. 2019. Vol. 65. № 3. P. 955–975. DOI: 10.1287/mnsc.2017.2908.
- Gibbins K., Walker I. Multiple interpretations of the Rokeach Value Survey // Journal of Social Psychology. 1993. Vol. 133. № 6. P. 797–805.
- Gouveia V.V. A natureza motivacional dos valores humanos: evidências acerca de uma nova tipologia // Estudos de Psicologia (Natal). 2003. Vol. 8. № 3. P. 431–443. DOI: 10.1590/S1413-294X2003000300010.
- Gouveia V.V. The functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55. № 4. P. 344–350.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. Improving the psychometric properties of value measures: A quasi-ipsative approach // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. Vol. 39. № 6. P. 690–712.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. Teoria funcionalista dos valores humanos // Valores Humanos e Gestão: novas perspectivas / M.L.M. Teixeira (Org.). São Paulo: Senac, 2008. P. 47–80.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. Functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 60. P. 41–47. DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.012.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. The functional theory of human values: From intentional overlook to first acknowledgement — A reply to Schwartz // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 68. P. 250–253. DOI: 10.1016/j.paid.2014.03.025.
- Hanel P.H.P., Litzellachner L.F., Maio G.R. An empirical comparison of human value models // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Art. 1643. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01643.
- Hicks L.E. Some properties of ipsative, normative, and forced-choice normative measures // Psychological Bulletin. 1970. Vol. 74. № 3. P. 167–184. DOI: 10.1037/h0029780.
- Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.
- Horstmann K.T., Rauthmann J.F., Sherman R.A. The psychological situation in daily life: Exploring inter- and intraindividual latent situation profiles // Journal of Research in Personality. 2017. Vol. 69. P. 241–251. DOI: 10.1016/j.jrp.2016.08.001.
- Hunthausen J.M., Truxillo D.M., Bauer T.N., Hammer L.B. A field study of frame-of-reference effects on personality test validity // Journal of Applied Psychology. 2003. Vol. 88. № 3. P. 545–551.

- Kitwood T.M., Smithers A.G. Measurement of human values: An appraisal of the work of Milton Rokeach // Educational Research. 1975. Vol. 17. № 3. P. 175–179.
- Lievens F., De Corte W., Schollaert E. A closer look at the frame-of-reference effect in personality scale scores and validity // Journal of Applied Psychology. 2008. Vol. 93. № 2. P. 268–279. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.268.
- Martínez A., Salgado J.F. A meta-analysis of the faking resistance of forced-choice personality inventories // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 732241. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.732241.
- McSweeney B. Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // Human Relations. 2002. Vol. 55. № 1. P. 89–118. DOI: 10.1177/0018726702551004.
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128. № 1. P. 3–72. DOI: 10.1037/0033-2909.128.1.3.
- Peng K. Validity problems comparing values across cultures and possible solutions // Psychological Methods. 1997. Vol. 2. № 4. P. 320–334. DOI: 10.1037/1082-989X.2.4.329.
- Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.
- Sagiv L., Schwartz S.H. Personal values across cultures // Annual Review of Psychology. 2022. Vol. 73. P. 517–546.
- Salgado J.F., Anderson N., Tauriz G. The validity of ipsative and quasi-ipsative forced-choice personality inventories for different occupational groups: A comprehensive meta-analysis // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2015. Vol. 88. № 4. P. 797–834. DOI: 10.1111/joop.12112.
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology / M. Zanna (ed.). Vol. 25. San Diego: Academic Press, 1992. P. 1–65.
- Schwartz S.H. Functional theories of human values: Comment on Gouveia et al. // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 60. P. S11–S14.
- Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550–562. DOI: 10.1037/0022-3514.53.3.550.
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
- Schwartz S.H., Cieciuch J. Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: Psychometrics of the revised Portrait Value Questionnaire // Assessment. 2021. Vol. 28. № 4. P. 930–954.
- Shaffer J.A., Postlethwaite B.E. A matter of context: A meta-analytic investigation of the relative validity of contextualized and noncontextualized personality measures // Personnel Psychology. 2012. Vol. 65. № 3. P. 445–494. DOI: 10.1111/j.1744-6570.2012.01250.x.
- Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S.H., Davidov E., Algesheimer R. Behavioral signatures of values in everyday behavior in retrospective and real-time self-reports // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Art. 281. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00281.
- Triandis H.C. The analysis of subjective culture. New York: Wiley, 1972.
- Triandis H.C. Collectivism and individualism as cultural syndromes // Cross-Cultural Research. 1993. Vol. 27. № 3–4. P. 155–180. DOI: 10.1177/106939719302700301.
- Triandis H.C. Individualism and Collectivism. Boulder, CO: Westview Press, 1995.
- Triandis H.C., Suh E.M. Cultural influences on personality // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. P. 133–160. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135200.
- Vilar Lobo de Souza R. Functional theory of human values: A multinational analysis of value structures [Электронный ресурс]: PhD thesis / Massey University. 2020. URL: <http://hdl.handle.net/10179/16163>.

**EVOLUTION OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE
STUDY OF PERSONAL VALUES: FROM HIERARCHICAL CHOICE AND ABSTRACT
CONCEPTS TO REAL HUMAN BEHAVIOR AND LLM MODELING**

© Elena A. Shepeleva

Candidate of Sciences (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

shepelevaea@ipran.ru; ORCID: 0000–0001–9867–6524

© Danila R. Shalimov

Postgraduate Student, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
shalimovdr@ipran.ru; ORCID: 0009-0001-7706-9618

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic No. 0138-2026-0015.

The relevance of the study is due to the existence of a value-behavior gap — a persistent discrepancy between value priorities declared in self-report questionnaires and actual behavioral manifestations. The aim of this article is to trace the evolution of theoretical models of values and methods of their measurement, to link the structural features of questionnaires with their predictive power, and to propose a foundation for a new validation strategy through modeling value-oriented behavior in LLM agents. The paper provides a comparative analysis of five approaches to the study of values — those of M. Rokeach, S.H. Schwartz, G. Hofstede, H.C. Triandis, and V.V. Gouveia — along three formal parameters: degree of ipsativity/normativity, scale format, and degree of contextualization of wording. The results show that the differences between the approaches concern not only the content and structure of value concepts, but also the measurement format, the choice of the unit of analysis, and the degree of contextualization of questions. The discussion of the results allows concluding that the criterion validity of value questionnaires is systematically related to their structural features: ipsative formats reduce social desirability but distort correlations with behavior, whereas normative Likert scales ensure data comparability but are sensitive to response styles and yield lower predictive coefficients. The analysis provides a conceptual basis for constructing behavior-oriented validation schemes for value questionnaires, including those involving LLM agents. The ability to endow language models with given value profiles and place them in situations with conflicting motivations opens a new experimental field for empirical testing of hypotheses about value regulation of behavior. The conclusions of the work allow maintaining the distinction between cultural and individual levels of value analysis and provide guidelines for the selection of measurement formats and experimental scenarios capable of capturing meaningful differences in value configurations. The nearest research perspective is the development and testing of such scenarios on human samples and LLM agents, followed by a comparison of the obtained data with the results of standard value questionnaires.

Keywords: personal values, value-behavior gap, Rokeach's theory of values, Schwartz's theory of universal values, Hofstede's cultural value dimensions, Triandis's individualism–collectivism, Gouveia's functional theory of values, criterion validity, cross-cultural value orientations, LLM agents, modeling of value choice, self-report questionnaires, ipsative and normative scales, psychometric modeling, behavioral validation, simulation of value choice

REFERENCES

- Karandyshev V.N. (2004). Schwartz's methodology for studying personal values: concept and application guide. St. Petersburg: Rech'.
- Kisel'nikova N.V. (2021). Methodological problems of measuring values and value orientations // Social and Economic Psychology. Vol. 6(4). P. 8–49.
- Leont'ev D.A. (1992). Methodology for studying value orientations. Moscow: Smysl.
- Shepeleva E.A., Lapteva E.M., Lapteva N.M., Ushakov D.V., Zabelin S.V. (2019). Formation of value orientations in students raised in families and children's social institutions // Siberian Psychological Journal. № 74. P. 126–138. DOI: 10.17223/17267080/74/8.
- Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Skachkov A.A. (2012). Refined theory of basic individual values and its measurement in Russia // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. Vol. 9(2). P. 43–70.
- Bartram D. (1996). The relationship between ipsatized and normative measures of personality // Journal of Occupational and Organizational Psychology. Vol. 69. № 1. P. 25–39. DOI: 10.1111/j.2044-8325.1996.tb00597.x.
- Brewer P., Venaik S. (2014). The ecological fallacy in national culture research // Organization Studies. Vol. 35. № 7. P. 1063–1086. DOI: 10.1177/0170840613517602.
- Galizzi M.M., Navarro-Martinez D. (2019). On the external validity of social preference games: A systematic lab-field study // Management Science. Vol. 65. № 3. P. 955–975. DOI: 10.1287/mnsc.2017.2908.

- Gibbins K., Walker I. (1993). Multiple interpretations of the Rokeach Value Survey // *Journal of Social Psychology*. Vol. 133. No. 6. P. 797–805.
- Gouveia V.V. (2003). A natureza motivacional dos valores humanos: evidências acerca de uma nova tipologia // *Estudos de Psicologia (Natal)*. Vol. 8. № 3. P. 431–443. DOI: 10.1590/S1413-294X2003000300010.
- Gouveia V.V. (2013). The functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // *Personality and Individual Differences*. Vol. 55. № 4. P. 344–350.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. (2008). Improving the psychometric properties of value measures: A quasi-ipsative approach // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 39. № 6. P. 690–712.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Fischer R., Santos W.S. (2008). Teoria funcionalista dos valores humanos // *Valores Humanos e Gestão: novas perspectivas* / M.L.M. Teixeira (Org.). São Paulo: Senac. P. 47–80.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. (2014). Functional theory of human values: Testing its content and structure hypotheses // *Personality and Individual Differences*. Vol. 60. P. 41–47. DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.012.
- Gouveia V.V., Milfont T.L., Guerra V.M. (2014). The functional theory of human values: From intentional overlook to first acknowledgement — A reply to Schwartz // *Personality and Individual Differences*. Vol. 68. P. 250–253. DOI: 10.1016/j.paid.2014.03.025.
- Hanel P.H.P., Litzellachner L.F., Maio G.R. (2018). An empirical comparison of human value models // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Art. 1643. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01643.
- Hicks L.E. (1970). Some properties of ipsative, normative, and forced-choice normative measures // *Psychological Bulletin*. Vol. 74. № 3. P. 167–184. DOI: 10.1037/h0029780.
- Hofstede G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Hofstede G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Horstmann K.T., Rauthmann J.F., Sherman R.A. (2017). The psychological situation in daily life: Exploring inter- and intraindividual latent situation profiles // *Journal of Research in Personality*. Vol. 69. P. 241–251. DOI: 10.1016/j.jrp.2016.08.001.
- Hunthausen J.M., Truxillo D.M., Bauer T.N., Hammer L.B. (2003). A field study of frame-of-reference effects on personality test validity // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 88. № 3. P. 545–551.
- Kitwood T.M., Smithers A.G. (1975). Measurement of human values: An appraisal of the work of Milton Rokeach // *Educational Research*. Vol. 17. № 3. P. 175–179.
- Lievens F., De Corte W., Schollaert E. (2008). A closer look at the frame-of-reference effect in personality scale scores and validity // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 93. № 2. P. 268–279. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.268.
- Martínez A., Salgado J.F. (2021). A meta-analysis of the faking resistance of forced-choice personality inventories // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. P. 732241. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.732241.
- McSweeney B. (2002). Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // *Human Relations*. Vol. 55. № 1. P. 89–118. DOI: 10.1177/0018726702551004.
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // *Psychological Bulletin*. Vol. 128. № 1. P. 3–72. DOI: 10.1037/0033-2909.128.1.3.
- Peng K. (1997). Validity problems comparing values across cultures and possible solutions // *Psychological Methods*. Vol. 2. № 4. P. 320–334. DOI: 10.1037/1082-989X.2.4.329.
- Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press, 1973.
- Sagiv L., Schwartz S.H. (2022). Personal values across cultures // *Annual Review of Psychology*. Vol. 73. P. 517–546.
- Salgado J.F., Anderson N., Tauriz G. (2015). The validity of ipsative and quasi-ipsative forced-choice personality inventories for different occupational groups: A comprehensive meta-analysis // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 88. № 4. P. 797–834. DOI: 10.1111/joop.12112.
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / M. Zanna (ed.). Vol. 25. San Diego: Academic Press. P. 1–65.
- Schwartz S.H. (2014). Functional theories of human values: Comment on Gouveia et al. // *Personality and Individual Differences*. Vol. 60. P. S11–S14.
- Schwartz S.H., Bilsky W. (1987). Toward a universal psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 53. № 3. P. 550–562. DOI: 10.1037/0022-3514.53.3.550.

- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M. et al.* (2012). Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
- Schwartz S.H., Cieciuch J.* (2021). Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: Psychometrics of the revised Portrait Value Questionnaire // *Assessment*. Vol. 28. № 4. P. 930–954.
- Shaffer J.A., Postlethwaite B.E.* (2012). A matter of context: A meta-analytic investigation of the relative validity of contextualized and noncontextualized personality measures // *Personnel Psychology*. Vol. 65. № 3. P. 445–494. DOI: 10.1111/j.1744-6570.2012.01250.x.
- Skimina E., Cieciuch J., Schwartz S.H., Davidov E., Algesheimer R.* (2019). Behavioral signatures of values in everyday behavior in retrospective and real-time self-reports // *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. Art. 281. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00281.
- Triandis H.C.* (1972). *The analysis of subjective culture*. New York: Wiley.
- Triandis H.C.* (1993). Collectivism and individualism as cultural syndromes // *Cross-Cultural Research*. Vol. 27. No. 3–4. P. 155–180. DOI: 10.1177/106939719302700301.
- Triandis H.C.* (1995). *Individualism and Collectivism*. Boulder, CO: Westview Press.
- Triandis H.C., Suh E.M.* (2002). Cultural influences on personality // *Annual Review of Psychology*. Vol. 53. P. 133–160. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135200.
- Vilar Lobo de Souza R.* (2020). *Functional theory of human values: A multinational analysis of value structures* [Электронный ресурс]: PhD thesis / Massey University. URL: <http://hdl.handle.net/10179/16163>.

УТРЕННЯЯ И ВЕЧЕРНЯЯ НАУКА: РАЗВИТИЕ ДИХОТОМИИ Ф. ЖАКОБА В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕЛОМА

© Рябов В.Б.

кандидат технических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия
ryabov48@mail.ru; ORCID: 0009-0005-9974-7968

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 0138–2024–0017

«Профессиональная деятельность и развитие личности человека
в условиях организационных и техногенных изменений»

Для цитирования:

Рябов В.Б.

Утренняя и вечерняя наука: развитие дихотомии Ф. Жакоба в условиях антропологического перелома // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 30–38. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_03

Ryabov V.B.

Morning and evening science: the development of F. Jacob's dichotomy in the context of an anthropological turning point. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 30–38.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_03

Статья посвящена развитию известной дихотомии «дневной» и «ночной» науки, предложенной нобелевским лауреатом Ф. Жакобом. Показывается, что классическая дихотомия фиксирует различие между творчеством (ночь) и проверкой (день) — двумя фазами подлинного научного поиска. Однако в современных условиях — антропологического перелома, цифровой трансформации и углубления психологического схи́зиса — возникает потребность в дополнительном языке, позволяющем описать изменение самого *отношения* исследователя к своей работе. В качестве такого языка предлагается метафора «утренней» и «вечерней» науки. Вводятся критерии различения этих двух режимов, раскрывается их динамика, и предлагается простой инструмент самонаблюдения для исследователя. В заключительной части статьи демонстрируется, как введенные критерии могут быть операционализированы на языке теории дела — подхода, обладающего свойством фрактальности и позволяющего анализировать как индивидуальную научную работу, так и перспективы ее расширения

на общее дело и распределенную субъектность. Статья носит дискуссионный характер и адресована участникам Академического дискуссионного клуба ИП РАН.

Ключевые слова: дневная и ночная наука, утренняя наука, вечерняя наука, Ф. Жакоб, психологический схи́зис, антропологический перелом, системный подход, процессуальный анализ, фрактальность, теория дела, общее дело, распределенная субъектность, самодиагностика

Введение

Современная наука, как и вся сфера человеческой деятельности, находится под воздействием глубинных изменений, которые все чаще характеризуются как **антропологический перелом** — конфликт между естественной эволюцией человека и искусственной эволюцией, движимой технологиями. Впервые в отечественной философской мысли этот термин был введен и обстоятельно проработан В.С. Степиным, который показал, что на определенном этапе развития техногенной цивилизации человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе, ставя под угрозу само его существование как биосоциальной структуры (Степин, 2000; 2006). Эта проблематика получила дальнейшее развитие в работах, исследующих современные вызовы человеческой субъектности и деятельно-

сти, в частности в трудах Ю.Я. Голикова, который рассматривает антропологический перелом в контексте постнеклассической научной картины мира и антропного принципа (Голиков, 2014; 2022). Таким образом, на смену относительно стабильным условиям существования приходит эпоха нарастающей неопределенности, которую мы описываем моделями VUCA, BANI и DAUTI (Рябов, 2023б), где цифровая трансформация, распространение систем искусственного интеллекта и изменение форм организации труда становятся не просто фоном, а активными факторами, перестраивающими саму ткань научной работы.

В этих условиях многие исследователи — не только в России, но и в мире — сталкиваются с новыми вызовами. Как сохранить живое, личностно окрашенное отношение к делу, когда растет давление отчетности и формальных показателей? Как не потерять связь с «творческой кухней» нау-

ки, когда внешние атрибуты (публикации, индексы, гранты) начинают жить своей собственной жизнью? Как говорить о научной работе так, чтобы язык не убивал то, что он описывает?

Эти вопросы не новы. Еще в конце прошлого века Ф.Е. Василюк говорил о «психологическом схизисе» — разрыве между фундаментальной теорией и практикой (Василюк, 1996). Сегодня этот разрыв проявился в новой, возможно, более тонкой форме. Он существует не только между психологией как наукой и психологией как практикой, но и внутри самой академической среды.

Однако, пожалуй, самый глубокий вызов, с которым сегодня сталкивается наука, часто остается за рамками рефлексии. Многие исследователи воспринимают цифровую трансформацию, распространение искусственного интеллекта, автоматизацию рутинных операций как «естественный ход вещей», не требующий изменения взгляда на саму природу научной работы. Но это иллюзия. Когда алгоритмы начинают генерировать научные гипотезы, писать обзоры литературы, предлагать интерпретации данных — а сегодня это уже реальность, — привычное различие между «творческим поиском» (ночь) и «формальной проверкой» (день) начинает размываться. Кто автор текста: человек или нейросеть? Кто несет ответственность за выводы, если они были получены в гибридном режиме «человек + ИИ»? Сохраняется ли развивающий контур — изменение самого исследователя в процессе работы, — когда исполнение делегировано алгоритму? Эти вопросы не риторические. Они требуют нового языка. И метафора «дневной» и «ночной» науки, предложенная Жакобом, — хорошая отправная точка, но она нуждается в развитии.

Один и тот же исследователь может в одном проекте действовать из живого любопытства, а в другом — «отбивать номер» ради отчетности. И это не вопрос — «плохой» или «хороший» ученый. Это вопрос того, как устроена среда, в которой мы работаем, и как мы сами в ней ориентируемся.

Для того чтобы говорить об этих изменениях, нужен язык. Не язык обвинений или диагнозов, а язык, позволяющий **замечать** происходящие сдвиги в собственном отношении к делу. Язык, который дает возможность рефлексии, а не приговора.

В этой статье я обращаюсь к известной метафоре, предложенной нобелевским лауреатом Франсуа Жакобом, — различие «дневной» и «ночной» науки (Jacob, 2001). Затем обосновывается необходимость расширения системного подхода

Б.Ф. Ломова — от структурно-функционального анализа к процессуальному. Далее предлагается метафора «утренней» и «вечерней» науки и показывается, как она может работать как инструмент самонаблюдения для исследователя. В заключительной части статьи демонстрируется, как критерии утра и вечера могут быть операционализированы на языке одного из современных теоретических подходов — теории дела (Рябов, 2026), обладающей свойством фрактальности и позволяющей анализировать как индивидуальную научную работу, так и общее дело и распределенную субъектность.

Статья носит дискуссионный характер и адресована прежде всего участникам Академического дискуссионного клуба ИП РАН, где тема «дневной» и «ночной» науки уже обсуждалась в феврале 2026 г. (Поддьяков, 2025).

Франсуа Жакоб: дневная и ночная наука

Франсуа Жакоб, нобелевский лауреат по физиологии и медицине, в своих работах предложил различать два режима научной деятельности — «дневную» и «ночную» науку (Jacob, 2001).

Ночная наука — это режим зарождения идей. Здесь царят интуиция, нелинейный поиск, хаотические ассоциации, мысленные эксперименты, догадки, которые трудно или невозможно формализовать. В этом режиме исследователь «блуждает в потемках», пробует, ошибается, возвращается, идет по ложным следам. Ночная наука не публична, ее нельзя описать в инструкции. Это творческая «кухня» ученого.

Дневная наука — это режим проверки и оформления. Здесь действуют строгая логика, верификация гипотез, воспроизводимость результатов, формальное доказательство. Дневная наука публична, она предъявляет миру то, что было найдено ночью. Это итог, который попадает в статьи, монографии, диссертации.

У Жакоба оба режима — ночная и дневная наука — являются **честными частями единого цикла**. Ночь без дня слепа (идеи остаются непроверенными), день без ночи мертв (формальные процедуры без творческого источника). В здоровой научной работе они чередуются и дополняют друг друга.

Интерес к метафоре Жакоба не случаен. Современная психология творчества все чаще обращается к анализу не только публичных результатов, но и скрытых, «ночных» процессов их порождения. Показательно, что в феврале 2026 года на заседании Академического дискуссионного клуба Института психологии РАН именно этой теме —

сопоставлению «дневной» и «ночной» науки в контексте творчества — был посвящен отдельный доклад (Поддяков, 2025). Это свидетельствует о растущем запросе на переосмысление того, как мы говорим о научной работе, и о востребованности метафор, позволяющих описать ее не только с внешней, формальной стороны.

Однако дихотомия Жакоба, при всей ее эвристической ценности, фиксирует различие **внутри** подлинного научного поиска. Она отвечает на вопрос, как различаются этапы творческого цикла — зарождение идей (ночь) и их проверка (день). Но она не отвечает на другой вопрос, который становится все более актуальным в условиях антропологического перелома: как меняется само **отношение** исследователя к своей работе? Как различить ситуации, когда ученый проходит этапы «ночи» и «дня» из внутреннего интереса, личной вовлеченности, и ситуации, когда его активность даже на этапе творческого поиска определяется почти исключительно внешними требованиями? Для ответа на эти вопросы нужен дополнительный язык.

В этом смысле дихотомия Жакоба подобна различению **двух фаз суток** — ночи и дня, — которое ничего не говорит о том, **в каком состоянии** находится человек, переживающий эти фазы. Можно встретить рассвет с ощущением чуда и новизны, а можно — с тяжестью неотложных забот и сознанием, что впереди — очередной день рутины. Именно это дополнительное измерение — **качество присутствия** — мы предлагаем фиксировать с помощью метафоры «утренней» и «вечерней» науки.

От структурно-функционального анализа к процессуальному подходу

В отечественной психологии базовым методологическим каркасом долгое время выступал и продолжает выступать системный подход Б. Ф. Ломова, основанный на структурно-функциональном анализе. Этот подход позволил создать разветвленную систему категорий для описания психики как целостного образования, выявить многообразные типы связей между элементами, установить иерархию уровней психического (Ломов, 1975; 1984).

Структурно-функциональный анализ хорошо отвечает на вопрос «как устроено?», но слабо — на вопросы «как происходит?», «как меняется?», «как человеку ориентироваться в нелинейном, непредсказуемом мире?». Системный подход Ломова включал как структурно-функциональный, так и процессуальный анализ, но последний остался менее разработанным. Между тем жизнь в ус-

ловиях нарастающей неопределенности, хаоса и антропологического перелома требует расширения границ существующего системного подхода — именно в направлении изучения динамики, процессуальности, саморазвития. Нужны модели и методы, которые работают не в предположении стабильности и предсказуемости, а в условиях принципиальной неопределенности, когда цели могут переформулироваться по ходу дела, а результат становится вторичным по отношению к качеству процесса.

Одним из шагов в этом направлении является теория дела, развиваемая автором в предшествующих публикациях (Рябов, 2026). Эта теория предлагает процессуальную единицу анализа — «дело» — и описывает цикл «проблема → взаимодействие → опыт» с итерационным контуром и двухконтурной регуляцией (оперативный и развивающий контуры). В терминах этой теории критерии, которые будут введены ниже (присвоение проблемы, диалог со средой, учебное отношение к ошибке, активность развивающего контура), получают операциональное выражение.

Прежде чем перейти к операционализации процесса, введем метафору, которая позволяет схватить изменение отношения исследователя к своей работе в условиях антропологического перелома, — метафору «утренней» и «вечерней» науки.

Утро и вечер: развитие дихотомии Жакоба Обоснование метафоры

Прежде чем перейти к операциональному описанию, необходимо пояснить, почему для обозначения нового измерения — качества присутствия исследователя — выбраны именно метафоры «утра» и «вечера».

Утро — это время начала, пробуждения, свежести восприятия. В утренней науке исследователь подобен человеку, который видит мир впервые: он открыт новому, его внимание не затуманено рутиной, он задает вопросы не потому, что «так надо», а потому, что ему действительно интересно. Эта метафора фиксирует **присвоенность** проблемы и **диалогичность** взаимодействия с реальностью. В культурной и философской традиции утро устойчиво ассоциируется с началом, надеждой, обновлением — от древнегреческих гимнов Эос до образов «утра года» в поэзии и «утренней зари» в философских текстах как символа пробуждающегося сознания.

Вечер — это время завершения, усталости, привычного круга забот. В вечерней науке исследователь действует скорее по инерции, его активность встроена в логику завершения, отчета, подведения

итогах. Вечер в культурной традиции — это время подведения итогов, угасания дневной активности, перехода к покою. Это не обязательно плохо — вечером мы подводим итоги дня. Проблема возникает, когда вечер становится единственным временем суток, когда работа превращается в бесконечное «подведение итогов» без живого начала.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от дихотомии Жакоба, где ночь и день описывают фазы творческого цикла, утро и вечер описывают **качество присутствия** исследователя — то, что иногда называют «внутренней позицией» или «отношением к делу» (Рябов, 2026). Условно говоря, ночь и день могут быть и в утренней, и в вечерней науке. Разница в том, **кто и с какой внутренней установкой** в них находится. Так, творческий поиск (ночь) может быть как живым, полным азарта (утро), так и формальным, «по необходимости» (вечер). Точно так же проверка и оформление (день) могут быть увлекательным диалогом с фактами (утро) или скучной отчетностью (вечер).

Утренняя наука

Утренняя наука — это режим, в котором исследователь сохраняет живое, лично окрашенное отношение к своему делу. Его можно охарактеризовать через следующие признаки:

1. **Присвоенная проблема.** Исследователь занимается тем, что ему лично интересно. Проблема рождается из его собственного любопытства, из нестыковок между теорией и наблюдением, а не только из внешнего задания (гранта, плана, «горячего» направления). Вопрос «мое это или чужое?» здесь имеет однозначный ответ.

2. **Диалог со средой.** Неожиданный результат эксперимента, критическое замечание рецензента, несовпадение данных с ожиданиями воспринимаются не как помеха, а как вызов. Исследователь вступает в диалог с реальностью: «Почему это не так, как я думал? Что я упустил?». Это открытость обратной связи, готовность корректировать свои представления под давлением фактов.

3. **Учебное отношение к ошибке.** Ошибка не разрушает самооценку, а становится источником информации. Она не скрывается, а анализируется. В широком смысле это установка на обучение, а не на подтверждение своей правоты.

4. **Активность развивающего контура.** После завершения исследования (или его этапа) ис-

следователь не остается тем же, что и до начала. Он извлек опыт, который изменил его понимание, его подход, его отношение к делу. Научная работа становится не только способом получения результата, но и способом изменения самого исследователя.

Результат утренней науки — не только статья или отчет, но прежде всего новое понимание и изменение самого исследователя.

Вечерняя наука

Вечерняя наука — это режим, в котором акцент смещается с внутреннего, личного отношения к делу на внешние, формальные показатели. Исследователь может быть вполне добросовестен, но его работа оказывается встроена в логику отчетности, где главными становятся не столько новые смыслы, сколько соответствие требованиям.

1. **Внешне заданная проблема.** Исследователь занимается темой, потому что «так надо» — тематика гранта, требование руководства, модное направление, обещающее много публикаций. Личное любопытство может отсутствовать или подавляться. Проблема остается «чужой», даже если исследователь добросовестно выполняет свою часть работы.

2. **Исполнительское взаимодействие.** Неожиданный результат воспринимается как помеха, как отклонение от плана. Реакция на критику — защитная или формальная. Диалог со средой подменяется попыткой вписать любую обратную связь в заранее заданную схему.

3. **Безопасное отношение к ошибке.** Ошибка переживается как угроза (потеря времени, ресурсов, статуса). Поэтому ее скрывают, минимизируют или перекладывают. Исследователь учится не столько на ошибках, сколько избеганию ситуаций, в которых они могут возникнуть.

4. **Блокировка развития.** Исследователь может быть очень эффективен в формальном смысле — писать много статей, получать гранты, расти по карьерной лестнице. Но его понимание мира, его способность удивляться и учиться могут не развиваться. Опыт присваивается лишь прагматически: как быстрее достичь следующего формального результата.

Результат вечерней науки — формальный отчет, строчка в базе данных, индекс цитирования. Приращения понимания может при этом не происходить.

Таблица 1. Сравнительная таблица характеристик утренней и вечерней науки

Критерий	Утренняя наука	Вечерняя наука
Проблема	Рождается из собственного любопытства, из внутреннего интереса	Часто задается внешними обстоятельствами (тематика гранта, требование отчитаться)
Отношение к неожиданному	Воспринимается как вызов, повод для пересмотра представлений	Часто воспринимается как помеха, отклонение от плана
Ошибка	Рассматривается как источник информации, возможность научиться	Часто переживается как угроза (потеря времени, ресурсов, статуса)
Развитие исследователя	Исследователь меняется, извлекает опыт	Исследователь формально эффективен, но его понимание мира может не развиваться
Главная рефлексивная ось	«Что я узнал нового о мире?»	«Как соответствовать требованиям?»

Динамика переходов и сосуществование режимов

Утренняя и вечерняя наука не являются взаимоисключающими альтернативами. В реальной практике конкретного исследователя они могут сосуществовать, переплетаться и сменять друг друга. Более того, один и тот же исследователь в рамках одного проекта может действовать из «утренней» позиции на этапе постановки проблемы и погружения в материал и переходить в «вечернюю» позицию на этапе оформления результатов для отчетности. Это естественно и не является проблемой.

Проблема возникает тогда, когда **«вечер» вытесняет «утро»** и занимает все пространство научной работы. Это может происходить под давлением внешних факторов (бюрократизация, гонка за показателями) или в результате внутренней усталости и потери смысла.

Переход из «вечера» в «утро» возможен, но требует осознанных усилий. К факторам, способствующим такому переходу, можно отнести: смену научной среды (например, участие в неформальных семинарах, общение с увлеченными коллегами); погружение в новую, нестандартную проблему, которая «зацепляет» лично; сознательную рефлекссию собственной вовлеченности; временное дистанцирование от отчетности и формальных требований. Блокируют переход ригидные институциональные структуры, хроническая перегрузка, отсутствие обратной связи, а также привычка воспринимать научную работу исключительно как «выполнение задания».

Таким образом, утро и вечер — это не два типа ученых, а два режима, между которыми исследователь может перемещаться. Ценность предлагаемого различия — не в диагностике, а в возможности **замечать**, в каком режиме я нахожусь сейчас, и при необходимости искать пути к возвращению «утра».

Метафора утра и вечера

как инструмент самонаблюдения

Предлагаемое различие «утренней» и «вечерней» науки не требует от исследователя немедленного изменения поведения. Его задача — **помочь замечать**, в каком режиме находится его текущая активность, и, возможно, лучше понимать собственные мотивы и состояния.

Как отмечал А.Н. Поддьяков в своем докладе в Академическом дискуссионном клубе ИП РАН в феврале 2026 года, в реальном сложном исследовании ученый имеет дело с эмоционально заряженным облаком идей и гипотез, которые невозможно интерпретировать однозначно (*видео-запись доклада А.Н. Поддьякова на Rutube-канале Академического дискуссионного клуба ИП РАН*)¹. Сфера организации науки и отчетности, однако, часто требует однозначных, формализованных продуктов. Предлагаемое здесь различие утра и вечера — это не замена дихотомии Жакоба, а ее развитие в направлении, позволяющем говорить не только о фазах творческого цикла, но и о **качестве присутствия** исследователя.

Для самонаблюдения можно использовать следующие вопросы, сформулированные в континуальном формате (ответы могут лежать на шкале от 1 до 5 или от «полностью согласен» до «полностью не согласен»):

1. Присвоение. Эта проблема является по-настоящему моей, я занимаюсь ею из внутреннего интереса, а не только потому, что «так надо» (1 — полностью внешняя, 5 — полностью моя).

2. Отношение к неожиданному. Когда происходит нечто, чего я не ожидал (отказ рецензента, несовпадение данных с гипотезой), я воспринимаю это как вызов, повод научиться чему-то новому (1 — как помеха, 5 — как вызов).

¹ <https://rutube.ru/channel/56925741/>

3. **Отношение к ошибке.** Я воспринимаю ошибку как возможность научиться (1 — как угрозу, 5 — как источник информации).

4. **Развитие.** После завершения этого дела (или его этапа) я чувствую, что изменился, извлек важный для себя опыт (1 — остался тем же, 5 — изменился существенно).

5. **Временная перспектива.** Этот результат нужен мне сейчас, чтобы отчитаться или чтобы изменить мое понимание мира даже через год? (1 — только для отчета, 5 — для долгосрочного понимания).

Исследователь, который честно ответит себе на эти вопросы, сможет лучше понять, в каком режиме он находится в данный момент. Важно подчеркнуть, что «вечерний» режим не является «плохим» или «патологическим». Внешние обстоятельства — требования грантодателей, необходимость отчитываться, институциональные процедуры — часто вынуждают исследователя действовать именно в этом режиме. Проблема возникает не тогда, когда вечер есть, а когда он **выдает себя за утро** — когда исследователь перестает замечать разницу между подлинной вовлеченностью и формальным исполнением.

Предложенный инструмент является сугубо интроспективным. Для внешней оценки (например, научным руководителем или коллегами) его использование требует модификации: вместо прямых вопросов о внутреннем состоянии можно использовать наблюдение за поведенческими паттернами (например, частота и характер инициативных обсуждений, реакция на критику, готовность пересматривать гипотезы).

От метафоры к теории: операционализация критериев на языке теории дела

Предложенное различение утренней и вечерней науки оставалось бы на уровне красивой метафоры, если бы не существовало теоретических разработок, позволяющих перевести критерии утра (присвоение проблемы, диалог со средой, учебное отношение к ошибке, развивающий контур) на язык конкретных понятий и операциональных моделей.

Одной из таких разработок является **теория дела**, представленная в предшествующих публикациях (Рябов, 2026). Ниже показано, как эта теория позволяет не просто переименовать, но операционализировать критерии утра и вечера, то есть предложить эмпирические индикаторы и наблюдаемые параметры для каждого из них.

Присвоение проблемы в теории дела связывается с понятием «присвоение» — превращени-

ем объективной проблемы в личный вызов. Без присвоения нет дела, есть лишь внешнее задание. Теория дела различает первичное присвоение (тотальное, детское) и вторичное (рефлексивное, взрослое), а также описывает механизм симуляции — мысленного проигрывания вариантов, предшествующего реальному действию (Рябов, 2026). **Эмпирические индикаторы присвоения:** исследователь спонтанно возвращается к проблеме в свободное время; формулирует проблему в терминах «меня интересует», «я хочу понять», а не «требуется выяснить»; испытывает эмоциональный подъем при обсуждении темы.

Диалог со средой в теории дела представлен понятием «взаимодействие» как адаптивного, итерационного процесса. Внутренний контур «задача — способ — действие — ответ среды» предполагает постоянную коррекцию на основе обратной связи. Ключевое отличие дела от формальной активности — открытость ответу среды, готовность менять свои действия под влиянием неожиданного результата (Рябов, 2026). **Эмпирические индикаторы диалога:** исследователь инициирует обсуждение неожиданных результатов; при расхождении данных с гипотезой задает вопросы «почему?», а не ищет оправдания; пересматривает план эксперимента при поступлении новых данных.

Учебное отношение к ошибке связано в теории дела с различением двух контуров регуляции. **Оперативный контур** позволяет адаптировать действия в ответ на обратную связь — это есть и в утренней, и в вечерней науке. Но **развивающий контур** замыкается после завершения дела и приводит к изменению самого субъекта — его отношения к проблеме, его понимания, его идентичности. Именно активность развивающего контура отличает утреннюю науку от вечерней: в вечерней науке этот контур заблокирован (Рябов, 2026). **Эмпирические индикаторы активности развивающего контура:** исследователь возвращается к неудачным результатам спустя время с новым пониманием; использует ошибки для выработки новых методов; его подход к исследованию заметно эволюционирует от проекта к проекту.

Развитие исследователя в теории дела описывается через понятие «опыт» как присвоенного изменения. Опыт — это не просто результат или навык, а интеграция итогов взаимодействия в картину мира, в личностную идентичность. Если после завершения работы исследователь остался тем же — значит, опыт не был присвоен и дело осталось формальным (Рябов, 2026). **Эмпирические индикаторы присвоения опыта:** исследователь может сформулировать, что именно

изменилось в его понимании после проекта; использует полученные инсайты в других контекстах; его дальнейшие вопросы становятся глубже или иначе структурированы.

Таким образом, теория дела позволяет перейти от метафорического к операциональному языку: каждый критерий «утра» получает конкретные, наблюдаемые признаки, которые могут быть зафиксированы как в самонаблюдении, так и (с определенными ограничениями) во внешней оценке.

Важно подчеркнуть, что представленная модель индивидуального дела не является изолированной конструкцией. Она обладает свойством фрактальности: структура дела инвариантна на любом масштабе — от короткого эксперимента до многолетнего исследовательского проекта (Мандельброт, 2009; Никольская, 2026; Рябов, 2020). Это свойство позволяет распространить логику анализа на два новых класса явлений. Во-первых, вводится понятие общего дела — коллективных форм научной работы, где возникает феномен «совокупного субъекта» (научная школа, исследовательская команда) и разделяемой культуры. Во-вторых, анализируется распределенная субъектность — ситуация, когда функции целеполагания, исполнения и ответственности распределены между человеком и системами искусственного интеллекта, что ставит новые вопросы о сохранении «утра» в условиях автоматизации (Рябов, 2023а; 2023б). Эти перспективы требуют отдельного обсуждения, однако их упоминание здесь важно для демонстрации эвристического потенциала теории дела.

Заключение

Обсуждение метафоры «дневной» и «ночной» науки на площадке Академического дискуссионного клуба ИП РАН в начале 2026 года показало, что научное сообщество испытывает запрос на рефлексию не только публичных результатов, но и скрытых, внутренних процессов творчества. Предложенное здесь различие «утренней» и «ве-

черней» науки дополняет этот разговор, обращая внимание на еще одно измерение — изменение самого отношения исследователя к своей работе в условиях антропологического перелома.

Утренняя наука не «хорошая», а вечерняя не «плохая». Оба режима существуют в реальной научной жизни. Вечерняя наука необходима: отчетность, планирование, формальные процедуры — это то, без чего не может существовать ни один научный институт. Проблема возникает не тогда, когда вечер есть, а когда он **выдает себя за утро** — когда исследователь перестает замечать разницу между подлинной вовлеченностью и формальным исполнением. Важно также понимать, что режимы могут сосуществовать и сменять друг друга в рамках одного проекта; задача не в том, чтобы избавиться от «вечера», а в том, чтобы сохранить пространство для «утра».

Метафора «утра и вечера» может служить инструментом самонаблюдения для исследователя. Она не требует немедленных изменений, но требует честности. Честности перед собой: в каком режиме я нахожусь сейчас? Признание того, что значительная часть научной работы протекает в «вечернем» режиме — это не цинизм, а первый шаг к более осознанному отношению к собственной деятельности и, возможно, к поиску способов сохранить место для «утра».

Различение утренней и вечерней науки — это приглашение к рефлексии. Но рефлексия не должна оставаться самоцелью. Она ведет к вопросу: как организовать научную работу так, чтобы в ней было больше утра? Ответ на этот вопрос требует выхода за рамки индивидуальной работы — к **общему делу** (как строить команды, где утро не подавляется вечером) и к осознанному взаимодействию с системами искусственного интеллекта (как не попасть в «ловушку комфорта», когда алгоритмы делают все за нас, а мы теряем авторство и развитие). Эти вопросы составляют предмет дальнейших исследований автора.

Литература:

- Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Голиков Ю.Я. Методологические проблемы современной психологии в свете антропного принципа и постнеклассической научной картины мира // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2014. Т. 1. № 1. С. 3–27.
- Голиков Ю.Я. Основные особенности современных концептуальных представлений о материальной природе человека и его эволюции // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 4–40.
- Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2009.

- Никольская А.В. Фрактальная парадигма в социальных науках: модели, методы, перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2026. Т. 11. № 1. С. 32–51. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2026_38_1_002.
- Рябов В.Б. Организационно-фрактальный подход к психологическим исследованиям жизнедеятельности человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 2. С. 34–67. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.15.2.002. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document553.pdf>
- Рябов В.Б. Современный этап научно-технического прогресса: развитие или деградация человека? // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023а. Т. 8. № 2. С. 139–158.
- Рябов В.Б. Модели мира и проблемы современного этапа взаимодействия естественной и искусственной эволюции человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023б. Т. 8. № 4. С. 101–127. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_29_4_005. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document954.pdf>
- Рябов В.Б. К проблеме психологического схизиса: от концепции деятельности к понятию «Дело» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2026. Т. 11. № 1. С. 52–78.
- Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Степин В.С. Философия в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 4. С. 18–34.
- Jacob F. From night bustle to printed quietness // Nature. 2001. Vol. 409. № 6819. P. 445–447.

MORNING AND EVENING SCIENCE: THE DEVELOPMENT OF F. JACOB'S DICHOTOMY IN THE CONTEXT OF AN ANTHROPOLOGICAL TURNING POINT

©Vladimir B. Ryabov

Candidate of Technical Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ryabov48@mail.ru; ORCID: 0009-0005-9974-7968

The article is devoted to the development of the well-known dichotomy of “day” and “night” science, proposed by the Nobel laureate F. Jacob. It is shown that the classical Jacob dichotomy captures the difference between creativity (night) and verification (day), two honest stages of a genuine scientific search. However, in modern conditions — the anthropological turning point, digital transformation and deepening of psychological schism — there is a need for an additional language that allows us to describe the change in the researcher’s attitude to his work. The metaphor of “morning” and “evening” science is proposed as a working language. Discrimination criteria are introduced, their dynamics and the possibility of coexistence are discussed. A simple self-observation tool for the researcher is proposed, formulated in a continuum format. The final part of the article shows how these criteria can be operationalized in the language of case theory — an approach that has the property of fractality and allows analyzing both individual scientific work, as well as a common cause and distributed subjectivity. The article is of a debatable nature and is addressed to the participants of the IP RAS Academic Discussion Club.

Keywords: day and night science, morning science, evening science, F. Jacob, psychological schism, anthropological turning point, systemic approach, procedural analysis, fractality, case theory, common cause, distributed subjectivity, self-diagnosis

REFERENCES

- Vasilyuk F.E. (1996). The methodological meaning of psychological schism // Questions of psychology. № 6. P. 25–40.
- Golikov Yu. Ya. (2014). Methodological problems of modern psychology in the light of the anthropic principle and the post-nonclassical scientific picture of the world // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 1. № 1. P. 3–27.

- Golikov Yu. Ya.* (2022). Main features of modern conceptual ideas about the material nature of man and his evolution // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 7. № 2. P. 4–40.
- Lomov B. F.* (1975). On the systemic approach in psychology // Questions of psychology. № 2. P. 31–45.
- Lomov B. F.* (1984). Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Nauka Publ.
- Mandelbrot B.* (2009). Fractal geometry of nature. Moscow: Institute of Computer Research.
- Nikolskaya A. V.* (2026). Fractal paradigm in social sciences: models, methods, prospects // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 11. № 1. P. 32–51. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2026_38_1_002.
- Ryabov V.B.* (2020). Organizational and fractal approach to psychological research of human vital activity // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 5. № 2. P. 34–67. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2020.15.2.002. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document553.pdf>
- Ryabov V.B.* (2023a). The modern stage of scientific and technological progress: human development or degradation? // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 8. № 2. P. 139–158.
- Ryabov V.B.* (2023b). Models of the world and problems of the modern stage of interaction between natural and artificial human evolution // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 8. № 4. P. 101–127. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_29_4_005. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document954.pdf>
- Ryabov V.B.* (2026). On the problem of psychological schism: from the concept of activity to the concept of “Business” // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor. Vol. 11. № 1. P. 52–78.
- Stepin V.S.* (2000). Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition.
- Stepin V.S.* (2006). Philosophy in the era of change // Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. № 4. P. 18–34.
- Jacob F.* (2001). From night bustle to printed quietness // Nature. Vol. 409. № 6819. P. 445–447.

СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

АТРИБУЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФИНАНСОВЫЕ РЕШЕНИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ОБОСНОВАНИЕ ПОДХОДА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

© Дробышева Т.В.

доктор психологических наук, Институт психологии Российской академии наук;
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tdrobysheva@mail.ru, DrobyshevaTV@ipran.ru; ORCID: 0000-0002-9578-4463

© Кренинина А.А.

аспирант, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия
kretininaaa@ipran.ru; ORCID: 0009-0007-9426-8305

Для цитирования:

Дробышева Т.В., Кренинина А.А.
Атрибуция ответственности за финансовые решения во взаимодействии с искусственным интеллектом: обоснование подхода и концептуальные представления // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 39-48.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_04
Drobysheva T.V., Kretinina A.A.
Responsibility attribution for AI-interaction financial decisions rationale of the approach and conceptual framework. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 39-48.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_04

Статья посвящена проблеме изучения атрибуции личностью ответственности за финансовые решения в ситуациях, когда человек обращается за помощью к ИИ. Теоретический анализ аргументирует концептуальную модель планируемого эмпирического исследования. Изложены представления авторов о вариативности направленности атрибуции ответственности в зависимости от ее результата (успех/неудача) и восприятия ИИ как квазисубъекта или как инструмента, технологии. Анализируются характеристики личности — самооффективность, отношение к ИИ, толерантность к неопределенности, финансовая личностная тревожность как факторы (предикторы), которые могут обуславливать направленность изучаемой атрибуции ответственности.

Ключевые слова: атрибуция ответственности, взаимодействие с искусственным интеллектом, финансовые решения, планирование бюджета, личностные факторы ответственности

Введение

Восприятие человеком ИИ как своего помощника в разных сферах жизнедеятельности в настоящее время нередко становится предметом междисциплинарных исследований (Минзарипов, Порошенко, 2025; Yang, Oshio, 2025). Отмечается, что в последние годы участились обращения разных категорий населения к ИИ, в том числе и за рекомендациями по финансовым вопросам. Так, анализ постов социальных сетей, выполненный специалистами Harvard Business Review в 2025 году, показал, что использование ИИ участниками сетевого сообщества с целью планирования личных финансов и шоппинга занимает 49-е и 54-е место из 100 позиций в общем списке (Zao-Sanders, 2025). В 2026 году, по их данным, наблюдается рост популярности использования

ИИ в сфере персональных финансовых и бизнес-советов (31-е и 30-е место), а также шопинга (27-е место) (Zao-Sanders, 2026). Российские опросы подтверждают результаты зарубежных коллег — по данным Ассоциации ФинТех, 59% россиян готовы доверить ИИ управление своими финансами¹. Поскольку среди тех, кто более позитивно относится к новым технологиям в целом, процент молодежи выше, чем людей более старшего возраста (Полева, 2025, Татарко и др., 2022), то можно предположить, что использование ИИ в качестве помощника в решении финансовых вопросов также более распространено среди молодых людей.

В частности, анализ исследований финансового поведения учащейся молодежи показывает, что многие из них совмещают учебу в вузе с работой, что указывает на их желание финансово сепариро-

¹ Исследование Ассоциации ФинТех: «3x10 трендов 2025 года».

ваться от родителей (Желдакова и др., 2025; Фрик, Лещенко, 2024). Тем не менее, как отмечают исследователи, нередко среди молодых людей наблюдается не соответствующее их финансовым возможностям потребительское поведение, выражающееся в импульсивном потреблении, зависимости от банковских кредитов (Ярашева и др., 2023). При этом сберегательное и инвестиционное поведение менее выражено среди молодежи, что может косвенно свидетельствовать об их неготовности к долгосрочному финансовому планированию (Аликперова, 2024; Илларионов и др., 2025; Трошин, 2023; Фрик, Лещенко, 2024). По всей видимости, это связано с современной ситуацией в развитии российского общества, характеризующейся, с одной стороны, характером экономической жизни страны, с другой — интенсивным развитием технологий, выраженным антропоцентризмом их восприятия в массовом сознании, что указывает на актуальность изучения процессов взаимодействия представителей разных категорий населения с ИИ.

Следует заметить, что вопрос о социальном характере взаимодействия человека и ИИ раскрывается в разных теоретических подходах и концепциях. Так, например, в акторно-сетевой теории Б. Латура в качестве действующих объектов в социальных системах и отношениях рассматриваются объекты окружающей среды: рукотворные вещи, объекты культуры и идеи, природные явления (Латур, 2014). В эгопсихологическом подходе к развитию психики В. И. Панова отмечается, что объекты и явления окружающей среды, оказывающие влияние на человека, могут рассматриваться как квазисубъекты, что применимо к информационной среде, в том числе ИИ (Полева, 2025). Подобные суждения высказывают и другие исследователи — люди склонны воспринимать ИИ как наделенных намерениями агентов. Основываясь на вышеизложенном, можно предположить, что отношение пользователя к ИИ как к квазисубъекту предполагает социальный характер взаимодействия с ним в дальнейшем (Аверкин и др., 2025; Гудкова, Тупикова, 2024).

Отмечается, что с ростом позитивного отношения к ИИ снижается уровень критики к предъявляемой ИИ информации (Lee et al., 2025). В то же время люди, не имеющие устойчивого представления об ИИ, часто завышают оценки возможности его применения (Садовская, Панов, 2024). Можно лишь предположить, что снижение уровня критики в адрес полученной от ИИ информации может изменять направленность и атрибутивных процессов пользователя.

Анализ исследований показывает, что ряд вопросов, связанных с изучением атрибутивных процессов ответственности за финансовые решения, остаются открытыми для их дальнейшего изучения. Конкретно: на кого возлагается ответственность за принятые во взаимодействии с ИИ решения, как проявляется атрибуция ответственности ИИ — как объектная или как личностная?

Вышеизложенное указывает на *актуальность* изучения *научной проблемы* атрибуции ответственности личности за принятые финансовые решения, а также социальной проблемы, выраженной в нежелании современной молодежи принимать на себя ответственность за свои же решения. *Цель* теоретического исследования, представленного в данной статье, заключается в обосновании концептуальной модели атрибуции личностью ответственности за финансовые решения во взаимодействии с ИИ-агентами.

Теоретическое обоснование подхода к исследованию атрибуции ответственности за финансовые решения во взаимодействии с ИИ

Теоретико-методологической основой нашей работы стала теория каузальной атрибуции, подробно описанная в классических работах Ф. Хайдера, Г. Келли, Э. Джонса, К. Девиса, Б. Вайнера и т. д. В рамках данной теории рассматриваются разные виды направленности: личностная, ситуативная, предметная и самоатрибуция (Келли, 1984; Михайлова, 2007). В своей работе мы будем придерживаться данной классификации.

По данным исследователей, ответственность за поведение или принятое решение личности может быть объяснена как внутренними (интернализация ответственности проявлением саморегуляции поведения, укрепляет целеустремленность и устойчивость личности к трудностям, тогда как экстернализация — ее снижает), так и внешними (экстернализация ответственности) причинами (Быков, 2006; Муздыбаев, 2017). Понятия интернализации и экстернализации важны для данной работы в контексте исследования направленности атрибуции ответственности по отношению к ИИ-агентам.

Медиатором выбора атрибуции ответственности могут выступать личностные качества человека (н-р, локус-контроля, эгоизм, стремление к успеху, самоактуализация) или его жизненная позиция и т. п. (Бузган, 2023; Дементий, 2005; Магомедова, 2007). Не менее важный вопрос — значимость для личности объекта ответственности. Например, в исследовании атрибуции ответственности за благополучие пожилых людей студенты

и работающие взрослые чаще приписывали ответственность престарелым людям, а неработающие пенсионеры — обществу, государству и семье, что интерпретировалось в работе как проявление экстернальной ответственности в ситуациях межгруппового взаимодействия (Дробышева, 2015; Емельянова, Зинина, 2015; Зинина, 2018).

В данном ракурсе анализа проблемы остается открытым вопрос о приписывании личностью ответственности за свои решения ИИ. Можно лишь предположить, что, пользователь, обращаясь за помощью к большим языковым моделям (БЯМ), будет возлагать ответственность на ИИ в зависимости от значимости того вопроса, по которому он обращался за советом, и от того, насколько успешны/неуспешны были последствия принятого решения.

В исследовании М. Зеленберга и его коллег описывались эмоциональные реакции на действие либо бездействие человека, принявшего решение. По их мнению, независимо от успеха или неудачи человек склонен сильнее реагировать на последствия событий, если он был их активным участником, то есть действовал, а не бездействовал (Zeelenberg et al., 2000).

Эта же проблема рассматривалась и в работе Б.Ф. Малле, изучавшего совместно с коллегами проблему внешней атрибуции личностью ответственности во взаимодействии с ИИ (Malle et al., 2025). Исследователей интересовал вопрос, на кого респонденты возлагают вину в зависимости от действия или бездействия ИИ-агента и человека. Результаты показали, что атрибуция ответственности к людям и ИИ-агентам одинакова в случае, если они действовали. Авторы исследования обнаружили, что в случае бездействия «индекс вины» по отношению к ИИ намного больше, чем к людям. Показано, что при сравнении количественных показателей оценки действия и бездействия, независимо от агента, большая ответственность атрибутировалась тем, кто действовал [там же]. Полученные результаты согласуются с данными исследовательской группы М. Зеленберга: аффективные реакции на ситуации, в которых агент действовал, более выражены, чем когда он бездействовал, причем независимо от направленности атрибуции — внутренней или внешней. В контексте дальнейшего исследования использование чат-бота, следование его совету, может попадать под определение «бездействия», так как требует меньших эмоционально-волевых усилий.

Специалисты отмечают, что при оценке принятого при помощи ИИ решения в сознании пользо-

вателя может наблюдаться эффект «диффузии ответственности» (Santoni de Sio, Mecacci, 2021); он заключается в том, что при совместном принятии решения или использовании совета персональная ответственность может снижаться и возлагаться на другого участника взаимодействия полностью или частично (Cooper, 2024). Логично предположить, что при реализации совета, полученного от ИИ, будет иметь место полное или частичное приписывание ответственности ИИ-советнику. Следовательно, возникновение диффузии ответственности у пользователя во взаимодействии с ИИ вполне закономерно.

На основании проведенного теоретического анализа можно заметить склонность пользователей атрибутировать ИИ ответственность и вину за совершенные действия, а также возникновение явления «диффузии ответственности». По нашему мнению, данные эффекты могут быть объяснены уровнем самоэффективности, толерантности к неопределенности и выраженным позитивным отношением к ИИ.

Атрибуция ответственности за финансовые решения во взаимодействии с ИИ: модель и концептуальные представления

В ситуации планирования бюджета молодые люди нередко обращаются к ИИ как финансовому помощнику с целью анализа, распределения и контроля доходов и расходов (Alrawashdeh, 2026). Формируя запрос, пользователь рассчитывает получить информацию или совет, направленный на поиск решения поставленной им финансовой задачи. Далее, получив ответ от ИИ и проанализировав информацию, пользователь выбирает, стоит ли следовать полученной им рекомендации. Процесс принятия и отвержения альтернатив происходит параллельно, так как позитивное и негативное решение не являются одним биполярным измерением (Тугарева, 2010). Выбор довериться ИИ, воспользовавшись предоставленной им информацией, направленной на решение финансовой задачи, имеет долгосрочные последствия. Следовательно, оценка последствий исхода принятого при помощи ИИ решения происходит спустя некоторое время. Исход принятого решения может быть оценен как позитивный в ситуации достижения поставленной задачи (например, при увеличении дохода) или как негативный, если цель не достигнута (рис. 1).

Атрибуция ответственности в данном случае может иметь разную направленность.

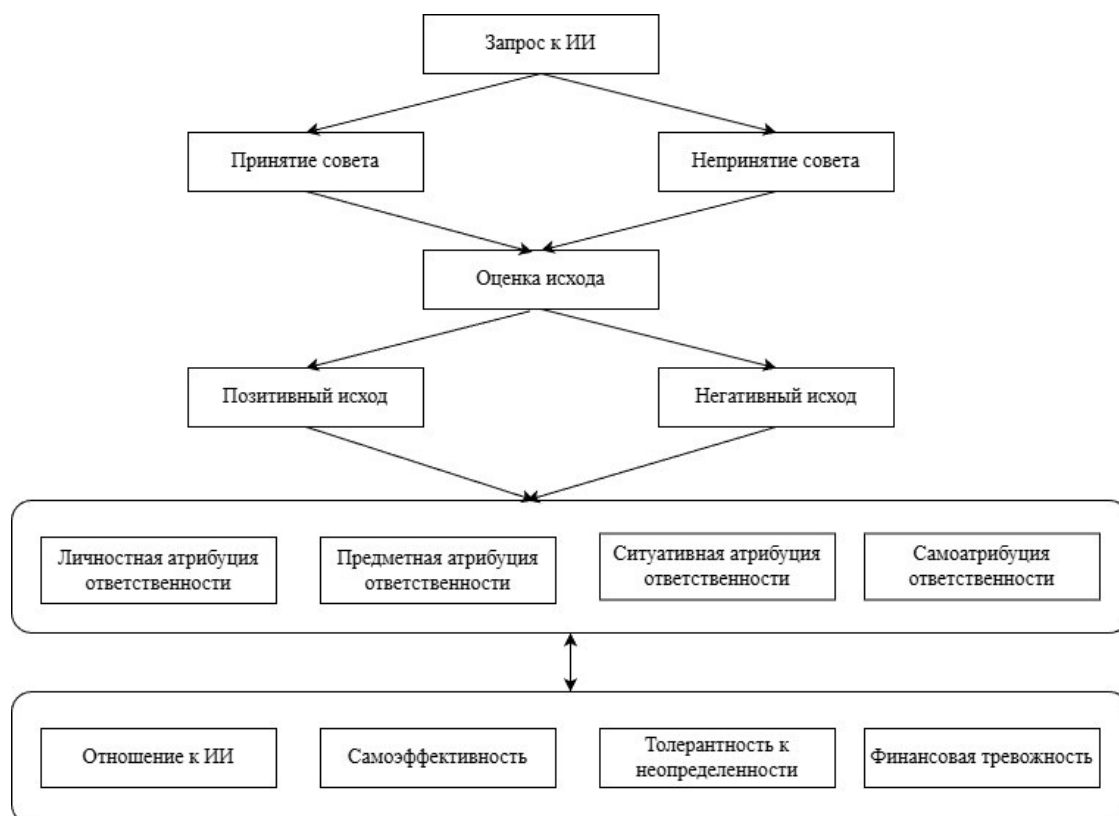

Рис. 1. Концептуальная модель атрибуции ответственности во взаимодействии с ИИ

При оценке исхода принятого решения при помощи ИИ пользователь осознает необходимость в принятии ответственности за последствия этого решения. Как отмечают некоторые исследователи, предполагаемое влияние ИИ-агента на результат исхода взаимодействия чаще всего связано с приписыванием ответственности ИИ, но не с возложением ответственности на разработчиков — программистов (Ayad, Plaks, 2024). Направленность атрибуции ответственности может зависеть от оценки ущерба, понесенного при сбоех в работе ИИ. В ситуации высокой оценки такого ущерба люди склонны возлагать ответственность на разработчиков систем ИИ (Fildor et al., 2026).

Анализируя атрибуцию ответственности в ситуации взаимодействия ИИ и человека, можно предположить, что самоатрибуция ответственности зависит от ранее сформированных черт личности, к примеру — самоэффективности и толерантности к неопределенности (Проненко, Вашумирская, 2023; Thomas, Sabu, 2024). Следовательно, в ситуации негативных последствий (н-р, неудачных инвестиций), принимая на себя ответственность за принятое решение (самоатрибуция), личность, имеющая такие качества, как высокая самоэффективность и толерантность к неопределенности, будет готова к коррекции своих действий. Такая категория людей отличается уверенностью в себе

и своих действиях по достижению поставленных целей, устойчивостью к ситуациям неопределенности и умеренной финансовой тревожностью.

По нашему мнению, атрибуция ответственности к ИИ может проявляться и как личностная, и как предметная, в зависимости от отношения пользователя к ИИ как к квазисубъекту взаимодействия или просто как к технологии. В первом случае, вероятнее всего, ИИ будет субъективно наделяться антропоморфными характеристиками, а пользователь будет проявлять личностную атрибуцию ответственности по отношению к ИИ. Предметная же атрибуция ответственности в отношении ИИ будет проявляться в случае восприятия ИИ исключительно как программы, при этом квазисубъектом взаимодействия пользователь может считать разработчика программного обеспечения, создавшего ИИ, и, следовательно, личностная атрибуция ответственности будет приписываться разработчику.

В данной работе будет рассматриваться ситуация активного использования респондентом совета ИИ (т.е. последовал совету).

Такие личностные и социально-психологические характеристики пользователей ИИ как самоэффективность, толерантность к неопределенности, финансовая тревожность и отношение к ИИ могут изменять направленность атрибуции в зависимости от оценки пользователем (позитивной/

негативной) полученного результата (рис. 1). Конкретизируя данную гипотезу, заметим, что отношение «человек — ИИ» во многом основывается на доверии к ИИ как агенту. Имеющиеся у пользователя устоявшиеся представления об ИИ, на наш взгляд, тоже могут оказывать влияние на направленность атрибуции ответственности. При этом финансовая тревожность может выступать фактором, оказывающим негативное влияние на проявление самоатрибуции ответственности.

Резюмируя, можно предположить, что при позитивном результате взаимодействия и использования совета ИИ, самоэффективность и толерантность к неопределенности как факторы будут статистически слабо взаимосвязаны с показателями самоатрибуции ответственности, в то время как при негативном исходе выраженная самоэффективность может как усиливать, так и снижать выраженность самоатрибуции и ситуативной атрибуции ответственности.

С нашей точки зрения, пользователи с высоким уровнем толерантности к неопределенности будут чаще не только приписывать ответственность за принятые решения себе, но и проявлять готовность к устранению негативных последствий принятого решения. Финансовая тревожность при позитивном исходе принятого решения может быть отрицательно взаимосвязана с выраженностью проявления самоатрибуции ответственности. В ситуациях позитивного или негативного исхода отношение пользователей к ИИ будет определять направленность атрибуции ответственности за принятые решения в адрес ИИ — личностная или предметная.

Конечно, все сформулированные выше предположения требуют эмпирической проверки. Эмпирическое исследование атрибуции ответственности молодежью за принятие финансовых решений во взаимодействии с ИИ планируется проводить посредством авторского опросника, ориентированного на выявление направленности атрибуции ответственности во взаимодействии с ИИ, а также экспериментальных ситуаций (виньеток), отражающих разные виды финансового поведения во взаимодействии с ИИ. Отношение к ИИ будет изучаться посредством применения опросника «Отношения пользователя к технологиям искус-

ственного интеллекта» (Филенко, Моисеев, 2025). С целью изучения самоэффективности будет применена «Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема» (Ромек и др., 1996). Изучение толерантности к ситуации неопределенности предполагается при помощи «Шкалы толерантности к неопределенности Баднера» (Корнилова, Чумакова, 2014). Дополнительно в программу войдут опросники: «Шкала финансовой личностной тревожности» (Дробышева, Садов, 2021), самооценки уровня субъективного дохода.

Заключение

Анализ исследований, выполненный в рамках изучаемой проблемы атрибуции ответственности за финансовые решения пользователями ИИ, позволил сформулировать ряд предположений, содержательно раскрывающих концептуальные представления авторов статьи. Речь идет о вариативности приписывания личностью ответственности за принятые финансовые решения в ситуации обращения за помощью к ИИ, о роли личностных характеристик, выступающих в роли психологических медиаторов этого процесса.

Показано, что данная проблема более характерна для молодых людей, чем представителей старшего поколения, поскольку современная молодежь отличается, с одной стороны, готовностью использовать цифровые технологии для принятия решений, с другой — нежеланием принимать на себя ответственность за их последствия. В связи с этим данное исследование планируется проводить на молодежной выборке.

Важную роль в приписывании ответственности за принятые решения во взаимодействии с ИИ играет принцип антропоморфизма: восприятие ИИ как субъекта по совместному принятию решения может сопровождаться перекладыванием на него ответственности частично («диффузная ответственность») или полностью (предметная/личностная атрибуция ответственности). Эмпирическая верификация сформулированных в работе предположений позволит конкретизировать концепцию атрибуции ответственности, выявить новые зоны ее развития.

Литература:

- Аверкин А.Н., Воронина Н.Ф., Пелипас О.В. Партнерские отношения человека и искусственного интеллекта: миф или реальность в современном мире // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2025. № 2(83). С. 44–51.
- Аликперова Н.В. Инвестиционные стратегии молодежи: поиск возможностей в решении социально-экономических проблем // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 6. С. 116–123. DOI: <https://doi.org/10.34706/DE-2024-01-06>

- Бузган Е.И. Взаимосвязь ответственности и самоактуализации у современной молодежи // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 4. С. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160405>
- Быков С.В. Социально-психологическая регуляция ответственности личности: Дисс. ... доктора психол. наук. Казань, 2006.
- Гудкова Я.А., Туликова В.А. Изучение искусственного интеллекта через призму теории социального конструирования // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 120–127. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.11.14>
- Дементий Л.И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности: Дисс. ... доктора психол. наук. М., 2005.
- Дробышева Т.В. Атрибуция ответственности за благополучие престарелых в обыденном сознании работающих взрослых // Материалы Международной научной конференции «Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты» (Самара, 15–17 октября 2015 года). Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2015. С. 248–253.
- Дробышева Т.В., Садов В.А. Разработка тест-опросника «Шкала финансовой тревожности личности» (на основе методики Р. Лихи) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 296–321. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.ser_2021_22_2_12.
- Емельянова Т.П., Зинина А.А. Атрибуция ответственности за психологическое благополучие престарелых людей в представлениях студенческой молодежи и работающих взрослых // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 260–269. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.2.28>
- Желдакова А.В., Коллегаева Е.А., Маслов В.С., Перин С.А., Замятин И.Д., Григорьев Д.И. Основные формы финансового поведения молодежи (на примере социологического исследования г. Барнаула) // Социодинамика. 2025. № 5. С. 18–33. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.5.74546>
- Зинина А.А. Социальные представления разных групп общества о психологическом благополучии престарелых людей: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2018.
- Илларионов А.А., Макарова Е.А., Макарова Е.Л. Инфантилизм взрослого поколения как неизбежная реальность современности // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. № 2. С. 352–374. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-2-692>
- Исследование Ассоциации ФинТех: «3х10 трендов 2025 года». Ассоциация ФинТех. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fintechru.org/upload/iblock/ca1/vkt9gmpq642m5i3qsi2317bupusz0yvv.pdf> (дата обращения: 27.05.2026).
- Келли Г. Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 127–137.
- Корнилова Т.В., Чумакова М.В. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110. URL: https://psyjournals.ru/en/journals/exppsy/archive/2014_n1/68181
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2014.
- Магомедова Н.Т. Взаимосвязь каузальных атрибуций достижений с индивидуально-психологическими особенностями личности: Дисс. ... кандидата психол. наук. Махачкала, 2007.
- Михайлова И.В. Каузальная атрибуция и самоатрибуция в сложных жизненных ситуациях: Дисс. ... кандидата психол. наук. М., 2007.
- Минзаринов Р.Г., Порошенко О.Ю. Современные социальные теории в исследовании отношений человека и искусственного интеллекта // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 288–292. DOI: <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-4-288-292>
- Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев; под ред. В.Е. Семенова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017.
- Панов В.И. Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3. С. 100–117. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-100-117>
- Полева Н.С. Динамика отношений молодежи к новым технологиям // Новые психологические исследования. 2025. № 2. С. 11–29. DOI: https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_01
- Проненко Е.А., Вашумирская Д.В. Характеристики достижения целей в профессиональной деятельности молодых людей: связь с уровнем самоэффективности и локусом контроля // Инновационная нау-

- ка: Психология. Педагогика. Дефектология. 2023. № 5. С. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-18-26>
- Ромек В.Г., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
- Садовская Е.Д., Панов К.А. Динамика структуры социальных представлений об Искусственном Интеллекте в контексте социальных изменений // Научное мнение. 2024. № 9. С. 91–96. DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2024_9_91
- Татарко А.Н., Макласова Е.В., Дубров Д.И., Багдасарян М.А. Связь базовых человеческих ценностей и вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий у молодежи и старшего поколения // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 2. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270201>
- Трошин Н.Н. Инвестиционное поведение российской молодежи: проблемы адаптации в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 164–169. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.12.19>
- Тугарева Е.В. Решение о выборе: соотношение и характер процессов принятия решения и отвержения альтернатив // Материалы конференции «Итоговая научная конференция Института психологии РАН» (Москва, 11–12 февраля 2010 г.). 2010. С. 279–290.
- Филенко И.А., Моисеев С.В. Разработка и стандартизация опросника «Отношения пользователя к технологиям искусственного интеллекта» // Сибирский психологический журнал. 2025. № 96. С. 46–65. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/96/3>
- Фрик О.В., Леценко Ю.О. Исследование сберегательного и инвестиционного поведения студенческой молодежи финансового вуза // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 10. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.14.10.121873>
- Якиманская И.С. Социальные представления о деньгах у работающих и неработающих студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN225.pdf> (дата обращения: 27.05.2026).
- Ярашева А.В., Аликперова Н.В., Марков Д.И. Особенности кредитного поведения молодежи России: тенденции и риски // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 170–182. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.14>
- Alrawashdeh N. AI-Driven Personal Finance // Artificial Intelligence in Business / Ed. by A.R. Alshehadeh, I.A. El-Qirem, G.A. Ghaleb Awad Elrefae. Cham: Springer, 2026. P. 53–62 (Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 1503). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-96631-6_6
- Ayad R., Plaks J. Attributions of Intent and Moral Responsibility to AI Agents // Computers in Human Behavior: Artificial Humans. 2024. Vol. 3. Art. 100107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbah.2024.100107>
- Cooper D.A. Diffusion of Responsibility for Actions with Advice // Journal of Behavioral Decision Making. 2024. Vol. 37. [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/384976651_Diffusion_of_Responsibility_for_Actions_With_Advice (accessed: 27.01.2026).
- Fildor D., Škrinjaric B., Budak J. Blame and Cost: Understanding Responsibility Attribution and Financial Risk in AI Usage // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2026. Vol. 34. Article e70124. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5973.70124>
- Lee H., Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., Wilson N. The impact of generative ai on critical thinking: self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers // CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25), April 26 — May 01, 2025, Yokohama, Japan. New York: ACM, 2025. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713778>
- Malle B.F., Scheutz M., Cusimano C., Voiklis J., Komatsu T., Thapa S., Aladia S. People's judgments of humans and robots in a classic moral dilemma // Cognition. 2025. Vol. 254. Art. 105958. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2024.105958>
- Santoni de Sio F., Mecacci G. Four Responsibility Gaps with Artificial Intelligence: Why they Matter and How to Address them // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34. P. 1057–1084. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-021-00450-x>
- Thomas A., Sabu D. Relationship between Academic Locus of Control and Tolerance for Ambiguity among College Students // June 2024 — Special Issue. 2024. P. 31–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/382251662_Relationship_between_Academic_Locus_of_Control_and_Tolerance_for_Ambiguity_among_College_Students (дата обращения: 27.05.2026).

- Yang F., Oshio A. Using attachment theory to conceptualize and measure the experiences in human-AI relationships // *Current Psychology*. 2025. Vol. 44. P. 10658–10669. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07917-6>
- Zeelenberg M., Pligt J., Vries N. Attributions of responsibility and active reactions to decision outcomes // *Acta Psychologica*. 2000. Vol. 104. P. 303–315.
- Zao-Sanders M., How to People Are Really Using Gen AI in 2025 // *Harvard Business Review*. April, 2025 [Электронный ресурс] URL: <https://hbr.org/2025/04/how-people-are-really-using-gen-ai-in-2025> (дата обращения: 01.06.2026).
- Zao-Sanders M., How to People Are Really Using AI in 2026 // *Harvard Business Review*. June, 2026 [Электронный ресурс] URL: <https://hbr.org/2026/06/how-people-are-really-using-ai-in-2026> (дата обращения: 01.06.2026).

RESPONSIBILITY ATTRIBUTION FOR AI-INTERACTION FINANCIAL DECISIONS RATIONALE OF THE APPROACH AND CONCEPTUAL FRAMEWORK

© Tatyana V. Drobysheva

Doctor of Psychological Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

DrobyshevaTV@ipran.ru; ORCID: 0000-0002-9578-4463

© Aleksandra A. Kretinina

Postgraduate Student, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

kretininaaa@ipran.ru; ORCID: 0009-0007-9426-8305

This article examines how individuals attribute responsibility for financial decisions in situations where they seek assistance from AI. A theoretical analysis supports the conceptual model of the planned empirical study. The authors present their views on the responsibility attribution variability depending on the outcome (success/failure) and the perception of AI as a quasi-subject or as a tool or technology. Personality characteristics — self-efficacy, attitudes toward AI, tolerance for uncertainty, and financial anxiety — are analyzed as predictors that may influence the direction of responsibility attribution.

Keywords: responsibility attribution, interaction with artificial intelligence, financial decisions, budgeting, personal factors of responsibility

REFERENCES

- Averkin A. N., Voronina N. F., Pelipas O. V. (2025). Partnership relations between humans and artificial intelligence: myth or reality in the modern world // *Information and Economic Aspects of Standardization and Technical Regulation*. № 2(83). P. 44–51.
- Alikperova N. V. (2024). Investment strategies of youth: searching for opportunities in solving socio-economic problems // *Economics. Taxes. Law*. Vol. 17. № 6. P. 116–123. DOI: <https://doi.org/10.34706/DE-2024-01-06>
- Buzgan E. I. (2023). The relationship between responsibility and self-actualization in modern youth // *Experimental Psychology*. Vol. 16. № 4. P. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160405>
- Bykov S. V. (2006). Socio-psychological regulation of personality responsibility: Doctoral dissertation (Psychology). Kazan.
- Gudkova Ya. A., Tupikova V. A. (2024). Studying artificial intelligence through the prism of social construction theory // *Theory and Practice of Social Development*. № 11. P. 120–127. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.11.14>
- Dementiy L. I. (2005). Personality responsibility as a property of the subject of life activity: Doctoral dissertation (Psychology). Moscow.
- Drobysheva T. V. (2015). Attribution of responsibility for the well-being of the elderly in the ordinary consciousness of working adults // *Proceedings of the International Scientific Conference “Psychology of Consciousness:*

- Ethnonational, Religious, Legal and Regulatory Aspects” (Samara, October 15–17, 2015). Samara: Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. P. 248–253.
- Drobysheva T.V., Sadov V.A.* (2021). Development of a test questionnaire “Scale of financial anxiety of the individual” (based on R. Leahy’s methodology) // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology. Vol. 6. № 2 (22). P. 296–321. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_22_2_12
- Emelyanova T.P., Zinina A.A.* (2015). Attribution of responsibility for the psychological well-being of elderly people in the perceptions of students and working adults // Knowledge. Understanding. Skill. № 2. P. 260–269. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.2.28>
- Zheldakova A.V., Kolegaeva E.A., Maslov V.S., Perin S.A., Zamyatin I.D., Grigoriev D.I.* (2025). Main forms of financial behavior of youth (based on a sociological survey in Barnaul) // Sociodynamics. № 5. P. 18–33. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2025.5.74546>
- Zinina A.A.* (2018). Social representations of different social groups about the psychological well-being of elderly people: PhD dissertation (Psychology). Moscow.
- Illarionov A.A., Makarova E.A., Makarova E.L.* (2025). Infantilism of the adult generation as an inevitable reality of modernity // Russian Journal of Education and Psychology. № 2. P. 352–374. DOI: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-2-692>
- FinTech Association research: “3×10 trends of 2025”. FinTech Association. [Electronic resource] URL: <https://www.fintechru.org/upload/iblock/ca1/vkt9gmpq642m5i3qsi2317bupusz0yvw.pdf> (accessed: 27.05.2026).
- Kelley H.H.* (1984). The process of causal attribution // Modern Foreign Social Psychology. Texts / Ed. by G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova, L.A. Petrovskaya. Moscow: Moscow State University Press. P. 127–137.
- Kornilova T.V., Chumakova M.V.* (2014). Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modified version of S. Budner’s questionnaire // Experimental Psychology. Vol. 7. № 1. P. 92–110. URL: https://psyjournals.ru/en/journals/exppsy/archive/2014_n1/68181
- Latour B.* (2014). Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory / transl. from English by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Higher School of Economics Press.
- Magomedova N.T.* (2007). The relationship between causal attributions of achievements and individual psychological characteristics of personality: PhD dissertation (Psychology). Makhachkala.
- Mikhailova I.V.* (2007). Causal attribution and self-attribution in difficult life situations: PhD dissertation (Psychology). Moscow.
- Minzaripov R.G., Poroshenko O.Yu.* (2025). Modern social theories in the study of human-AI relations // Bulletin of Economics, Law and Sociology. № 4. P. 288–292. DOI: <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-4-288-292>
- Muzdybaev K.* (2017). Psychology of responsibility / K. Muzdybaev; ed. by V.E. Semenov. Moscow: LIBROKOM Publishing House.
- Panov V.I.* (2022). Ecopsychological approach to mental development: stages, prerequisites, constructs // Theoretical and Experimental Psychology. № 3. P. 100–117. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-100-117>
- Poleva N.S.* (2025). Dynamics of youth attitudes toward new technologies // New Psychological Research. № 2. P. 11–29. DOI: https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2025_05_02_01
- Pronenko E.A., Vashumirskaya D.V.* (2023). Goal achievement characteristics in professional activity of young people: relationship with self-efficacy and locus of control // Innovative Science: Psychology. Pedagogy. Defectology. № 5. P. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-18-26>
- Romek V.G., Schwarzer R., Jerusalem M.* (1996). The Russian version of R. Schwarzer’s and M. Jerusalem’s General Self-Efficacy Scale // Foreign Psychology. № 7. P. 71–76.
- Sadovskaya E.D., Panov K.A.* (2024). Dynamics of the structure of social representations of Artificial Intelligence in the context of social change // Scientific Opinion. № 9. P. 91–96. DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2024_9_91
- Tatarko A.N., Maklasova E.V., Dubrov D.I., Bagdasaryan M.A.* (2022). The relationship between basic human values and involvement in the use of information and communication technologies among youth and older generation // Psychological Science and Education. Vol. 27. № 2. P. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270201>
- Troshin N.N.* (2023). Investment behavior of Russian youth: problems of adaptation in modern conditions // Theory and Practice of Social Development. № 12. P. 164–169. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.12.19>
- Tugareva E.V.* (2010). Decision to choose: correlation and character of decision-making and alternative rejection processes // Proceedings of the Final Scientific Conference of the Institute of Psychology RAS (Moscow, February 11–12, 2010). P. 279–290.

- Filenko I.A., Moiseev S.V.* (2025). Development and standardization of the questionnaire “User attitudes toward artificial intelligence technologies” // *Siberian Psychological Journal*. No. 96. P. 46–65. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/96/3>
- Frik O.V., Leshchenko Yu.O.* (2024). A study of saving and investment behavior of students of a financial university // *Economics, Entrepreneurship and Law*. № 10. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.14.10.121873>
- Yakimanskaya I.S.* (2025). Social representations of money among employed and unemployed students // *World of Science. Pedagogy and Psychology*. No. 2. [Electronic resource] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN225.pdf> (accessed: 27.05.2026).
- Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Markov D.I.* (2023). Features of credit behavior of Russian youth: trends and risks // *Population*. Vol. 26. No. 3. P. 170–182. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.14>
- Alrawashdeh N.* (2026). AI-Driven Personal Finance // *Artificial Intelligence in Business* / Ed. by A.R. Alshehadeh, I.A. El-Qirem, G.A. Ghaleb Awad Elrefae. Cham: Springer. P. 53–62 (Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 1503). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-96631-6_6
- Ayad R., Plaks J.* (2024). Attributions of Intent and Moral Responsibility to AI Agents // *Computers in Human Behavior: Artificial Humans*. Vol. 3. Art. 100107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbah.2024.100107>
- Cooper D.A.* (2024). Diffusion of Responsibility for Actions with Advice // *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 37. [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/384976651_Diffusion_of_Responsibility_for_Actions_With_Advice (accessed: 27.01.2026).
- Fildor D., Škrinjaric B., Budak J.* (2026). Blame and Cost: Understanding Responsibility Attribution and Financial Risk in AI Usage // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. Vol. 34. Art. e70124. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5973.70124>
- Lee H., Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., Wilson N.* (2025). The impact of generative AI on critical thinking: self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers // *CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25)*, April 26 — May 01, 2025, Yokohama, Japan. New York: ACM. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713778>
- Malle B.F., Scheutz M., Cusimano C., Voiklis J., Komatsu T., Thapa S., Aladia S.* (2025). People’s judgments of humans and robots in a classic moral dilemma // *Cognition*. Vol. 254. Article 105958. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2024.105958>
- Santoni de Sio F., Mecacci G.* (2021). Four Responsibility Gaps with Artificial Intelligence: Why they Matter and How to Address them // *Philosophy & Technology*. Vol. 34. P. 1057–1084. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-021-00450-x>
- Thomas A., Sabu D.* (2024). Relationship between Academic Locus of Control and Tolerance for Ambiguity among College Students // *June 2024 — Special Issue*. P. 31–36. URL: https://www.researchgate.net/publication/382251662_Relationship_between_Academic_Locus_of_Control_and_Tolerance_for_Ambiguity_among_College_Students (accessed: 27.05.2026).
- Yang F., Oshio A.* (2025). Using attachment theory to conceptualize and measure the experiences in human-AI relationships // *Current Psychology*. Vol. 44. P. 10658–10669. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07917-6>
- Zeelenberg M., Pligt J., Vries N.* (2000). Attributions of responsibility and active reactions to decision outcomes // *Acta Psychologica*. Vol. 104. P. 303–315.
- Zao-Sanders M.* (2025). How People Are Really Using Gen AI in 2025 // *Harvard Business Review*. [Electronic resource] URL: <https://hbr.org/2025/04/how-people-are-really-using-gen-ai-in-2025> (accessed: 01.06.2026).
- Zao-Sanders M.* (2026). How People Are Really Using AI in 2026 // *Harvard Business Review*. [Electronic resource] URL: <https://hbr.org/2026/06/how-people-are-really-using-ai-in-2026> (accessed: 01.06.2026).

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К АБОРТУ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТЕМАТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ И ГРУППОВОГО ОБСУЖДЕНИЯ

©Алексеева А.В.

аспирант, «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
k9204051@yandex.ru

Для цитирования:

Алексеева А.В.

Социально-психологические механизмы изменения отношения к аборту под влиянием тематических статей и группового обсуждения // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 49-59. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_05

Alexeeva A. V.

Socio-psychological mechanisms of attitude change toward abortion influenced by thematic articles and group discussion. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 49-59. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_05

Статья посвящена выявлению социально-психологических механизмов изменения, уточнения либо закрепления отношения к прерыванию беременности после прочтения тематических статей и последующего группового обсуждения. Эмпирическая часть опирается на первичное анкетирование 657 респондентов и качественный контент-анализ 279 содержательных сообщений 61 участницы пяти закрытых чатов. В статье описаны группы с исходной позицией «за», «против» и без выраженного отношения к абортам, стимульные материалы, процедура кодирования, динамика анкетных ответов и содержание групповых обсуждений. Кодировка проводилась по десяти блокам. Анкетная часть показала статистически значимый сдвиг в группе с исходно лояльным отношением к аборту (критерий Вилкоксона, $p < 0,001$; $r = 0,266$) и в группе без четкой позиции ($p = 0,004$; $r = 0,298$), тогда как в группе с исходно негативным отношением значимого сдвига не выявлено ($p = 0,488$). Контент-анализ раскрыл содержание данного сдвига: материалы смещали на отношение опосредованно — через доверие к источнику, тональность текста, воспринимаемое давление, личный биографический опыт, групповую поддержку и представления о социальной ответственности. Выделены механизмы психологической реактивности, отторжения обвинительной риторики, проверки достоверности, биографической актуализации, нормализации сомнений в группе и перехода от категоричной оценки аборта к анализу условий репродуктивного выбора.

Ключевые слова: прерывание беременности, аборт, социальная установка, репродуктивный выбор, информационное воздействие, групповое обсуждение, психологическая реактивность

Введение

Проблема прерывания беременности относится к социально значимым вопросам, где медицинское решение пересекается с правовыми нормами, семейными ожиданиями, религиозными представлениями, демографической повесткой и моральными оценками. Женщина в ситуации репродуктивного выбора сталкивается как с медицинским риском, так и с возможным осуждением, страхом потери поддержки, давлением партнера или семьи, материальной незащищенностью, недостатком достоверной информации и тревогой перед последствиями решения. Поэтому отношение к аборту формируется в поле личного опыта, социальных стереотипов, нормативных ожиданий и доверия к институтам помощи. В статьях о прерывании беременности медицинские сведения обычно соединяются с правовыми, религиозными, демографическими и моральными оценками. Описание риска для здоровья может соседствовать с рас-

суждением о репродуктивной автономии, ответственности женщины и партнера, защите жизни плода, семейных обстоятельствах либо пределах государственного вмешательства. Читатель соотносит текст с собственным опытом, уже принятым решением о допустимости аборта, нормами значимой группы и предполагаемой реакцией окружающих. Цифровое распространение переводит эту переработку в наблюдаемое социальное взаимодействие. Публикацию сопровождают комментарии, пересказы, согласие, возражения и требования подтвердить источник, поэтому один текст продолжает действовать после прочтения через чужие формулировки и групповые оценки.

Исследовательская проблема возникает из несоответствия между доступностью информационного контента и неодинаковым результатом его предъявления. Сам факт чтения не указывает, будет ли принята позиция автора. Эмоционально насыщенный материал способен вызвать отторже-

ние, доказательный текст может быть отвергнут из-за недоверия к источнику, а противоположный аргумент иногда усиливает прежнюю оценку, поскольку дает материал для контраргументации. Для анализа воздействия требуется учитывать направленность текста, исходную позицию, индивидуальную и групповую переработку.

Современные исследования показывают, что абортивное поведение зависит от комплекса факторов. Б.И. Алехин указывает, что детерминантами уровня абортотворчества являются жилищные условия, уровень образования, состояние здоровья (Алехин, 2024). М.Л. Вартамова рассматривает прерывание беременности среди несовершеннолетних как медико-социальную проблему и подчеркивает, что ведущим в половом воспитании и просвещении должен стать принцип развития мотивации здорового образа жизни, а также сохранения собственного здоровья и репродуктивной функции на различных этапах жизнедеятельности (Вартамова, 2022). Р.Э. Карамян, Е.И. Аксенова и А.А. Григоров описывают профилактику абортов через сочетание медицинских, социальных и экономических мер (Карамян и др., 2025). Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева и Е.А. Князькова выделяют следующие причины абортов: по медицинским показаниям; социально-экономические причины; психологические причины; недостаточная грамотность мужчин и женщин в области контрацептивного поведения (Ростовская и др., 2024). Н.Е. Русанова и Л.В. Ерофеева показывают, что молодежь рассматривает аборт как нежелательный, но допустимый при определенных обстоятельствах вариант, при условии его безопасности (Русанова, Ерофеева, 2025). В.В. Соколова с соавторами фиксируют разрыв между высокой самооценкой знаний о контрацепции и реальным использованием неэффективных методов (Соколова и др., 2025).

Информационные материалы по теме аборта редко воспринимаются как нейтральные сообщения. Они затрагивают установки, связанные с правом женщины на самостоятельное решение, ценностью жизни плода, представлениями о материнстве, религиозной нормой, семейной ответственностью и государственной демографической политикой. Поэтому при чтении тематических статей читательницы соотносят текст с прежними убеждениями, опытом материнства, семейной историей, медицинскими знаниями и ожиданием поддержки.

Цель исследования состоит в выявлении социально-психологических механизмов изменения, уточнения либо закрепления отношения к прерыванию беременности после прочтения тематических статей и обсуждения прочитанного в закрытых

групповых чатах. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) определить содержательные линии восприятия статей участницами, 2) выявить различия между группами с исходной позицией «за», «против» и без выраженного отношения к абортам, 3) описать механизмы, через которые текст усиливал прежнюю установку, либо вызывал сопротивление, либо переводил категоричное мнение в более дифференцированное суждение.

Научная новизна заключается в сопоставлении анкетной динамики отношения к аборту с качественным контент-анализом групповых обсуждений. Подход позволяет раскрыть, какие именно аргументы, эмоции, личные воспоминания, формы сопротивления и групповые реакции стоят за сдвигом или сохранением позиции.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическая основа исследования связана с пониманием социальной установки как системы когнитивных, эмоциональных и ценностных компонентов, которые включаются при столкновении с информацией по социально чувствительной теме (Г. Олпорт, М. Розенберг, К. Ховланд). Согласно модели вероятности сознательной обработки информации Р. Петти и Дж. Качоппо (Petty, Cacioppo, 1986), убеждение может идти по центральному пути (глубокий анализ аргументов) или по периферическому (ориентация на источник, эмоции, групповые сигналы). В отношении к аборту выбор пути зависит от личной вовлеченности, доступных когнитивных ресурсов и моральной значимости темы. Теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера (Festinger, 1957) объясняет устойчивость установки через стремление человека избегать противоречий между новой информацией и уже сложившейся оценкой.

В отношении к аборту когнитивный компонент выражается в представлениях о медицинских последствиях, правовых основаниях и социальных условиях выбора; эмоциональный компонент проявляется в страхе, вине, раздражении, сочувствии или отторжении; ценностный компонент связан с телесной автономией женщины, ценностью жизни плода, религиозной нормой, семейной ответственностью и социальной справедливостью.

В отечественной социальной психологии Г.М. Андреева связывала социальную установку с социализацией, принадлежностью к группе и усвоением социального опыта (Андреева, 2003). Диспозиционная концепция В.А. Ядова разграничивает ситуативные реакции, фиксированные социальные установки и ценностные ори-

ентации как уровни регуляции поведения (Ядов, 2013), ответ о прерывании беременности формируется под воздействием семейного воспитания, культурных и религиозных норм, медицинских знаний, личных страхов и групповых ожиданий.

Прерывание беременности описывается в литературе как моральный выбор в контексте медицинских, социально-экономических, семейных, демографических и институциональных условий. На репродуктивное поведение влияют материальное и жилищное положение, образование, доступность медицинской помощи, семейная поддержка и информированность о контрацепции (Алехин, 2024; Козловский и др., 2021; Ростовская и др., 2024; Соколова и др., 2025). В исследованиях молодежи и несовершеннолетних профилактика абортсвязывается с ранним просвещением, открытым разговором о сексуальности, пониманием последствий незащищенных контактов и доступом к надежной контрацепции (Варганова, 2022; Русанова, Ерофеева, 2025; Соколова и др., 2025).

Для настоящего исследования значимы публикации, в которых профилактика абортсвязывается с поддерживающими, а не запретительными мерами. М.Л. Варганова указывает на необходимость формирования мотивации к здоровому образу жизни и сохранению репродуктивной функции (Варганова, 2022). Карамян Р.Э., Аксенова Е.И. и Григоров А.А. рассматривают сочетание просветительских, медицинских, социальных и экономических мер как наиболее эффективный способ профилактики абортс (Карамян и др., 2025). Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева и Е.А. Князькова указывают на важность межведомственного сопровождения женщины до и после рождения ребенка (Ростовская и др., 2024).

В контексте анализа социального влияния в ходе групповых обсуждений важное значение имеет феномен групповой поляризации, описанный С. Московиси и М. Заваллони (Moscovici, Zavalloni, 1969). Согласно их теории в ходе дис-

куссии мнения участников не усредняются, а смещаются в сторону крайней позиции, которая уже преобладала в группе до обсуждения. Наблюдаемый сдвиг авторы связывают с накоплением доводов в пользу доминирующей позиции и сравнением своего мнения с групповой нормой (Лебедев, 2022б). В дискуссиях и обсуждениях, опосредствованных цифровой средой, реакции и публичное согласие или несогласие могут усиливать исходную установку, особенно при затрагивании моральных и ценностных оснований.

Теория С. Московиси получила развитие в работах отечественных психологов, изучающих феномен ценностно-аффективной поляризации (Лебедев, 2022а; Лебедев, Гордякова, 2023). Суть феномена состоит в том, что расхождение позиций перестает быть сугубо когнитивным и приобретает аффективную окраску. Оппоненты перестают восприниматься как носители разного мнения, они становятся представителями разных лагерей, что приводит к скептицизму по отношению к мнению «чужого», защите групповой идентичности, ужесточению моральной позиции своей группы и недоверию к альтернативным источникам (Лебедев, 2021, 2022, 2024).

Материалы и методы

Выборка. В исходный массив вошли 655 женщин 22–67 лет, средний возраст составлял 45,67 года при стандартном отклонении 7,73 года. В браке состояли 397 респонденток (60,4%), среднее материальное положение указали 422 (64,2%), высшее образование имели 581 (88,4%), к верующим, но не посещающим церковь регулярно отнесли себя 423 женщины (64,4%).

По данным первичного анкетирования были сформированы три исследовательские группы, представленные в таблице 1. Полные исходный и финальный замеры прошли 585 женщин (95,4% экспериментального массива).

Таблица 1. Распределение участников по исследовательским группам

Группа	Критерий включения	n (после группировки)	n (полные пары)
Группа 1 — «против» (запрет и ограничения)	Категорическое неприятие аборта либо допустимость только при очень редких обстоятельствах	62	59
Группа 2 — «за» (право на аборт)	Признание широкого круга обстоятельств либо права женщины на решение	456	433
Группа 3 — без четкой позиции	Неопределенная либо промежуточная позиция	95	93
Всего		613	585

Стимульный материал. Использовались шесть тематических статей, отобранных по результатам экспертной оценки, различающихся по жанру, направленности и типу аргументации. Экспертная оценка статей проводилась десятью экспертами по 13 критериям (тематическая релевантность, понятность, выраженность авторской позиции, односторонность, доказательность, экспертная опора, эмоциональная насыщенность, ценностно-нормативная направленность, манипулятивный потенциал, потенциал изменения и сопротивления позиции, этическая допустимость, общая пригодность).

По результатам экспертной оценки для каждой исследовательской группы была выстроена индивидуальная маршрутизация материалов: а) участницы с исходно негативной позицией читали тексты с критикой запрета и описанием его последствий; б) участницы с исходно лояльной позицией знакомилась с публикациями, освещавшими проблемы, связанные с абортом, и обосновывавшими ограничения; в) участницы без четкой позиции получали материалы разной направленности (см. табл. 2). Коэффициент согласия экспертов (α Кронбаха) составил 0,85, что свидетельствует о высокой надежности оценок.

Таблица 2. Маршрутизация стимульных материалов по группам

Исходная группа	Первый текст	Второй текст	Третий текст
«Против» (запрет)	РБК: критика запрета	Афиша Daily: давление врачей при консультировании	Lenta.ru: случай смерти при ограничении доступа
«За» (право на аборт)	MedAboutMe: психологические последствия аборта	B17.ru: доводы в пользу запрета	ОД «За жизнь»: ответы на возражения противников запрета
Без четкой позиции	MedAboutMe: проблематизация аборта	Lenta.ru: последствия ограничения	—

Контент-анализ. Качественная часть исследования проведена на материале пяти закрытых групповых чатов. В первое исследование вошли чат 1П, объединявший участниц с исходной позицией «за», и чат 2П, объединявший участниц с исходной позицией «против». Во второе исследование вошли чат 2НИ с участницами, имевшими исходную позицию «за», чат 1НИ с участницами с исходной позицией «против», и чат 3НИ, сформированный из участниц без выраженного отношения к абортам. В контент-анализ было включено 279 содержательных сообщений 61 участницы: 22 участницы и 86 сообщений в группах с исходной позицией «за», 27 участниц и 170 сообщений в группах с исходной позицией «против», 12 участниц и 23 сообщения в группе без выраженного отношения.

Единицей контент-анализа выступало одно содержательное сообщение участницы либо смысловой фрагмент внутри сообщения, если в одной реплике совмещались разные реакции. Из обработки исключались приветствия, технические сообщения, служебные уведомления, реакции без текста, пересылки ссылок и организационные реплики, не содержащие отношения к статье, аборту, государственным мерам, личной позиции или высказываниям других участниц.

Кодировочная схема содержала десять блоков:

— текущая позиция по проблеме аборта, P+ / P– / P± / P0,

— изменение позиции после прочтения материала, D0–D5,

— оценка статьи, A+ / A– / A± / A0,

— тип аргументации, ARG1–ARG10,

— ценностное основание, V1–V9,

— эмоциональная реакция, E1–E9,

— сопротивление информационному воздействию, R0–R8,

— групповая динамика, GD0–GD6,

— предлагаемые меры по снижению числа абортов, M1–M12,

— итоговый эффект контента, F0–F6.

Несколько кодов присваивались одному фрагменту, если он одновременно содержал оценку статьи, личную позицию, аргументацию, эмоциональную реакцию и предложения по мерам поддержки. Кодирование выполнялось двумя независимыми экспертами, коэффициент согласия Криппендорфа составил 0,84 и соответствовал приемлемой надежности.

Статистическая обработка анкетных данных проводилась с помощью критерия Вилкоксона для связанных выборок с величиной эффекта $r = |Z| / \sqrt{N}$; точного критерия Фишера; критерия Краскела–Уоллиса и ранговой корреляции Спирмена. Уровень значимости — $p < 0,05$. Поправка Бонферрони применялась при множественных сравнениях.

Результаты

Изменения анкетных ответов. Между исходным и финальным замерами значимые изменения выявлены у сторонниц права на аборт, $Z=-5,534$, $p<0,001$, $r=0,266$, и у участниц без четкой позиции,

$Z=-2,871$, $p=0,004$, $r=0,298$, в группе женщин, выступавших за запрет и ограничение аборт, различия не достигли статистической значимости, $Z=-0,693$, $p=0,488$.

Таблица 3. Динамика анкетных ответов по группам

Группа	n	Z (Вилкоксон)	p	r	Интерпретация
«Против» (запрет)	59	-0,693	0,488	0,090	Сдвиг не выявлен
«За» (право на аборт)	433	-5,534	<0,001	0,266	Значимый сдвиг (малый эффект)
Без четкой позиции	93	-2,871	0,004	0,298	Значимый сдвиг (средний эффект)

После прочтения первого текста у женщин, выступавших за право на аборт, получен значимый эффект средней величины ($Z=-6,830$, $p<0,001$, $r=0,336$), а у участниц без четкой позиции величина эффекта была выше ($Z=-4,089$; $p<0,001$; $r=0,429$).

После прочтения второго текста изменения сохранились у сторонниц права на аборт ($Z=-4,260$; $p<0,001$; $r=0,212$) и у женщин без четкой позиции ($Z=-2,814$; $p=0,005$; $r=0,302$), тогда как в группе «против» аборт изменений не достигло статистической значимости.

Итоговые индивидуальные траектории показали, что у женщин, выступавших за запрет и огра-

ничение абортов, исходный ответ сохранили 72,9%, к признанию права на аборт перешли 16,9%, неуверенными оказались 10,2%. В группе сторонниц права на аборт исходный ответ сохранили 76,9%, к запрету и ограничениям перешли 12,7%, к более широкому признанию права — 6,0%, колеблющуюся позицию выбрали 4,4%. Среди участниц без четкой позиции прежний ответ сохранили 62,4%, остальные 37,6% его изменили, 17,2% выбрали запрет и ограничения, 16,1% — признание права на аборт, 4,3% — колебание. Связь итоговой траектории с исходной группой подтверждена точным критерием Фишера, $p<0,001$.

Таблица 4. Итоговые сдвиги оценок после прочтения статей

Группа	Сохранение позиции, %	Сдвиг к «за», %	Сдвиг к «против», %	Колебание, %
«Против»	72,9	16,9	0,0	10,2
«За»	76,9	6,0	12,7	4,4
Без позиции	62,4	16,1	17,2	4,3

Контент-анализ групповых обсуждений. В 61 строке кодировки, каждая из которых объединяла содержательные сообщения одной участницы, смешанная позиция $P\pm$ зафиксирована у 32 участниц (52,5%), поддержка допустимости $P+$ — у 16 (26,2%), неприятие $P-$ — у 7 (11,5%), отсутствие выраженной позиции $P0$ — у 6 (9,8%), смешанные ответы соединяли личное неприятие процедуры с отказом от полного запрета либо признание права женщины на решение с сохранением моральной тяжести темы.

Сохранение или уточнение позиции преобладало в массиве, код D0 (отсутствие зафиксированного изменения) присвоен 38 строкам, код D3 (частичный сдвиг) — 24, D5 (рост неопределенности) — 10, D4 (первичное оформление пози-

ции у участниц без выраженного отношения) — 8. Одно высказывание могло содержать несколько смысловых линий.

Из 71 оценки статей код А — (отрицательная оценка) присвоен 38 строкам (53,5%), $A\pm$ (смешанная оценка) — 17 строкам (23,9%), $A+$ (положительная оценка) — 5 строкам (7,0%), $A0$ (оценка отсутствует) — 11 строкам. Отрицательные и смешанные оценки преобладали, материалы часто воспринимались как позиционные тексты из-за тональности, односторонности, недостатка доказательности, морализаторства, давления на женщину и слабой связи с реальными условиями репродуктивного выбора.

Реакции участниц с исходной позицией «за». В двух чатах были закодированы высказывания

22 участниц. Выраженная поддержка допустимости аборта и самостоятельного решения женщины сохранилась у 15, смешанный характер позиции зафиксирован у 4, расплывчатая прямая оценка — у 3, чьи сообщения были сосредоточены на источниках, риторике, качестве аргументации.

Наиболее отчетливо в данной группе проявилась психологическая реактивность. Религиозно-моральная риторика воспринималась как давление на телесную автономию, обсуждение переходило от допустимости аборта к субъекту решения, а прямая антиабортная аргументация усиливала исходную позицию. Наиболее распространенной реакцией на воздействие становились раздражение, отторжение обвинительного тона, недоверие к религиозно-моральным доводам, что соответствует механизму ценностно-аффективной поляризации, когда угроза телесной автономии запускала вместо когнитивной переработки аффективную защиту и восприятие оппонента как носителя «чужой» системы ценностей (Лебедев, 2022а; Лебедев, Гордякова, 2023).

Обвинительная тональность запускала переадресацию ответственности. Если текст представлял женщину главным носителем вины, участницы говорили об ответственности мужчины, семейном стыде, формальном медицинском консультировании, жилищных и трудовых ограничениях, недостатке поддержки беременных. Эмпирические данные показали, что участницы в этой группе отвергали модели, где профилактика сводится к страху, стыду или наказанию, и чаще связывали снижение числа абортов с просвещением, медицинским сопровождением, социальной и экономической помощью.

Реакции участниц с исходной позицией «против». В двух чатах с исходной позицией «против» были закодированы высказывания 27 участниц. Только у 7 участниц позиция сохраняла выраженный запретительный или резко негативный характер. У 20 участниц преобладал смешанный тип высказывания $P\pm$: личное неприятие аборта сочеталось с признанием исключений, рисков подпольных вмешательств, медицинских показаний, насилия, материальной незащищенности и недостатка поддержки. Частичный сдвиг позиции D3 зафиксирован в 16 строках по двум чатам данной группы.

Участницы сохраняли личное неприятие аборта, но признавали обоснованность медицинских показаний, угрозы жизни женщины, врачебных ошибок, риска подпольных абортов, насилия, несовершеннолетия и отсутствия поддержки. Разговор часто переходил от запрета к условиям сни-

жения числа абортов без давления: доступной контрацепции, половому просвещению, адресной помощи беременным, развитию яслей, выплатам, взысканию алиментов, сопровождению матерей, подготовке врачей и психологов. Тем самым исходная моральная позиция не исчезала, но получала более дифференцированную форму.

Содержание сообщений данной группы согласуется с позицией В. В. Козловского, Л. С. Панкратовой и Д. В. Ткачук о необходимости расширения и ужесточения мер, направленных против таких видов репродуктивного поведения, как абортивное и частично контрацептивное (Козловский и др., 2021). В чатах данная проблематика раскрывалась через вопрос о границах допустимого вмешательства государства и о рисках, возникающих при замене помощи запретом.

Реакции участниц без выраженной исходной позиции. В чате участниц без выраженного отношения к абортам было закодировано 23 содержательных сообщения от 12 участниц. У 8 участниц зафиксировано первичное оформление позиции D4, у 4 — рост неопределенности D5, смешанный код $P\pm$ присвоен 8 участницам, $P+$ был зафиксирован у одной участницы, $P0$ — у трех. Негативная оценка статей А — зафиксирована в 7 строках, смешанная $A\pm$ — в 5.

В группе участниц без выраженной позиции оценка текста опиралась на статистику, компетентность экспертов, баланс аргументов, логику выводов. В то же время недостаток данных, эмоциональные формулы, религиозная категоричность и смешение контрацепции с абортом снижали доверие к источнику. Решение об аборте рассматривалось через медицинские показания, экономические трудности, психологическое состояние и контрацептивную грамотность. В ходе дискуссии можно было наблюдать переход от допустимости аборта к проверке доказательности, статуса экспертов и признаков давления. Текст реже воспринимался как угроза идентичности, что ограничивало ценностно-аффективную поляризацию и сохраняло рациональный способ анализа, поэтому наблюдаемое различие косвенно связывает усиление поляризации с устойчивой моральной позицией (Лебедев, 2021).

Аргументы и предлагаемые меры. Чаще всего участницы чат-дискуссий использовали: правовую аргументацию (85,2%), просветительскую (72,1%), социально-экономическую (68,9%), психологическую (67,2%), семейную (59,0%), медицинскую (57,4%), моральную и демографическую (по 50,8%), к личному опыту обращались 47,5%, а к религиозным доводам 44,3%.

Среди ценностных оснований свободу от принуждения упомянули 49 участниц, критику институтов — 44, социальную справедливость и поддержку — 43, здоровье и безопасность женщины — 41, личную ответственность — 40, семью и воспитание — 37. Ценность жизни плода отмечена у 24 женщин, телесная автономия у 22, религиозно-нравственная норма у 18.

Сопротивление информационному воздействию часто принимало форму: контраргументации (85,2%), критики односторонности текста (62,3%) и недоверия к государству, церкви, медицине или СМИ (57,4%). Недоверие к конкретному источнику отмечено у 37,7% участниц, апелляция к личному опыту у 34,4%, групповое подкрепление сопротивления у 31,1%, прямое отрицание влияния статьи у 27,9%, моральная блокировка у 16,4%.

В предложенных мерах преобладал переход от запрета к профилактике и поддержке. Отказ от запретительной логики получил 47 присвоенных, половое просвещение, школьные программы и информирование о контрацепции — 39, материальная поддержка женщин и семей — 37, помощь с жильем, детскими товарами, яслями и садами — 30, обязательная консультация психолога — 24. Полный или частичный запрет, сокращение сроков и исключение аборта из ОМС упоминались значительно реже. Даже при личном неприятии аборта участницы преимущественно связывали снижение числа прерываний беременности с профилактикой, поддержкой и информированием.

Обсуждение результатов

Анализ чат-дискуссий показал, что прямое убеждение действовало ограниченно и слабее влияло на аудиторию. Жесткие моральные тексты усиливали исходные установки: у сторонниц права на аборт они вызывали раздражение и сопротивление, у участниц с позицией «против» личное неприятие сохранялось вместе с признанием исключений, женщины без выраженного отношения сосредоточивались на качестве аргументации и признаках давления. Устрашающий текст активировал защиту и спор с автором, поддерживающее изложение с признанием сложности выбора, роли психологической помощи и права на уважительное обращение встречало меньше сопротивления. Групповая дискуссия чаще дифференцировала отношение к теме, чем меняла его на противоположное. Ограниченность прямого убеждения при морально нагруженных установках согласуется с результатами Скитки с соавторами и Йодер, Десити (Skitka et al., 2021; Yoder, Decety,

2022), а также работой М. Парузель-Чахуры с соавторами (Paruzel-Czachura et al., 2024), в которой показано, что различия между позициями «за» и «против» связаны не с недостатком информации, а с моральными основаниями (забота vs чистота/святость).

Эти моральные основания, закрепленные в групповой идентичности, могут перерасти в ценностно-аффективную поляризацию (Лебедев, 2022б; Лебедев, Гордякова, 2023), когда расхождение позиций сопровождается эмоциональным отторжением и восприятием оппонента как угрозы. В нашем исследовании это проявилось в том, что участницы с противоположными исходными установками не только не сближали позиции после прочтения контраргументов, но и демонстрировали усиление защитных реакций (например, в группе «за» — рост раздражения, в группе «против» — ужесточение формулировок при сохранении исключений). Таким образом, информационное воздействие в условиях ценностно значимой темы может не снижать, а усиливать поляризацию, что согласуется с выводами А.Н. Лебедева о роли поиска значимости в усилении аффективного компонента установок (Лебедев, 2024).

Существенный эффект в процессе обсуждения оказывали личные истории. Сообщения об аборте, страхе осуждения, отсутствии разговора с матерью, переживаниях после медицинского вмешательства, трагическом исходе желанной беременности и одиночном материнстве переводили дискуссию из абстрактной плоскости в биографическую. После таких сообщений участницы точнее описывали страх, одиночество, бедность, семейную травматизацию, нехватку доверия и трудности обсуждения контрацепции. Данная линия согласуется с выводами М.Н. Мочаловой, Л.Г. Ерофеевой, Б.Б. Ерофеева и А.С. Мозговой, в которых основными факторами, ограничивающими рождение детей, являются: нежелание иметь детей в настоящее время («отсроченная беременность»), сложная жизненная ситуация, недостаточное материальное обеспечение, появление сторонников субкультуры чайлдфри (Мочалова и др., 2025).

Обнаруженный эффект усиления исходных установок в ходе чат-дискуссий может быть рассмотрен не только через классическую групповую поляризацию (Moscovici, Zavalloni, 1969), но и через более широкий механизм ценностно-аффективной поляризации (Лебедев, 2022а). В чатах взаимодействовали участницы, уже принадлежавшие к группам с противоположными ценностными ориентациями (pro-choice vs pro-life). Обсуждение

не усредняло позиции, оно укрепляло внутригрупповую солидарность и отрицание «чужих» аргументов (Лебедев, Гордякова, 2023). Это говорит о том, что необходимо учитывать не только когнитивные, но и аффективно-идентификационные механизмы при оценке воздействия информационных материалов на чувствительные темы.

Отдельная линия дискуссий связана с подростковой социализацией и контрацептивной грамотностью. Наиболее значимые вопросы во время обсуждений затрагивали страх ранней беременности, невозможность разговора с матерью о сексуальности, нехватка знаний о контрацепции, семейный стыд и позднее осознание личных границ. Н. Е. Русанова и Л. В. Ерофеева, изучив репродуктивное здоровье и выбор студентов медицинских специальностей, зафиксировали ориентацию на предупреждение нежелательной беременности доступной современной контрацепцией, а при вынужденном отказе от нее — на сохранение репродуктивного здоровья. Аборт признавался нежелательным, допустимым только при определенных обстоятельствах и безопасном варианте (Русанова, Ерофеева, 2025).

В. В. Соколова с соавторами выявили расхождение между субъективной оценкой своей компетентности в вопросах контрацепции и реальным поведением (незащищенные половые контакты либо использование малоэффективных методов). Кроме того, профилактика воспринималась ими как действие, которое должно предшествовать визиту в медицинскую организацию, а не как задача, решаемая совместно с врачом (Соколова и др., 2025).

Механизмы изменения отношения

Механизмы изменения отношения к проблеме абортов были выделены не на основе факторного анализа, а по сопоставлению: анкетной динамики, частот кодов контент-анализа и повторяющихся смысловых линий. Учитывались изменение позиции D, оценка статьи A, сопротивление R, аргументация ARG, эмоциональная реакция E, групповая динамика GD и предлагаемые меры M, а повторяющиеся сочетания трактовались как устойчивые реакции на контент.

В результате было выделено пять таких механизмов:

1) Обвинительная или религиозно-морализующая подача запускала *психологическую реактивность* (механизм психологической защиты), когда текст статьи и воспринимался как давление на самостоятельность решения женщины. Этот механизм заметно усиливал сопротивление и укреплял

установку у участниц с исходно лояльной позицией.

2) *Проверка достоверности* наиболее характерна для группы без выраженной исходной позиции. Данный механизм проявлялся в анализе источника информации, статистики, статуса экспертов, логики аргументов, разграничения медицинских, правовых и моральных доводов. При отсутствии собственного устойчивого критерия качество текста определяло формирование отношения.

3) Пережитый опыт, страх, вина, одиночество и семейная травматизация переводили абстрактную оценку аборта в *биографическую актуализацию*. Во всех группах этот механизм оказывал сильное воздействие, особенно в группе с исходно негативной позицией, где личный опыт смягчал категоричность суждений.

4) Взаимная поддержка и признание сложности решения формировали *групповую нормализацию сомнений*. У участниц без четкой позиции обсуждение легитимизировало право на отсутствие однозначного ответа и постепенное оформление собственного отношения.

5) *Практическая переориентация* переводила обсуждение от запрета к профилактике, контрацепции, психологическому сопровождению и социальной помощи. Во всех группах данный механизм проявлялся наиболее последовательно, особенно в группе с исходно негативной позицией, где личное неприятие аборта сочеталось с отказом от полного запрета в пользу поддержки.

Заключение

Восприятие тематических статей о прерывании беременности зависело от достоверности источника, тональности, медицинской аргументации, личного опыта, семейных установок и реалистичности мер поддержки. Обвинительный и устрашающий тон текстов чаще вызывал недоверие к автору и защиту права женщины на самостоятельное решение, а запретительная риторика усиливала сопротивление сторонниц права на аборт. У участниц с позицией «против» сохранялось неприятие абортов с признанием медицинских и жизненных исключений, а женщины без выраженной позиции более критично оценивали аргументы и манипулятивные приемы. Уточнение, усиление и смешанная форма преобладали над прямым изменением отношения.

Результаты контент-анализа выявили такие механизмы влияния, как: психологическая реактивность, отторжение давления, проверка достоверности, биографическая актуализация, групповая

нормализация сомнений и практическая переориентация, а наиболее продуктивными формами воздействия оказались поддержка, информирование, психологическое сопровождение и контрацептивная грамотность. Для просветительского контента по чувствительным социальным темам более эффективными являются точная аргументация, нейтральная тональность, признание жизненных обстоятельств женщины и отказ от обвинительной коммуникации.

Ограничения и перспективы исследования

Проведенный контент-анализ был ограничен закрытыми чатами участниц, согласившихся обсуждать чувствительную тему, что создает смещение выборки вследствие самоотбора. Отсутствие контрольной группы не дает строго разграничить информационное воздействие и естественную динамику установок (регрессию к среднему и повторное тестирование). Измерения сразу после воздействия не позволяют проследить долговременную устойчивость изменений. Использование только текстовых материалов ограничивает пере-

нос выводов на видео-, аудио- и интерактивные форматы. Анкетные данные применялись для статистической проверки динамики, контент-анализ раскрывал содержание изменений. Поэтому результаты следует рассматривать как описание механизмов обсуждения внутри данного эмпирического корпуса с опорой на сопутствующую анкетную динамику.

Перспективы дальнейших исследований связаны с увеличением выборки для статистического анализа механизмов, выявленных в ходе контент-анализа, а также с изучением долговременной устойчивости изменений отношения после информационного воздействия и группового обсуждения, включением контрольной группы и изучением воздействия разных медиаформатов (видео, подкасты, интерактивные материалы) на отношение к репродуктивному выбору.

Благодарности. Автор выражает благодарность научному руководителю к.пс.н. Гордяковой Ольге Владимировне за ценные замечания в ходе подготовки рукописи, а также всем участникам исследования за добровольное участие.

Литература:

- Алехин Б. И. Детерминанты абортивного поведения населения российских регионов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 4. С. 115–138. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.7.
- Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Вартанова М. Л. Аборты среди несовершеннолетних как медико-социальная проблема // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 4. С. 580–586. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-4-580-586.
- Карамян Р. Э., Аксенова Е. И., Григоров А. А. Медико-социальная значимость профилактики абортов в контексте демографической безопасности страны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2025. № 1. С. 153–158. DOI: 10.69541/NRIPH.2025.01.026.
- Козловский В. В., Панкратова Л. С., Ткачук Д. В. Репродуктивное здоровье населения России: ресурсы государственного регулирования // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 32–46. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.3.
- Лебедев А. Н. Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т. 1. № 2(2). С. 3–17.
- Лебедев А. Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022а. Т. 15. № 2. С. 159–171. DOI: 10.17759/exppsy.2022150212.
- Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022б. Т. 2. № 1(3). С. 2–19.
- Лебедев А. Н. Теория поиска значимости и методологические проблемы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2024. Т. 4. № 3(13). С. 57–68.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп в условиях информационной неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 38–54. DOI: 10.17759/sps.2023140403.
- Мочалова М. Н., Ерофеева Л. Г., Ерофеев Б. Б., Мозговая А. С. Репродуктивное «завтра» начинается сегодня // Журнал акушерства и женских болезней. 2025. Т. 74. № 2. С. 90–97. DOI: 10.17816/JOWD653382.

- Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. Тенденции абортивного поведения россиян в контексте демографической политики // *Population and Economics*. 2024. Т. 8. № 1. Р. 15–36. DOI: 10.3897/popreson.8.e106949.
- Русанова Н.Е., Ерофеева Л.В. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5. № 2. С. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1.
- Соколова В.В., Кузьмин А.Н., Кириленко В.В., Евтеева Е.М., Комар В.В., Кочеткова О.А. Оценка медико-социальных факторов, определяющих абортивное поведение женщин мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) // *Менеджер здравоохранения*. 2025. № 9. С. 121–128.
- Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013.
- Festinger L. *A Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.
- Moscovici S., Zavalloni M. The Group as a Polarizer of Attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1969. Vol. 12. No. 2. P. 125–135. DOI: 10.1037/h0027568.
- Paruzel-Czachura M., Domurat A., Nowak M. Moral Foundations of Pro-Choice and Pro-Life Women // *Current Psychology*. 2024. Vol. 43. P. 6051–6061. DOI: 10.1007/s12144-023-04800-0.
- Petty R.E., Cacioppo J.T. *Communication and Persuasion: Central and Peripheral Routes to Attitude Change*. New York: Springer, 1986.
- Skitka L.J., Hanson B.E., Morgan G.S., Wisneski D.C. The Psychology of Moral Conviction // *Annual Review of Psychology*. 2021. Vol. 72. P. 347–366. DOI: 10.1146/annurev-psych-063020-030612.
- Yoder K.J., Decety J. Moral Conviction and Metacognitive Ability Shape Multiple Stages of Information Processing during Social Decision-Making // *Cortex*. 2022. Vol. 151. P. 162–175. DOI: 10.1016/j.cortex.2022.03.008.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF ATTITUDE CHANGE TOWARD ABORTION INFLUENCED BY THEMATIC ARTICLES AND GROUP DISCUSSION

©Alexandra V. Alexeeva

Postgraduate Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
k9204051@yandex.ru

The article is devoted to identifying the socio-psychological mechanisms of change, refinement, or reinforcement of attitudes toward termination of pregnancy after reading thematic articles and subsequent group discussion. The empirical part is based on a primary survey of 657 respondents and a qualitative content analysis of 279 substantive messages from 61 participants in five closed chats. The article describes groups with initial “pro-choice”, “pro-life”, and undecided positions regarding abortion, stimulus materials, coding procedure, dynamics of questionnaire responses, and content of group discussions. Coding was performed according to ten blocks. The questionnaire data showed a statistically significant shift in the group with an initially permissive attitude toward abortion (Wilcoxon signed-rank test, $p < 0,001$; $r = 0,266$) and in the undecided group ($p = 0,004$; $r = 0,298$), while no significant shift was found in the initially restrictive group ($p = 0,488$). Content analysis revealed the content of this shift: materials influenced attitudes indirectly — through trust in the source, tone of the text, perceived pressure, personal biographical experience, group support, and perceptions of social responsibility. The mechanisms of psychological reactance, rejection of accusatory rhetoric, credibility checking, biographical actualization, group normalization of doubt, and transition from categorical moral judgment to analysis of the conditions of reproductive choice were identified.

Keywords: termination of pregnancy, abortion, social attitude, reproductive choice, informational influence, group discussion, psychological reactance.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the research supervisor, Professor Olga V. Gordyakova (PhD, psychology), for valuable comments during the preparation of the manuscript, and to all study participants for their voluntary participation.

REFERENCES

- Alekhin B. I.* (2024). Determinants of abortion behavior of the population of Russian regions // DEMIS. Demographic Research. Vol. 4. № 4. P. 115–138. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.7.
- Andreeva G. M.* (2003). Social Psychology: Textbook for Higher Education Institutions. 5th ed. Moscow: Aspekt Press.
- Vartanova M. L.* (2022). Abortions among minors as a medical and social problem // Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. Vol. 30. № 4. P. 580–586. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-4-580-586.
- Karamyan R. E., Aksenova E. I., Grigorov A. A.* (2025). Medical and social significance of abortion prevention in the context of the country's demographic security // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. No. 1. P. 153–158. DOI: 10.69541/NRIPH.2025.01.026.
- Kozlovskiy V. V., Pankratova L. S., Tkachuk D. V.* (2021). Reproductive health of the Russian population: resources of state regulation // Woman in Russian Society. № 3. P. 32–46. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.3.
- Lebedev A. N.* (2021). The Phenomenon of Value-Affective Polarization of Russian Society // Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Vol. 1. No. 2(2). P. 3–17.
- Lebedev A. N.* (2022a). Group Polarization of Opinions under Conditions of Moral Choice Uncertainty // Experimental Psychology. Vol. 15. No. 2. P. 159–171. DOI: 10.17759/exppsy.2022150212.
- Lebedev A. N.* (2022b). Toward a Theory of Value-Affective Polarization of Social Groups // Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Vol. 2. No. 1(3). P. 2–19.
- Lebedev A. N.* (2024). Theory of Significance Seeking and Methodological Problems of Studying the Phenomenon of Value-Affective Polarization of Social Groups // Proceedings of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Vol. 4. No. 3(13). P. 57–68.
- Lebedev A. N., Gordyakova O. V.* (2023). Value-Affective Polarization of Large Social Groups under Conditions of Informational Uncertainty // Social Psychology and Society. Vol. 14. No. 4. P. 38–54. DOI: 10.17759/sps.2023140403.
- Mochalova M. N., Erofeeva L. G., Erofeev B. B., Mozgovaya A. S.* (2025). Reproductive “tomorrow” begins today // Journal of Obstetrics and Women's Diseases. Vol. 74. № 2. P. 90–97. DOI: 10.17816/JOWD653382.
- Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N., Knyazkova E. A.* (2024). Trends in abortion-related behavior of Russians in the context of demographic policy // Population and Economics. Vol. 8. № 1. P. 15–36. DOI: 10.3897/popecon.8.e106949.
- Rusanova N. E., Erofeeva L. V.* (2025). Reproductive health and reproductive choice of Russian youth // DEMIS. Demographic Research. Vol. 5. № 2. P. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1.
- Sokolova V. V., Kuzmin A. N., Kirilenko V. V., Evteeva E. M., Komar V. V., Kochetkova O. A.* (2025). Assessment of medical and social factors determining abortion behavior of women in a metropolis (the case of St. Petersburg) // Healthcare Manager. № 9. P. 121–128.
- Yadov V. A.* (2013). Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: a dispositional concept. 2nd expanded ed. Moscow: CSPiM.
- Festinger L.* (1957). A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Moscovici S., Zavalloni M.* (1969). The Group as a Polarizer of Attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 12. № 2. P. 125–135. DOI: 10.1037/h0027568.
- Paruzel-Czachura M., Domurat A., Nowak M.* (2024). Moral Foundations of Pro-Choice and Pro-Life Women // Current Psychology. Vol. 43. P. 6051–6061. DOI: 10.1007/s12144-023-04800-0.
- Petty R. E., Cacioppo J. T.* (1986). Communication and Persuasion: Central and Peripheral Routes to Attitude Change. New York: Springer.
- Skitka L. J., Hanson B. E., Morgan G. S., Wisneski D. C.* (2021). The Psychology of Moral Conviction // Annual Review of Psychology. Vol. 72. P. 347–366. DOI: 10.1146/annurev-psych-063020-030612.
- Yoder K. J., Decety J.* (2022). Moral Conviction and Metacognitive Ability Shape Multiple Stages of Information Processing during Social Decision-Making // Cortex. Vol. 151. P. 162–175. DOI: 10.1016/j.cortex.2022.03.008.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

ПОТРЕБНОСТЬ В ПОЗНАНИИ И КОГНИТИВНАЯ ЗАКРЫТОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ

© Савченко Т.Н.

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия

savchenkotn@mail.ru; ORCID 0000-0002-4301-5590

© Самойленко Е.С.

доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии познавательных процессов и математической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия

samoylenkoes@mail.ru; ORCID 0000-0001-7980-3903

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2026-0012.

Для цитирования:

Савченко Т.Н., Самойленко Е.С.
Потребность в познании и когнитивная закрытость: взаимосвязь психологических конструктов // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 60-74. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_06
Savchenko T.N., Samoylenko E.S.
The need for knowledge and cognitive closure: the interaction of psychological constructs. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 60-74. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_06

В статье излагаются результаты эмпирического исследования взаимосвязи потребности в познании и когнитивной закрытости. Проанализированы представления о данных конструктах, их ключевых характеристиках и взаимосвязях с рядом индивидуально-психологических особенностей людей. Проведено эмпирическое исследование с использованием двух разноплановых методик измерения потребности в познании и опросника для оценки стремления к когнитивной закрытости на выборке 160 московских студентов. Обнаружены значимые отрицательные взаимосвязи потребности в познании с общим показателем и тремя из пяти компонентов когнитивной закрытости. Наиболее сильная отрицательная взаимосвязь обнаружена между закрытостью мышления и потребностью в познании. С целью выявления интегральных скрытых закономерностей взаимосвязи потребности в познании и стремления к когнитивной закрытости проведен факторный анализ, позволивший выделить три фактора: «мышление, ориентированное на определенность», «импульсивно-закрытое мышление»,

«скорость принятия решений при толерантности к неопределенности». Результаты исследования свидетельствуют о неоднородности структуры когнитивной закрытости и об особом статусе в ней компонента решительности, который продемонстрировал небольшие, но значимые положительные связи с потребностью в познании. Полученные результаты позволяют предположить, что решительность не является однозначным индикатором стремления к закрытости мышления. С помощью агломеративного иерархического кластерного анализа и метода k-средних выделены и описаны три класса респондентов с высокой, средней и низкой познавательной потребностью, построены их усредненные профили и выделены их сходные и различные специфические характеристики.

Ключевые слова: потребность в познании, когнитивная закрытость

Введение

Потребность в познании была исходно определена как «потребность в структурировании соответствующих ситуаций осмысленными, интегрированными способами», как «потребность понять и обосновать мир опыта» (Cohen et al., 1955, с. 291). Данная концептуализация потреб-

ности в познании акцентирует аспект нетерпимости к неопределённости; по мнению некоторых авторов (Cacioppo et al., 1996), это сближает её с такими понятиями, как потребность в структурировании и когнитивная закрытость.

Позже Дж. Качиоппо с коллегами определили потребность в познании как «склонность человека

к размышлению и получению от этого удовольствия» (Cacioppo, Petty, 1982, с. 116). В.С. Юркевич характеризует познавательную потребность как «потребность в деятельности, направленной на получение нового знания» (Ермаков, Юркевич, 2013, с. 89), которая, наряду с потребностью в новых впечатлениях и любознательностью, является структурным компонентом целенаправленной познавательной деятельности.

Потребность в познании рассматривалась как отражение стабильной (хотя и не неизменной) внутренней мотивации, которую можно развивать или изменять. В таком понимании потребности в познании акцент был сделан на ее процессуальной составляющей, то есть на удовольствии и склонности к целенаправленной когнитивной деятельности, а не на результате, например потребности в наличии однозначного, понятного или хорошо организованного мира. При этом считается, что потребность в познании отражает скорее когнитивную мотивацию, чем интеллектуальные способности (Cacioppo et al., 1996). Таким образом, «потребность в познании — это не интеллектуальная способность, а когнитивная мотивация» (Liu, Nesbit, 2024, с. 156), внутреннее стремление людей использовать свои когнитивные способности или ресурсы (Cacioppo et al., 1996; Fleischhauer et al., 2010). Выраженность познавательной потребности в значительной степени обусловлена прошлым опытом (Cacioppo et al., 1996) и может быть опосредована ситуационными факторами.

В.С. Юркевич выделила уровни познавательной потребности, из которых каждый предыдущий включается в следующий, более развитый, в качестве одного из его компонентов (Юркевич, 1980). Первый, элементарный уровень — это потребность во впечатлениях, выражающаяся в стремлении к новым стимулам и реакции на новые впечатления, поступающие извне. На этом уровне еще отсутствует стремление к получению нового знания. Второй уровень — любознательность, предполагающая личностный отбор поступающей к человеку информации и наличие собственно потребности в знании. На третьем уровне познавательная потребность отражает жизненные ценности личности и представляет собой устойчивое стремление индивида к той или иной области знаний при целенаправленной познавательной деятельности.

Потребность в познании влияет на внимание, на получение, обработку, оценку и воспроизведение информации (см., напр.: Peltier, Schibrowsky, 1994), на решение проблем и принятие решений

(см., напр.: Nair, Ramnarayan, 2000), а также на уровень интереса к научным знаниям, на школьные достижения и формирование теоретического способа мышления у школьников (Ермаков, Юркевич, 2013).

Дж. Качиоппо с коллегами высказали идею о существовании устойчивых индивидуальных различий в склонности людей к когнитивной деятельности, требующей усилий, и получению удовольствия от нее (Cacioppo, Petty, 1982). Эти исследователи выделили две полярные группы людей: для представителей одной из них, так называемых «когнитивных скряг» (cognitive misers), характерна неприязнь к размышлениям; для другой группы — «сосредоточенных познающих» людей (concentrated cognizers) — характерно переживание удовольствия от мыслительной деятельности (Cacioppo et al., 1996).

Люди с высокой потребностью в познании, как правило, прилагают больше усилий в деятельности по обработке информации, с большей вероятностью ищут информацию о разнообразных задачах и текущих событиях (Cacioppo et al., 1996), чаще используют релевантную информацию для решения проблем (Berzonsky, Sullivan, 1992) и проявляют готовность сосредоточить внимание на текущей задаче (Osberg, 1987), обращают внимание на качество аргументов (Cacioppo et al., 1983) и основывают свои суждения на рациональных соображениях (Leary et al., 1986), испытывают потребность в новых впечатлениях, стимулирующих мышление и чувства (Venkatraman, et al., 1990; Venkatraman, Price, 1990), и т.д. У таких людей более выражены любознательность и потребность в когнитивном новаторстве. Люди с высокой потребностью в познании чаще используют метакогнитивные стратегии и более уверены в своих мнениях, чем люди с низким уровнем познавательной потребности (Petty et al., 2009).

Напротив, у людей с низкой потребностью в познании более выражены тенденции игнорировать, избегать или искажать новую информацию, а также применять когнитивные эвристики. Такие люди с большей вероятностью полагаются на окружающих (например, знаменитостей и экспертов) и склонны к социальному сравнению (Berzonsky, Sullivan, 1992; Venkatraman et al., 1990).

Для измерения потребности в познании широко применяется шкала (*Need for Cognition Scale*), разработанная Дж. Качиоппо с соавторами (Cacioppo, Petty, Kao, 1984). Данный инструмент оценивает уровень стремления к интеллектуальным усилиям и размышлению, желание решать сложные, интеллектуальные и новые задачи. Шкала была адапти-

рована для разных возрастных групп, включая учащихся начальной и средней школы, и прошла валидизацию с участием представителей разных стран, например Германии, Австралии, Финляндии, Нидерландов; предложены два русских варианта данной шкалы (Шебетенко, 2011; Шепелева, Валуева, Лаптева, 2018).

Существует множество исследований, посвященных тому, как потребность в познании связана с другими индивидуальными особенностями. Например, обнаружено, что она положительно коррелирует с когнитивным новаторством (Venkatraman, Price, 1990), интеллектуальной вовлеченностью (Schweitzer et al., 2025; Woo et al., 2007), интеллектом, особенно с флюидным (Fleischhauer et al., 2010; Hill, 2013; Schweitzer et al., 2025), с вербальными способностями (Tidwell, Sadowski, 2000), с показателями по тесту Равена, по тесту отдаленных ассоциаций и тесту Амтхауэра (Шепелева, Валуева, Лаптева, 2018), с самооценкой (Osberg, 1987), открытостью к идеям (McCrae, Sutin, 2009), самоконтролем (Grass et al., 2019), эпистемической любознательностью (Litman, 2008), целеустремленностью и настойчивостью (Fleischhauer et al., 2010), психологическим благополучием (Grass, 2023). Потребность в познании отрицательно коррелирует со стремлением к порядку (Webster, Kruglanski, 1994) и структурированию (Neuberg, Newsome, 1993), цереброваскулярными заболеваниями и когнитивными нарушениями (Truin, 2024). В мета-анализе релевантных исследований обнаружено наличие небольшой, значимой положительной связи между потребностью в познании и академической успеваемостью и показано, что эта связь опосредована рядом переменных, среди которых — уровень образования и регион проживания респондентов, а также применяемые исследователями методические инструменты (Liu, Nesbit, 2024).

Специальный интерес представляет рассмотрение взаимосвязи потребностей в познании и в когнитивной закрытости, поскольку первоначальное определение познавательной потребности (Cohen et al., 1955) опиралось на такую ее ключевую характеристику, как стремление к осмысленному структурированию ситуаций и их объяснению, а также к снятию неопределенности, которая, в свою очередь соотносится с когнитивной закрытостью.

Потребность в когнитивной закрытости была концептуализирована в теории А. Круглански и Д. Вебстера (Webster, Kruglanski, 1994; Kruglanski, Webster, 1996) и является важнейшим конструктом, который изучается на протяжении трех десяти-

летий в рамках исследований процесса принятия решений, мотивационных основ формирования знаний и суждений, а также социального и группового познания (Roets et al., 2015). Круглански и Вебстер определяли этот конструкт как «стремление к получению определенного и обоснованного знания по некоторому вопросу и избегание двусмысленности» (Kruglanski, Webster 1996, p. 264), как мотивированную склонность или predisposition к поиску определенности, которая сродни цели. Потребность в когнитивной закрытости может побуждать к действиям, направленным на достижение завершенности, смещать выбор и предпочтения человека в сторону стремлений, связанных с завершенностью; вызывать негативные эмоции, когда завершенность оказывается под угрозой или подрывается, и позитивные эмоции, когда ее достижение облегчается или она уже достигнута.

Такая потребность может касаться специфической когнитивной закрытости, то есть предполагает стремление получить определенный ответ на поставленный вопрос, и неспецифической закрытости — стремления к получению любого окончательного ответа.

Согласно теории А. Круглански, стремление к когнитивной закрытости представляет собой относительно стабильную личностную характеристику, формирующуюся под влиянием культурных норм и особенностей социализации человека, но может также зависеть от ситуационных факторов (шума, умственной усталости и др.) (Kruglanski, Webster, 1996; Parrisé et al., 2023).

Когнитивная закрытость может варьировать на континууме от сильной потребности в ней до сильной потребности в ее избегании (Kruglanski, Webster, 1996). Люди, характеризующиеся высокой потребностью в когнитивной закрытости, могут демонстрировать «когнитивную нетерпеливость и импульсивность: склонность к преждевременным выводам на основе недостаточных данных, ригидность мышления и нежелание рассматривать альтернативные точки зрения» (Kruglanski, Webster 1996, с. 263). Такие люди могут воспринимать неопределенность как авersive состояние, которое необходимо как можно быстрее устранить и предотвратить его повторное возникновение, а их суждения часто опираются на уже существующие когнитивные ориентиры и стереотипы, требующие минимальной дополнительной переработки. Лица с высокой потребностью в когнитивной закрытости склонны иметь консенсусные мнения, которые с меньшей вероятностью будут оспорены значимыми для

них людьми, выбирать партнеров по взаимодействию, разделяющих их взгляды, положительно относиться к конформным членам группы и негативно — к диссидентам, угрожающим групповому единству. В противоположность этому, лица с выраженной потребностью избегать когнитивной закрытости склонны «толерантно относиться к неопределенности, откладывать формирование окончательного суждения и активно генерировать альтернативные интерпретации возникающих позиций» (Kruglanski, Webster 1996).

Главным инструментом измерения потребности в когнитивной закрытости является опросник, разработанный Вебстером и Круглански (Webster, Kruglanski, 1994) и адаптированный на русской выборке М.И. Ясиным и О.Е. Хухлаевым (Ясин, Хухлаев, 2023). В ходе проведенного на выборке американских студентов исследования, направленного на разработку и валидизацию данного опросника (Webster, Kruglanski, 1994), обнаружены значимые связи потребности в когнитивной закрытости с рядом индивидуально-психологических характеристик. Например, выявлены небольшие положительные корреляции с авторитаризмом, догматизмом, нетерпимостью к неопределенности, стремлением к структурированию и организации окружающей среды, импульсивностью, а также небольшие отрицательные корреляции с когнитивной сложностью, то есть «способностью интерпретировать социальное поведение многомерным образом или использовать большее количество параметров при вынесении суждений» (Webster, Kruglanski, 1994, с. 1054), страхом совершить ошибки в суждениях. Обнаружены слабые отрицательные взаимосвязи общего показателя когнитивной закрытости, а также таких его факторов, как стремление к порядку и закрытость мышления, с потребностью в познании. Показаны положительная взаимосвязь потребности человека в когнитивной закрытости с предпочтением взаимодействия с теми, кто похож на него самого, но не с непохожими на него людьми (Growiec, Szumowska, 2026), а также отрицательная связь данной потребности с просоциальным поведением (Parisse, 2023). Исследовались взаимосвязи потребности в когнитивной закрытости с учебной мотивацией и академической успешностью (Marini et al., 2024). На выборках русских респондентов показаны положительные связи стремления к когнитивной закрытости с избеганием неопределенности и двойственности (Ясин, Рябиченко, 2021), а также фактора решительности опросника когнитивной закрытости с локусом контроля (интернальностью) (Ясин, Гусева, 2024).

Дизайн исследования

Цель нашего исследования состояла в более глубоком изучении закономерностей взаимосвязи потребности в познании и потребности в когнитивной закрытости как относительно стабильных личностных черт. В отличие от проведенного ранее исследования, затрагивавшего данную проблематику (Webster, Kruglanski, 1994), в нашем исследовании, во-первых, использованы два разноплановых методических инструмента измерения потребности в познании; во-вторых, расширен статистический аппарат анализа данных, который включает не только корреляционный, но и факторный и кластерный анализ; в-третьих, предпринята попытка построить усредненные профили респондентов, включавшие разнообразные показатели потребности в познании и когнитивной закрытости.

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что существуют значимые связи потребности в познании с общим показателем когнитивной закрытости, а также со всеми ее составляющими: стремлением к порядку, стремлением к предсказуемости, решительностью, избеганием двусмысленности и закрытостью мышления.

Метод исследования

С целью соотнесения потребности в познании и когнитивной закрытости проведено эмпирическое исследование с использованием следующих методик.

- Шкала «Потребность в познании» (Cacioppo, Petty, Kao, 1984; русск. адапт.: Шепелева, Валуева, Лаптева, 2018). Русскоязычный вариант шкалы состоит из 18 пунктов.
- Шкала «Сила познавательной потребности» (разработка В.С. Юркевич) (Пустовойтов, 2002). Включает пять вопросов.
- Опросник «Стремление к когнитивной закрытости» (Webster, Kruglanski, 1994; русск. адапт.: Ясин, Хухлаев, 2023). Русскоязычный вариант опросника состоит из 47 пунктов, распределенных в соответствии с пятью факторами: стремление к порядку, стремление к предсказуемости, решительность, избегание двусмысленности, закрытость мышления.

В исследовании, которое проводилось с использованием Google Forms, приняли участие 160 человек в возрасте от 19 до 32 лет: студенты разных вузов г. Москвы (МИП, МГППУ, ГАУГН, МОСГУ), а также люди, получившие высшее образование гуманитарного направления. В выборке 25% респондентов мужского и 75% респондентов женского пола.

Поскольку различия по всем шкалам между мужчинами и женщинами, а также между респондентами с разным уровнем образования (средним, неполным высшим, высшим) оказались статистически незначимыми, дальнейший анализ проводили по объединенной группе без выделения подгрупп.

Результаты исследования

Для анализа взаимосвязей показателей потребности в познании и стремления к когнитивной закрытости был проведен корреляционный анализ. В связи с ненормальностью распределения эмпирических данных по некоторым шкалам подсчитывались ранговые корреляции Спирмена.

Поскольку потребность в познании измерялась с помощью двух методических инструментов, предварительно анализировалась степень связанности их общих показателей. Обнаружена значимая положительная корреляция между их общими показателями ($r=0,49$; $p<0,05$).

При проведении корреляционного анализа субшкал опросника «Стремление к когнитивной закрытости» выделились корреляционные плеяды, схожие с полученными М.И. Ясиным и О.Е. Хухлаевым при русскоязычной адаптации опросника Д. Вебстера и А. Круглански (Ясин, Хухлаев, 2023).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа показателей потребности в познании и когнитивной закрытости (N=160)

	Опросник «Стремление к когнитивной закрытости»					
	Общий показатель	Стремление к порядку	Стремление к предсказуемости	Решительность	Избегание двусмысленности	Закрытость мышления
Шкала «Потребность в познании»	-0,30*	-0,12	-0,19*	0,18*	-0,21*	-0,60*
Шкала «Сила познавательной потребности»	-0,18*	-0,04	-0,10	0,19*	-0,19*	-0,38*

Примечание: * отмеченные корреляции значимы на уровне $p<0,05$.

Как показано в табл. 1, более высокие значения общего показателя стремления к когнитивной закрытости значимо связаны с более низкими значениями общих показателей потребности в познании: по шкале «Потребность в познании» $r=-0,30$, по шкале «Сила познавательной потребности» $r=-0,18$ (при $p<0,05$). Для сравнения, в исследовании, проведенном на выборке американских студентов (Webster, Kruglanski, 1994), также обнаружены отрицательные взаимосвязи ($r=-0,28$) общего показателя когнитивной закрытости, оцениваемой с помощью опросника «Стремление к когнитивной закрытости», и общего показателя шкалы «Потребность в познании». Обнаружена невысокая, но значимая (при $p<0,05$) обратная взаимосвязь между стремлением к предсказуемости и потребностью в познании, оцениваемой по одноименной шкале ($r=-0,19$). Интересно, что на выборке американских студентов соответствующая взаимосвязь не выявлена. Анализ данных свидетельствует также о том, что чем более выражено избегание двусмысленности, тем значи-

мо менее выражена (при $p<0,05$) познавательная потребность, оцениваемая по одноименной шкале ($r=-0,21$) и по шкале «Сила познавательной потребности» ($r=-0,19$). Важно отметить, что на выборке американских студентов значимая связь не обнаружена. Наиболее сильные значимые отрицательные взаимосвязи обнаружены между закрытостью мышления и потребностью в познании, при измерении которой с помощью одноименной шкалы $r=-0,60$, а при измерении с помощью шкалы «Сила познавательной потребности» $r=-0,38$ (при $p<0,05$).

Отдельного рассмотрения требует результат, касающийся небольшой, но значимой положительной взаимосвязи между фактором решительности и познавательной потребностью: чем более выражена решительность, тем значимо более выражена (при $p<0,05$) познавательная потребность, оцениваемая по одноименной шкале ($r=0,18$) и по шкале «Сила познавательной потребности» ($r=0,19$); на американской выборке соответствующая положительная взаимосвязь показана только

в виде тенденции. Таким образом, корреляционные плеяды опросника «Стремление к когнитивной закрытости» со шкалами «Потребность в познании» и «Сила познавательной потребности» сходны и отличаются только по одной корреляционной взаимосвязи.

С целью выявления интегральных скрытых закономерностей взаимосвязи потребности в познании, силы познавательной потребности и стремления к когнитивной закрытости, а также анализа их глубинной сущности был проведен факторный анализ, который позволил выделить три фактора (табл. 2).

Таблица 2. Результаты факторного анализа показателей по шкалам «Потребность в познании», «Сила познавательной потребности» и опросника «Стремление к когнитивной закрытости»

Факторные нагрузки (Варимакс с нормализацией) (таблица послкр) Выделение: главные компоненты (отмечены нагрузки >0,700)			
Показатели	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Шкала «Потребность в познании»	–0,145	–0,854	0,143
Шкала «Сила познавательной потребности»	0,041	–0,694	0,368
Стремление к порядку	0,907	0,065	0,003
Стремление к предсказуемости	0,839	0,121	–0,267
Решительность	–0,024	–0,146	0,858
Избегание двусмысленности	0,474	0,041	–0,716
Стремление к закрытости мышления	0,105	0,864	0,111
Общая дисперсия	1,785	2,000	1,488
Доля общей дисперсии	0,255	0,286	0,213

Выделенные факторы можно назвать следующим образом.

Фактор 1 — «Мышление, ориентированное на определенность». В него вошли шкалы «Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости». Это фактор подчеркивает стремление к ясности, порядку и предсказуемости.

Фактор 2 — «Импульсивно-закрытое мышление». Он является полярным: на одном полюсе — шкала «Познавательная потребность», измеряемая двумя методиками, на противоположном — шкала «Стремление к закрытости мышления». Этот фактор подразумевает нежелание углубляться в суть вопроса и стремление к быстрым, окончательным выводам.

Фактор 3 — «Скорость принятия решений при толерантности к неопределенности» также является полярным. На одном полюсе шкала «Избегание

двусмысленности», на противоположном — «Решительность». Этот фактор отражает склонность к быстрому принятию решений при толерантности к неоднозначности и открытости альтернативам.

В методе главных компонент факторы упорядочены по убыванию объясняемой дисперсии.

По общему показателю «Стремление к когнитивной закрытости» (на основе средних и стандартных отклонений) мы разделили респондентов на три группы: 1 — с низкими значениями, 2 — со средними значениями, 3 — с высокими значениями.

Для сравнения трех данных групп респондентов по уровню выраженности у них потребности в познании, измеряемой по «Шкале потребности в познании» и «Методике определения силы познавательной потребности», применялся критерий Краскела-Уоллиса (H-критерий).

Таблица 3. Результаты метода Краскелла — Уоллиса по шкале «Потребность в познании»

Ранговый ДА Краскела – Уоллиса; шкала «Потребность в познании» (таблица послкр) Груп. (независ.) переменная: группы Кр. Краскела — Уоллиса: H (2, N=160)=14,48835 p=0,0007				
	Код	Допуст. — N	Сумма рангов	Средний ранг
1	1	39	3968,000	101,7436
2	2	78	6210,000	79,6154
3	3	43	2702,000	62,8372

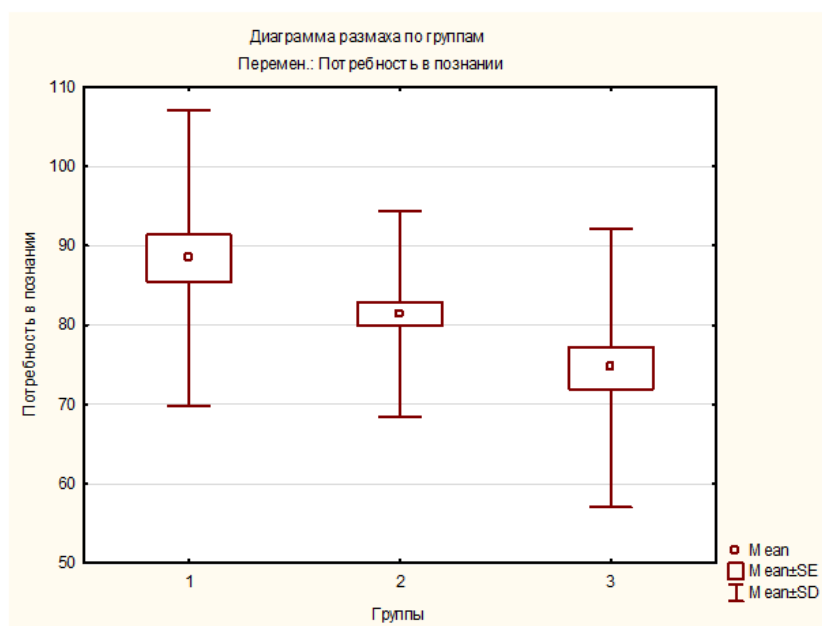

Рис. 1. Выраженность потребности в познании, измеряемой по шкале «Потребность в познании», в трех группах респондентов с низкой, средней и высокой выраженностью стремления к когнитивной закрытости

То есть по шкале «Потребность в познании» по крайней мере одно из распределений значительно отличается от другого (табл. 3, рис. 1).

Для выявления значимых попарных различий между тремя данными группами респондентов по уровню выраженности у них потребности в по-

знании, измеряемой по шкалам «Потребность в познании» и «Сила познавательной потребности», применялся критерий Манна — Уитни.

Применительно к шкале «Потребность в познании» получены следующие результаты (табл. 4).

Таблица 4. Значимое различие между группами 1 и 3 по шкале «Потребность в познании»

	Сум. ранг Группа 1	Сум. ранг Группа 3	U	Z	p	N Группа 1	N Группа 3	2-х стор. точное p
Шкала «Потребность в познании»	2000	1403	457,0	3,537	0,0004	39	43	0,0003

Согласно табл. 3 и рис. 1, выявлено значимое различие групп с низкими и высокими значениями стремления к когнитивной закрытости, группа со средними значениями значимо не отличается от первой и третьей.

Применительно к шкале «Сила познавательной потребности» получены аналогичные результаты (табл. 5, рис. 2, табл. 6).

Таблица 5. Результаты метода Краскелла — Уоллиса по шкале «Сила познавательной потребности»

Ранговый ДА Краскела — Уоллиса; шкала «Сила познавательной потребности» (таблица послкр) Груп. (независ.) переменная: группы Кр. Краскела — Уоллиса: $H(2, N=160)=4,986406$ $p=0,0626$				
	Код	Допуст. — N	Сумма рангов	Средний ранг
1	1	39	3564,000	91,38462
2	2	78	6349,500	81,40385
3	3	43	2966,500	68,98837

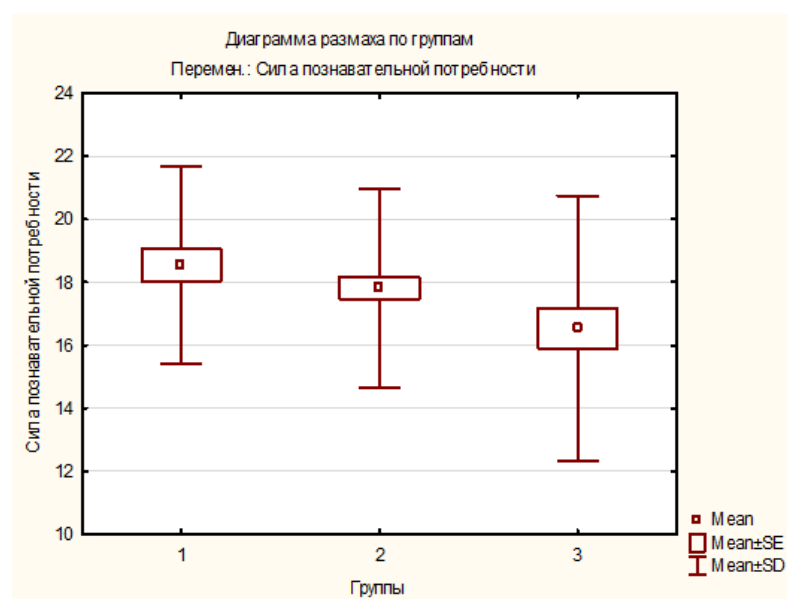

Рис. 2. Выраженность потребности в познании, измеряемой по шкале «Сила познавательной потребности», в трех группах респондентов с низкой, средней и высокой выраженностью стремления к когнитивной закрытости

Таблица 6. Значимое различие между группами 1 и 3 по шкале «Сила познавательной потребности»

	Сум. ранг Группа 1	Сум. ранг Группа 3	U	Z	p	N Группа 1	N Группа 3	2-х стор. точное p
Шкала «Сила познавательной потребности»	1847	1556	610,0	2,117	0,034	39,000	43,000	0,034

Таким образом, в случае измерения потребности в познании с помощью обоих методических инструментов обнаружено различие распределений по группам; выявлены значимые различия (по U-критерию Манна — Уитни) распределений между группами 1 и 3; распределение группы 2 со средними значениями значимо не отличалось от распределений двух других групп. У респондентов с высоким общим показателем стремления к когнитивной закрытости показатели потребности в познании, измеряемой с помощью двух методических инструментов, были значимо ниже, чем у респондентов с низким соответствующим показателем.

С целью проведения типологии нами были применены методы кластерного анализа к семи стандартизированным шкалам по всем трем методикам: агломеративный иерархический — для выделения количества классов; метод k-средних — для детального содержательного анализа (качественного анализа).

В результате проведения агломеративного иерархического анализа выделены три класса респондентов. В первый класс вошел 61 респондент, во второй — 58, в третий — 41. В первый класс попали респонденты, имеющие средний

уровень познавательной потребности по обоим методикам; во второй — низкий уровень; в третий — высокий.

С помощью метода k-средних были построены усредненные профили представителей каждого класса. Как показано на рис. 3, профили респондентов с низким и высоким уровнем познавательной потребности (относящихся ко второму и третьему кластеру), оказались похожими: они имеют высокую выраженность стремления к порядку и предсказуемости; в отличие от респондентов, имеющих средний уровень познавательной потребности (относящихся к первому классу), для которых отмечены низкие соответствующие показатели. Профиль респондентов с низкой потребностью в познании характеризовался относительно меньшей решительностью и одновременно более выраженным избеганием двусмысленности и стремлением к закрытости мышления, чем два других профиля. Профиль респондентов с высокой потребностью в познании характеризовался средним по отношению к двум другим профилям уровнем решительности и избегания двусмысленности, а также менее выраженным, чем в профиле с низкой потребностью в познании, стремлением к закрытости мышления.

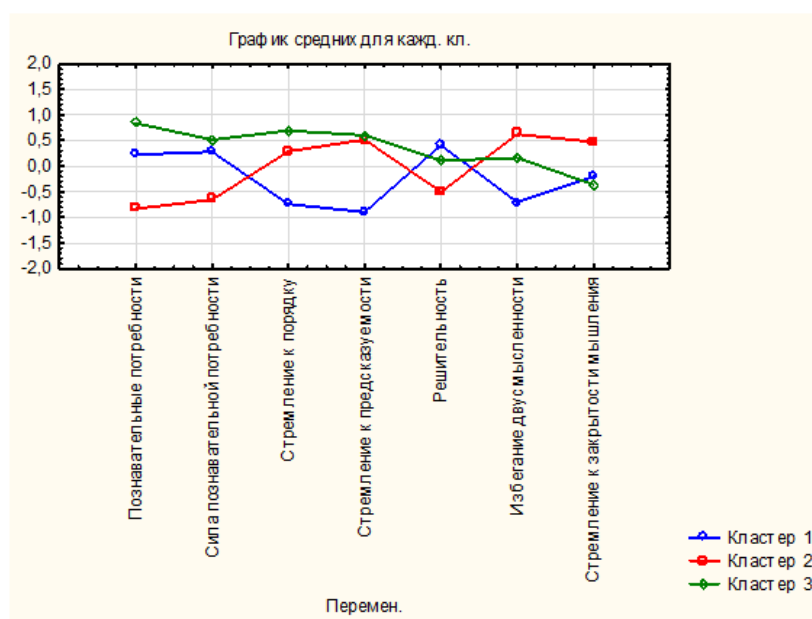

Рис. 3. Усредненные профили представителей выделенных классов

Таблица 7. Межгрупповые различия по каждой шкале. Дисперсионный анализ

	Между SS	сс	Внутри SS	сс	F	p
Познавательные потребности	72,06821	2	86,9318	157	65,07809	0,000000
Потребность в познании	40,45628	2	118,5437	157	26,79026	0,000000
Стремление к порядку	57,84800	2	101,1520	157	44,89351	0,000000
Стремление к предсказуемости	79,49909	2	79,5009	157	78,49821	0,000000
Решительность	25,14273	2	133,8573	157	14,74484	0,000001
Избегание двусмысленности	53,59072	2	105,4093	157	39,90987	0,000000
Стремление к закрытости мышления	20,83656	2	138,1634	157	11,83866	0,000016

Проведенный дисперсионный анализ метода k-средних выявил значимые различия между классами по всем шкалам методик (см. табл. 7).

Заключение и выводы

Проведенное нами исследование является развитием работ по проблематике взаимосвязи потребностей в познании и когнитивной закрытости. Интерес к ней обусловлен прежде всего тем, что содержание обоих понятий обнаруживает сходные аспекты, среди которых — стремление к осмысленному структурированию ситуаций и снятию неопределенности.

По сравнению с предшествующими работами, в которых изучались только корреляционные взаимосвязи потребностей в познании и когнитивной закрытости, новизна нашего исследования заключается в следующих моментах. Во-первых, были задействованы два инструмента для изме-

рения потребности в познании, сфокусировавшиеся, таким образом, на ее разных аспектах, что усилило значимость полученных результатов. Во-вторых, мы сосредоточились не только на корреляционном анализе, но и на факторном анализе, что позволило изучить некоторые глубинные закономерности взаимосвязи потребности в познании и стремления к когнитивной закрытости, в результате чего были выделены три фактора: «мышление, ориентированное на определенность», «импульсивно-закрытое мышление» и «скорость принятия решений при толерантности к неопределенности». В-третьих, с помощью методов кластерного анализа мы дифференцировали три класса респондентов с разным уровнем стремления к когнитивной закрытости и показали, что у респондентов с высоким общим показателем данного конструкта показатели потребности в познании, измеряемой с помощью двух мето-

дических инструментов, были значимо ниже, чем у респондентов с низким соответствующим показателем. В-четвертых, в результате проведения агломеративного иерархического анализа и применения метода k-средних были выделены три класса респондентов, построены их усредненные профили и определены их сходные и различные специфические характеристики.

Таким образом, в нашем исследовании, проведенном на достаточно большой выборке в 160 человек, в основном подтвердилась выдвинутая нами гипотеза, так как обнаружены значимые корреляции потребности в познании с ее общим показателем и четырьмя из пяти составляющих стремления к когнитивной закрытости (за исключением стремления к порядку). Для сравнения: в исследовании, проведенном на выборке 97 американских студентов (Webster, Kruglanski, 1994), обнаружены отрицательные корреляции потребности в познании с общим показателем стремления к когнитивной закрытости и только с двумя ее составляющими: стремлением к порядку и закрытостью мышления. Необходимо также отметить, что в нашем исследовании обнаружена существенно более сильная значимая отрицательная связь между потребностью в познании и закрытостью мышления ($r = -0,60$).

Обратные взаимосвязи ряда показателей когнитивной закрытости с познавательной потребностью, измерявшейся с помощью двух методических инструментов, свидетельствуют о том, что у людей с выраженным стремлением к закрытости мышления, предсказуемости и избеганию двусмысленности менее выражены потребность в получении нового знания, желание самостоятельного поиска решения, вовлеченности в деятельность, связанную с когнитивными усилиями.

Наши результаты не просто подтвердили известную отрицательную связь между потребностью в познании и когнитивной закрытостью, но и выявили более тонкие закономерности, особенно в отношении показателя решительности, что позволяет уточнять внутреннюю структуру конструктора когнитивной закрытости и показывает, что ее компоненты могут быть связаны с потребностью в познании по-разному.

В отличие от таких компонентов когнитивной закрытости, как избегание двусмысленности или закрытость мышления, отражающих стремление минимизировать неопределенность и ограничить рассмотрение альтернативных точек зрения, решительность может описывать преимущественно скорость и уверенность перехода от анализа к принятию решения. В этом случае решитель-

ность не обязательно предполагает когнитивную ригидность или отказ от дальнейшего поиска информации. Полученные нами данные косвенно подтверждают это.

В корреляционном анализе решительность демонстрирует небольшие, но значимые положительные связи с потребностью в познании, измеренной с помощью обеих методик. Это позволяет предположить, что люди с высокой познавательной потребностью способны активно анализировать информацию, рассматривать различные альтернативы и при этом достаточно уверенно принимать решения после завершения необходимой когнитивной работы. Иными словами, решительность может сочетаться не только с потребностью в быстром достижении определенности, но и с готовностью к глубокому анализу ситуации. Полученные результаты позволяют предположить, что решительность не является однозначным индикатором стремления к закрытости мышления.

Наш факторный анализ фактически показал, что решительность в опроснике когнитивной закрытости не полностью совпадает по психологическому смыслу с другими компонентами закрытости: решительность отделилась от «стремления к порядку», «предсказуемости» и «закрытости мышления» и образовала самостоятельный фактор вместе с противоположным полюсом «избегания двусмысленности».

Таким образом, полученный результат свидетельствует о неоднородности структуры когнитивной закрытости и об особом статусе компонента решительности, который может отражать не столько стремление к быстрому устранению неопределенности, сколько способность эффективно завершать процесс принятия решения после анализа информации.

Проведенное исследование имеет **ряд ограничений**, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, выборка исследования была представлена исключительно московскими студентами гуманитарных факультетов в возрасте от 19 до 32 лет, и респондентами, получившими высшее гуманитарное образование, что ограничивает возможность распространения полученных выводов на другие возрастные, профессиональные и социокультурные группы населения. Особенности студенческой среды могут оказывать влияние как на выраженность потребности в познании, так и на стремление к когнитивной закрытости. Во-вторых, исследование носило корреляционный характер. Выявленные взаимосвязи между потребностью в познании и компонентами когнитивной закрытости позво-

ляют говорить лишь о статистической связи между переменными, однако не дают оснований для выводов о причинно-следственных отношениях между ними. В-третьих, использовались только методики, предполагающие самоотчет респондентов. Такой подход повышает вероятность влияния субъективных факторов, включая социальную желательность ответов, особенности самовосприятия и ситуативное настроение участников исследования. В исследовании не фиксировались объективные показатели познавательной активности, что могло бы дополнить и уточнить интерпретацию полученных результатов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки за счет представителей различных возрастных, профессиональных и культурных групп, что позволит проверить устойчивость выявленных закономерностей.

Представляет интерес дальнейшее изучение выделенных нами факторов («мышление, ориентированное на определенность», «импульсивно-закрытое мышление», «решительно-гибкое мышление») и типов респондентов с использованием

более крупных и разнообразных выборок для проверки устойчивости предложенной типологии.

Дополнительного изучения требует выявленный в исследовании феномен положительной связи потребности в познании с решительностью при одновременной отрицательной связи данной потребности с большинством других компонентов когнитивной закрытости. Анализ данного феномена может способствовать более глубокому пониманию структуры когнитивной закрытости и уточнению психологического содержания ее отдельных компонентов.

Перспективным направлением является также применение комплексного инструментария, сочетающего корреляционные исследования, экспериментальные дизайны, позволяющие изучить причинно-следственные механизмы взаимодействия потребности в познании и когнитивной закрытости, а также качественного подхода, включающего, в частности, процедуры свободных вербализаций, которые могут позволить выявить содержательные характеристики данных конструкторов.

Литература:

- Ермаков С. С., Юркевич В. С. Развитие познавательной потребности у школьников в процессе обучения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 2. С. 87–100. URL: http://psyjournals.ru/files/61179/jmfp_2013_2_n7_Ermakov.pdf (дата обращения: 19.10.2018).
- Пустовойтов В. Н. Развитие познавательной самостоятельности учащихся старших классов (на материале математики и информатики): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: защищена 25.06.02: утв. 22.11.02. Брянск, 2002.
- Шепелева Е. А., Валуева Е. А., Лантева Е. М. Потребность в познании: сравнительный анализ различных исследовательских и психодиагностических подходов // Современная зарубежная психология. 2018. № 3. С. 115–125.
- Щебетенко С. А. Психометрика русской версии шкалы потребности в познании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 2. С. 88–91.
- Юркевич В. С. Развитие начальных уровней познавательной потребности у школьников // Вопросы психологии. 1980. № 2. С. 83–92.
- Ясин М. И., Гусева Е. С. Исследование взаимосвязи когнитивной закрытости и локуса контроля // Вестник Костромского государственного университета. Серия: «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2024. Т. 30. № 1. С. 36–41. URL: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-1-36-41>
- Ясин М. И., Рябиченко Т. А. Когнитивные предикторы гибридной и альтернативной идентификации в поликультурной среде: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2021. № 10(3). С. 79–91. URL: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100308>
- Ясин М. И., Хухлаев О. Е. Русскоязычная адаптация опросника Д. Вебстер и А. Круглански «Стремление к когнитивной закрытости» // Психология. Журнал ВШЭ. 2023. № 2. С. 282–299. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-2-282-299.
- Berzonsky M. D., Sullivan C. Social-cognitive aspects of identity style: Need for cognition, experiential openness, and introspection // Journal of Adolescent Research. 1992. № 7(2). P. 140–155.
- Cacioppo J. T., Petty R. E. The need for cognition // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 42. P. 116–131.
- Cacioppo J. T., Petty R. E., Feinstein J. A., Jarvis B. W. Dispositional differences in cognitive motivation: The life and times of individuals varying in the need for cognition // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 119. P. 197–253.

- Cacioppo J.T., Petty R.E., Kao C.F. The efficient assessment of need for cognition // *Journal of Personality Assessment*. 1984. Vol. 48(3). P. 306–307. DOI: 10.1207/s15327752jpa4803_13
- Cacioppo J.T., Petty R.E., Morris K.J. Effects of need for cognition on message evaluation, recall, and persuasion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol. 45. P. 805–818.
- Cohen A.R., Stotland E., Wolfe D.M. An experimental investigation of need for cognition // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1955. Vol. 51(2). P. 291–294.
- Fleischhauer M. et al. Same or different? Clarifying the relationship of need for cognition to personality and intelligence // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36(1). P. 82–96.
- Grass J. et al. Thinking to promote happiness: Need for cognition, subjective well-being, and burnout in different populations // *Journal of Research in Personality*. 2023. Vol. 105. P. 104383.
- Grass J., Krieger F., Paulus P., Greiff S., Strobel A., Strobel A. Thinking in action: Need for cognition predicts self-control together with action orientation // *PloS One*. 2019. Vol. 14(8). Art. e0220282.
- Growiec K., Szumowska E. Need for cognitive closure predicts preference for similar others and reduced diversity in social networks // *Scientific Reports*. 2026.
- Hill B.D. et al. Need for cognition is related to higher general intelligence, fluid intelligence, and crystallized intelligence, but not working memory // *Journal of Research in Personality*. 2013. Vol. 47. № 1. P. 22–25. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.11.001
- Kruglanski A.W., Webster D.M. Motivated Closing of the Mind: “Seizing” and “Freezing” // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103. № 2. P. 263–283.
- Leary M.R., Sheppard J.A., McNeil M.S., Jenkins T.B., Barnes B.D. Objectivism in information utilization: Theory and measurement // *Journal of Personality Assessment*. 1986. Vol. 50. P. 32–43.
- Litman J.A. Interest and deprivation factors of epistemic curiosity // *Personality and Individual Differences*. 2008. Vol. 44. P. 1585–1595.
- Liu Q., Nesbit J.C. The relation between need for cognition and academic achievement: A meta-analysis // *Review of Educational Research*. 2024. Vol. 94. № 2. P. 155–192.
- Marini M. et al. Impact of need for cognitive closure on achievement goals and academic performance: A study in upper secondary schools // *Psychology Hub*. 2024. Vol. 41. P. 20–30. DOI: 10.13133/2724-2943/18376
- McCrae R.R., Sutin A.R. Openness to experience. In M.R. Leary, R.H. Hoyle (Eds.). *Handbook of individual differences in social behavior*. Guilford. 2009. P. 257–273.
- Nair U.K., Ramnarayan S. Individual differences in need for cognition and complex problem solving // *Journal of Research in Personality*. 2000. Vol. 34. P. 305–328.
- Neuberg S.L., Newsom J.T. Personal need for structure: Individual differences in the desire for simpler structure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 5(1). P. 113–131.
- Osberg T.M. The convergent and discriminant validity of the Need for Cognition Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1987. Vol. 51. P. 441–450.
- Parisse C. et al. Need for cognitive closure and prosocial behavior in high school students: The role of perspective taking and empathic concern // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 215. P. 1–4.
- Peltier J.W., Schibrowsky J.A. Need for cognition, advertisement viewing time and memory for advertising stimuli // *Advances in Consumer Research*. 1994. Vol. 21. P. 244–250.
- Petty R.E. et al. The need for cognition // *Handbook of individual differences in social behavior*. 2009. Vol. 318. P. 329.
- Roets A. et al. The motivated gatekeeper of our minds: New directions in need for closure theory and research // *Advances in experimental social psychology*. Academic Press. 2015. Vol. 52. P. 221–283.
- Schweitzer F.M. et al. The Relationship of Need for Cognition and Typical Intellectual Engagement with Intelligence and Executive Functions: A Multi-Level Meta-Analysis // *Journal of Intelligence*. 2025. Vol. 13. № 11. P. 142.
- Tidwell P.S., Sadowski C.J., Pate L.M. Relationships between need for cognition, knowledge, and verbal ability // *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. 2000. Vol. 134. № 6. P. 634–644. DOI: 10.1080/00223980009598242
- Truin L.S. et al. Associations of an individual’s need for cognition with structural brain damage and cognitive functioning / impairment: cross-sectional population-based study // *The British Journal of Psychiatry*. 2024. Vol. 224. № 6. P. 189–197.
- Venkatraman M.P., Price L.L. Differentiating between cognitive and sensory innovativeness: Concepts, measurement, and implications // *Journal of Business Research*. 1990. Vol. 20(4). P. 293–315.
- Venkatraman M.P., Marilino D., Kardes F.R., Sklar K.B. Effects of individual difference variables on response to factual and evaluative ads // *Advances in Consumer Research*. 1990. Vol. 17. P. 761–765.

- Webster D.M., Kruglanski A.W. Individual differences in need for cognitive closure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. P. 1049–1062.
- Woo S.E., Harms P.D., Kuncel N.R. Integrating personality and intelligence: Typical intellectual engagement and need for cognition // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 43. P. 1635–1639.

THE NEED FOR KNOWLEDGE AND COGNITIVE CLOSURE: THE INTERACTION OF PSYCHOLOGICAL CONSTRUCTS

© Tatyana N. Savchenko

PhD in Psychology, Leading Researcher Laboratory of Psychology of Cognitive Processes
and Mathematical Psychology,
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
savchenkotn@mail.ru; ORCID 0000-0002-4301-5590

© Elena S. Samoylenko

DSc in Psychology, Head of the Laboratory of Psychology of Cognitive Processes and Mathematical
Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
samoylenkoes@mail.ru; ORCID 0000-0001-7980-3903

This article presents the results of an empirical study examining relationship between the needs for cognition and cognitive closure. Key characteristics of these constructs, and their relationships to a number of individual psychological characteristics were analyzed. An empirical study was conducted using two different methods for measuring need for cognition and a questionnaire to assess need for cognitive closure on a sample of 160 Moscow students. Significant negative relationships were found between the need for cognition, on the one hand, and the overall indicator and three of the five components of the need for cognitive closure. The strongest negative relationship was found between close-mindedness and need for cognition. To identify integral patterns in the relationship between need for cognition and need for cognitive closure, a factor analysis was conducted, which identified three factors: “Certainty-Oriented Thinking,” “Impulsive-Closed Thinking,” and “Decision-making speed with tolerance for uncertainty”. The results demonstrate the heterogeneity of the cognitive closure structure and the special status of the decisiveness component, which demonstrated small but significant positive correlations with the need for cognition. These findings suggest that decisiveness is not a definitive indicator of a tendency toward closed-mindedness. With the help of the agglomerative hierarchical clustering analysis and the k-means method, three classes of participants with high, medium, and low cognitive needs were identified, their average profiles were constructed, and their similarities and differences in specific characteristics were highlighted.

Keywords: need for cognition, need for cognitive closure

REFERENCES

- Ermakov S.S., Yurkevich V.S. (2013). Development of cognitive need in schoolchildren during the learning process [Electronic resource] // *Modern Foreign Psychology*. Vol. 2. № 2. P. 87–100. URL: http://psyjournals.ru/files/61179/jmfp_2013_2_n7_Ermakov.pdf (accessed: 19.10.2018).
- Pustovoytov V.N. (2002). Development of cognitive independence of senior school students (based on mathematics and computer science): dis. ... cand. ped. sciences: 13.00.01: defended 25.06.02: approved 22.11.02. Bryansk.
- Shepeleva E.A., Valueva E.A., Lapteva E.M. (2018). Need for cognition: a comparative analysis of various research and psychodiagnostic approaches // *Modern Foreign Psychology*. № 3. P. 115–125.
- Shchebetenko S.A. (2011). Psychometrics of the Russian version of the need for cognition scale // *Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*. № 2. P. 88–91.
- Yurkevich V.S. (1980). Development of the initial levels of cognitive need in schoolchildren // “Questions of Psychology”. № 2. P. 83–92.

- Yasin M.I., Guseva E.S. (2024). Study of the relationship between cognitive closure and locus of control // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. Vol. 30. № 1. P. 36–41. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-1-36-41>
- Yasin M.I., Ryabichenko T.A. (2021). Cognitive predictors of hybrid and alternative identification in a multicultural environment: a review of foreign studies // Modern Foreign Psychology. № 10(3). P. 79–91. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100308>
- Yasin M.I., Khukhlaev O.E. (2023). Russian-language adaptation of D. Webster and A. Kruglansky's questionnaire "Need for cognitive closure" // Psychology. HSE Journal. № 2. P. 282–299. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-2-282-299.
- Berzonsky M.D., Sullivan C. (1992). Social-cognitive aspects of identity style: Need for cognition, experiential openness, and introspection // Journal of Adolescent Research. № 7(2). P. 140–155.
- Cacioppo J.T., Petty R.E. (1982). The need for cognition // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 42. P. 116–131.
- Cacioppo J.T., Petty R.E., Feinstein J.A., Jarvis B.W. (1996). Dispositional differences in cognitive motivation: The life and times of individuals varying in the need for cognition // Psychological Bulletin. Vol. 119. P. 197–253.
- Cacioppo J.T., Petty R.E., Kao C.F. (1984). The efficient assessment of need for cognition // Journal of Personality Assessment. Vol. 48(3). P. 306–307. DOI: 10.1207/s15327752jpa4803_13
- Cacioppo J.T., Petty R.E., Morris K.J. (1983). Effects of need for cognition on message evaluation, recall, and persuasion // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 45. P. 805–818.
- Cohen A.R., Stotland E., Wolfe D.M. (1955). An experimental investigation of need for cognition // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 51(2). P. 291–294.
- Fleischhauer M. et al. (2010). Same or different? Clarifying the relationship of need for cognition to personality and intelligence // Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 36(1). P. 82–96.
- Grass J. et al. (2023). Thinking to promote happiness: Need for cognition, subjective well-being, and burnout in different populations // Journal of Research in Personality. Vol. 105. P. 104383.
- Grass J., Krieger F., Paulus P., Greiff S., Strobel A., Strobel A. (2019). Thinking in action: Need for cognition predicts self-control together with action orientation // PloS One. Vol. 14(8). Art. e0220282.
- Growiec K., Szumowska E. (2026). Need for cognitive closure predicts preference for similar others and reduced diversity in social networks // Scientific Reports. 2026.
- Hill B.D. et al. (2013). Need for cognition is related to higher general intelligence, fluid intelligence, and crystallized intelligence, but not working memory // Journal of Research in Personality. Vol. 47. № 1. P. 22–25. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.11.001
- Kruglanski A.W., Webster D.M. (1996). Motivated Closing of the Mind: "Seizing" and "Freezing" // Psychological Review. Vol. 103. № 2. P. 263–283.
- Leary M.R., Sheppard J.A., McNeil M.S., Jenkins T.B., Barnes B.D. (1986). Objectivism in information utilization: Theory and measurement // Journal of Personality Assessment. Vol. 50. P. 32–43.
- Litman J.A. (2008). Interest and deprivation factors of epistemic curiosity // Personality and Individual Differences. Vol. 44. P. 1585–1595.
- Liu Q., Nesbit J.C. (2024). The relation between need for cognition and academic achievement: A meta-analysis // Review of Educational Research. Vol. 94. № 2. P. 155–192.
- Marini M. et al. (2024). Impact of need for cognitive closure on achievement goals and academic performance: A study in upper secondary schools // Psychology Hub. Vol. 41. P. 20–30. DOI: 10.13133/2724-2943/18376
- McCrae R.R., Sutin A.R. (2009). Openness to experience. In M.R. Leary, R.H. Hoyle (Eds.). Handbook of individual differences in social behavior. Guilford. P. 257–273.
- Nair U.K., Ramnarayan S. (2000). Individual differences in need for cognition and complex problem solving // Journal of Research in Personality. Vol. 34. P. 305–328.
- Neuberg S.L., Newsom J.T. (1993). Personal need for structure: Individual differences in the desire for simpler structure // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 5(1). P. 113–131.
- Osberg T.M. (1987). The convergent and discriminant validity of the Need for Cognition Scale // Journal of Personality Assessment. Vol. 51. P. 441–450.
- Parisse C. et al. (2023). Need for cognitive closure and prosocial behavior in high school students: The role of perspective taking and empathic concern // Personality and Individual Differences. Vol. 215. P. 1–4.
- Peltier J.W., Schibrowsky J.A. (1994). Need for cognition, advertisement viewing time and memory for advertising stimuli // Advances in Consumer Research. Vol. 21. P. 244–250.

- Petty R.E. et al.* (2009). The need for cognition // Handbook of individual differences in social behavior. Vol. 318. P. 329.
- Roets A. et al.* (2015). The motivated gatekeeper of our minds: New directions in need for closure theory and research // Advances in experimental social psychology. Academic Press. Vol. 52. P. 221–283.
- Schweitzer F.M. et al.* (2025). The Relationship of Need for Cognition and Typical Intellectual Engagement with Intelligence and Executive Functions: A Multi-Level Meta-Analysis // Journal of Intelligence. Vol. 13. № 11. P. 142.
- Tidwell P.S., Sadowski C.J., Pate L.M.* (2000). Relationships between need for cognition, knowledge, and verbal ability // Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. Vol. 134. № 6. P. 634–644. DOI: 10.1080/00223980009598242
- Truin L.S. et al.* (2024). Associations of an individual's need for cognition with structural brain damage and cognitive functioning / impairment: cross-sectional population-based study // The British Journal of Psychiatry. Vol. 224. № 6. P. 189–197.
- Venkatraman M.P., Price L.L.* (1990). Differentiating between cognitive and sensory innovativeness: Concepts, measurement, and implications // Journal of Business Research. Vol. 20(4). P. 293–315.
- Venkatraman M.P., Marlino D., Kardes F.R., Sklar K.B.* (1990). Effects of individual difference variables on response to factual and evaluative ads // Advances in Consumer Research. Vol. 17. P. 761–765.
- Webster D.M., Kruglanski A.W.* (1994). Individual differences in need for cognitive closure // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 67. P. 1049–1062.
- Woo S.E., Harms P.D., Kuncel N.R.* (2007). Integrating personality and intelligence: Typical intellectual engagement and need for cognition // Personality and Individual Differences. Vol. 43. P. 1635–1639.

РАННИЕ ДЕЗАДАПТИВНЫЕ СХЕМЫ, СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ, САМОРЕГУЛЯЦИЯ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ В СРЕДНЕМ ВОЗРАСТЕ

©Бережная Д.Ю.

психолог-консультант, Москва, Россия
ramenki-di@mail.ru

Для цитирования:

Бережная Д.Ю.

Ранние дезадаптивные схемы, стратегии совладания, саморегуляция и жизнестойкость в среднем возрасте // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 75-86. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_07

Berezhnaya D. Yu.

Early maladaptive schemas, coping strategies, self-regulation and hardiness in middle adulthood. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 75-86. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_07

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи ранних дезадаптивных схем, стратегий совладания со стрессом, саморегуляции поведения и уровня жизнестойкости у людей среднего возраста. В исследовании принял участие 81 респондент в возрасте от 40 до 56 лет. Для диагностики использовались методика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга YSQ-S3R в адаптации П.М. Касьяника и Е.В. Романовой, Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой, русскоязычная версия опросника COPE Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина, а также опросник «Стиль саморегуляции поведения» ССПМ-2020 В.И. Моросановой. Статистическая обработка данных включала методы описательной статистики и корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты показали наличие отрицательных корреляций между выраженностью ряда ранних дезадаптивных схем и уровнем жизнестойкости, а также между ранними дезадаптивными схемами и проблемно-ориентированными стратегиями совладания. Положительные корреляции выявлены между ранними дезадаптивными схемами и эмоционально-ориентированными копинг-стратегиями. Связи ранних дезадаптивных схем с показателями саморегуляции поведения носили преимущественно слабый характер. Полученные данные могут быть использованы в психологическом консультировании и психокоррекционной работе, направленной на повышение жизнестойкости и развитие более адаптивных стратегий совладания со стрессом у людей среднего возраста с высшим образованием.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, копинг-стратегии, жизнестойкость, саморегуляция поведения, средний возраст, психологическая адаптация, схема-терапия, стресс, совладающее поведение, эмоционально-ориентированный копинг, проблемно-ориентированный копинг, психология личности

Введение

В условиях современной социальной реальности люди все чаще сталкиваются с сочетанием профессиональных, семейных и личностных нагрузок, требующих постоянной психологической адаптации. Особенно это становится заметно в среднем возрасте, когда человек одновременно решает задачи профессиональной реализации, поддержания семейных отношений и переоценки жизненных ориентиров (Кулагина, 2020; Солодников, Солодникова, 2009). В этот период возрастает значимость индивидуальных психологических ресурсов, позволяющих справляться со стрессовыми ситуациями и сохранять внутреннюю устойчивость.

При этом люди существенно различаются по тому, как они воспринимают жизненные трудности, каким образом реагируют на стресс и какие способы совладания используют. Эти различия

могут быть связаны с устойчивыми когнитивно-эмоциональными установками, сформированными в раннем опыте, которые в современной психологии описываются как ранние дезадаптивные схемы (Богданов и др., 2019; Young et al., 2003). Данные схемы отражают особенности восприятия себя, других людей и окружающего мира и могут проявляться с разной степенью выраженности во взрослом возрасте (Галимзянова и др., 2016).

В научной литературе ранние дезадаптивные схемы рассматриваются в связи с эмоциональным состоянием, межличностными трудностями и особенностями совладающего поведения (Галимзянова, Романова, 2011; Карауш, Куприянова, 2022). Одновременно изучаются копинг-стратегии как способы регуляции стрессовых переживаний (Водопьянова, 2018; Мельникова, 2018; Рассказова, Гордеева, 2011) и жизнестойкость как ресурс психологической устойчивости

(Воронина, Карпова, 2013; Bartone et al., 2013). Несмотря на значительное число исследований, посвященных каждому из этих феноменов, их взаимосвязи с особенностями саморегуляции поведения применительно к людям среднего возраста с высшим образованием остаются недостаточно изученными. Исследования стрессоустойчивости и копинга в условиях неопределенности также подчеркивают значимость совладающего поведения (Карпова, Дрынкина, 2022). Комплексный анализ данных взаимосвязей позволяет глубже понять психологические особенности адаптации в среднем возрасте и выявить сочетания факторов, связанных с различными способами реагирования на стрессовые воздействия.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования полученных данных в психологическом консультировании и психокоррекционной работе. Анализ взаимосвязей между ранними дезадаптивными схемами, копинг-стратегиями, саморегуляцией и жизнестойкостью может служить ориентиром при планировании индивидуальной и групповой психологической помощи, а также при разработке профилактических программ, направленных на поддержку адаптивного поведения и эмоционального благополучия взрослых.

Актуальность выбранной темы определяется как ее теоретической значимостью, связанной с уточнением взаимосвязей ключевых психологических конструкций, так и практическим запросом на повышение эффективности психологической помощи людям среднего возраста, испытывающим трудности в эмоциональной сфере и межличностных отношениях.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили отечественные и зарубежные подходы к изучению возрастного развития личности, ранних дезадаптивных схем, совладающего поведения, саморегуляции и жизнестойкости.

В отечественной и зарубежной психологии представлены различные подходы к возрастной периодизации и изучению психологического развития личности. Проблемы возрастной динамики и кризисов развития рассматривались в работах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, И. С. Кона, Э. Э. Сыманюк и других исследователей. Их работы заложили основу понимания возрастной динамики и психологических изменений, происходящих на различных этапах жизненного пути.

В качестве одного из теоретических ориентиров возрастного развития в работе используется концепция Э. Эриксона, в которой средняя взрослость рассматривается через задачи генеративности и дальнейшего развития личности (Erikson, 1963). Границы среднего возраста в разных периодизациях варьируют (Кулагина, 2020; Солодников, Солодникова, 2009); в настоящем исследовании рассматривался период от 40 до 56 лет.

Когнитивные «схемы» изучались разными представителями психологии. В данной работе исследование ранних дезадаптивных схем опирается на концепцию Дж. Янга, разработанную в рамках схема-терапии (Касьяник и др., 2013а; Янг и др., 2020; Young et al., 2003). Согласно данной концепции, ранние дезадаптивные схемы формируются в детстве вследствие неудовлетворения базовых эмоциональных потребностей и связаны с устойчивыми особенностями восприятия себя, других людей и окружающего мира. Дж. Янг выделил 18 ранних дезадаптивных схем и классифицировал их на 5 доменов (Vreeswijk et al., 2012; Young et al., 2003).

Согласно Дж. Янгу, ранние дезадаптивные схемы формируются в условиях неудовлетворения базовых эмоциональных потребностей ребенка и могут способствовать закреплению дезадаптивных способов совладания (Young et al., 2003, с. 14). В когнитивной терапии А. Бека понятие схемы используется для обозначения когнитивных паттернов, сформированных на основе прошлого опыта и связанных с особенностями восприятия и реагирования человека в различных ситуациях (Бек, Фримен, 2002, с. 67).

Схожую позицию занимают А. Арнтц и Г. Якоб, рассматривающие ранние дезадаптивные схемы как устойчивые представления о мире, связанные с когнитивными, эмоциональными и поведенческими реакциями человека и проявляющиеся с различной интенсивностью в зависимости от жизненной ситуации (Арнтц, Якоб, 2016, с. 25).

В научной литературе долгие годы основной фокус был направлен на изучение ранних дезадаптивных схем у людей с расстройствами личности (Холмогорова, 2014; Arntz, 2008; Delattre et al., 2004). Однако за последние годы интерес к исследованию проявлений РДС у неклинических взрослых выборок значительно вырос (Богданов и др., 2019; Галимзянова и др., 2016; Карауш, Куприянова, 2022). Диагностика схем используется в психологической практике для выявления устойчивых когнитивно-эмоциональных паттернов и определения направлений психокоррекционной работы (Касьяник и др., 2013б).

Теоретической основой изучения совладающего поведения в настоящем исследовании является модель стресса и копинг-стратегий Р. Лазаруса. В рамках данного подхода стресс рассматривается как результат взаимодействия человека и среды в ситуации, когда требования оцениваются как превышающие доступные ресурсы, а ключевую роль играют когнитивная оценка ситуации и выбор способов совладания (Lazarus, 1993; Lazarus, Folkman, 1984). Истоки данного подхода представлены в более ранней работе Р. Лазаруса о психологическом стрессе и процессе совладания (Lazarus, 1966).

Совладающее поведение рассматривается как система когнитивных и поведенческих усилий, направленных на преодоление стрессовых воздействий и регуляцию внутреннего состояния (Лазарус, 2003; Рассказова, Гордеева, 2011). В рамках данного подхода выбор копинг-стратегий связан не только с объективными характеристиками стрессовой ситуации, но и с тем, как человек оценивает происходящее и собственные ресурсы для преодоления трудностей (Крюкова, 2007; Хазова, 2013). Развитие копинг-компетенций также рассматривается как самостоятельное направление психологических исследований (Frydenberg, 2004).

При изучении жизнестойкости исследование опирается на концепцию С. Мадди. Понятие *hardiness* связано с работами С. Кобейса и С. Мадди; в отечественной психологии концепт жизнестойкости получил развитие в работах Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой (Рассказова, Леонтьев, 2011; Khoshaba, Maddi, 1999; Maddi, 2007).

Жизнестойкость в настоящем исследовании рассматривается как ресурс психологической устойчивости, позволяющий человеку сохранять активность, вовлеченность и субъективный контроль в условиях жизненных трудностей (Александрова, 2004; Евтушенко, 2016). В структуре жизнестойкости выделяются вовлеченность, контроль и принятие риска, которые отражают готовность человека быть включенным в происходящее, ощущать возможность влияния на события и воспринимать изменения как часть жизненного опыта (Коржикова, 2023; Khoshaba, Maddi, 1999). Роль жизнестойкости в адаптации к стрессовым условиям подтверждается и в исследованиях специфических профессиональных выборок (Bartone et al., 2013).

Анализ теоретических и эмпирических исследований показал, что ранние дезадаптивные схемы, стратегии совладания со стрессом, саморегуляция поведения и жизнестойкость чаще рассматриваются изолированно друг от друга. Работ, в которых данные психологические характеристики анализируются комплексно применительно

но к людям среднего возраста с высшим образованием, представлено сравнительно немного, что определяет необходимость изучения их взаимосвязей в рамках одного эмпирического исследования. Методологически связь копинг-стратегий с процессами деятельности и саморегуляции рассматривается в русскоязычной адаптации COPE (Рассказова и др., 2013).

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе взаимосвязей ранних дезадаптивных схем, стратегий совладания, саморегуляции поведения и жизнестойкости у людей среднего возраста в рамках одного эмпирического исследования.

Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязи ранних дезадаптивных схем с уровнем жизнестойкости, стратегиями совладания со стрессом и стилями саморегуляции поведения у людей среднего возраста.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что ранние дезадаптивные схемы могут быть взаимосвязаны со стратегиями совладания со стрессом и жизнестойкостью:

- чем сильнее выражены ранние дезадаптивные схемы у взрослых, тем ниже будет уровень их жизнестойкости;
- чем сильнее выражены ранние дезадаптивные схемы, тем чаще взрослые люди используют неадаптивные стратегии совладания со стрессом.

Материалы и методы

Выборка. Эмпирическую основу исследования составили первичные данные, полученные в результате дистанционного опроса 81 респондента в возрасте от 40 до 56 лет, из которых 11 мужчин и 70 женщин. Все участники исследования имели высшее образование и являлись гражданами Российской Федерации. Отбор носил целенаправленный характер. Критериями включения являлись возраст респондентов (40–56 лет), наличие высшего образования и добровольное согласие на участие в исследовании. Информация о месте проживания участников не собиралась с целью обеспечения анонимности.

Сбор эмпирических данных проводился в 2025 году с использованием платформы Yandex Forms. Участники привлекались посредством размещения ссылки на опрос в социальных сетях и учебных чатах, что позволило охватить целевую аудиторию исследования. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

В итоговую выборку была включена 81 полностью заполненная анкета. Пропущенные ответы по пунктам психодиагностических методик отсутствовали.

Психодиагностические методики

Для достижения цели исследования был использован комплекс психодиагностических методик.

Для изучения ранних дезадаптивных схем использовалась методика диагностики ранних дезадаптивных схем Дж. Янга YSQ-S3R (Young Schema Questionnaire) в адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой. Методика позволяет оценить степень выраженности 18 ранних дезадаптивных схем, объединенных в пять доменов (Касьяник, Романова, 2016; Young, Brown, 2001).

Для исследования жизнестойкости применялся Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина и Е. И. Рассказовой, позволяющий оценить общий уровень жизнестойкости, а также ее основные компоненты: вовлеченность, контроль и принятие риска (Осин, Рассказова, 2013).

Для исследования стратегий совладания со стрессом использовался опросник COPE — русскоязычная адаптация методики, разработанной К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом на основе теоретических представлений Р. Лазаруса и собственной теоретической модели. Использовалась версия Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой и Е. Н. Осина (Рассказова и др., 2013).

Для оценки особенностей саморегуляции поведения применялся опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ-2020), разработанный в лаборатории психологии саморегуляции Психологического института Российской академии образования под руководством В. И. Моросановой. В исследовании использовалась версия ССПМ-2020, в которой обновлены формулировки утверждений, изменена шкала ответов и пересмотрен состав диагностических шкал (Моросанова, Кондратюк, 2020).

Методы статистической обработки данных

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программ IBM SPSS Statistics и Microsoft Excel.

На первом этапе исследования применялись методы описательной статистики, включающие вычисление средних значений, стандартных отклонений, частот и процентных распределений по шкалам используемых психодиагностических методик.

Проверка нормальности распределения данных осуществлялась с использованием критерия Колмогорова–Смирнова, что позволило обосновать выбор непараметрических методов анализа.

Для выявления взаимосвязей между выраженностью ранних дезадаптивных схем, жизнестойкостью, копинг-стратегиями и стилем само-

регуляции поведения применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистическая значимость коэффициентов корреляции оценивалась при уровне значимости $p < 0,05$ и $p < 0,01$. Поправка на множественные сравнения не применялась ввиду поискового характера исследования.

Результаты исследования

На первом этапе исследования был проведен анализ описательной статистики по всем использованным психодиагностическим методикам. Полученные данные позволили определить уровень выраженности ранних дезадаптивных схем, показатели жизнестойкости, особенности совладающего поведения и саморегуляции у участников исследования.

Проверка распределения данных с использованием критерия Колмогорова–Смирнова показала отклонение ряда исследуемых переменных от нормального распределения, в связи с чем для анализа взаимосвязей был использован непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Поправка на множественные сравнения не применялась.

Показатели ранних дезадаптивных схем. Полученные результаты показали, что для большей части респондентов характерен низкий уровень выраженности большинства РДС (70%), что указывает на относительно низкую интенсивность РДС у респондентов среднего возраста с высшим образованием.

Наиболее выраженными схемами в выборке оказались: жесткие стандарты / придирчивость 51,9%, поиск одобрения — 38,3%, негативизм/пессимизм — 33,3%, привилегированность/грандиозность — 32,1%, самопожертвование — 30,9%.

При этом наименее выраженными были схемы зависимости, дефективности, неуспешности и эмоциональной депривированности.

Показатели жизнестойкости. Анализ жизнестойкости показал, что в целом выборка характеризуется умеренным уровнем жизнестойкости: у 63% он находится на среднем уровне.

Наиболее сильным компонентом оказалось принятие риска, высокий уровень отмечен у 25,9% респондентов. Наиболее уязвимым компонентом стал контроль: высокий уровень выявлен лишь у 8,6%.

Таким образом, при среднем уровне общей жизнестойкости наиболее уязвимым ее компонентом в исследуемой выборке оказался контроль, тогда как более высокие показатели были характерны для принятия риска.

Особенности совладающего поведения. В выборке преобладают стратегии, отражающие ориен-

тацию на активные формы реагирования в стрессовых ситуациях: активное совладание — 73%, планирование — 72%, принятие — 60%, позитивное переформулирование и личностный рост — 68%.

Относительно высокие показатели зафиксированы в структуре социальных ресурсов: инструментальная социальная поддержка — 44%, эмоциональная социальная поддержка — 42%.

В то же время такие дезадаптивные стратегии, как отрицание и использование успокоительных, выражены на низком уровне у большинства участников.

Полученные данные свидетельствуют о преобладании активных способов совладания со стрессом при относительно низкой выраженности стратегий отрицания и использования успокоительных.

Особенности саморегуляции поведения. Анализ показателей саморегуляции выявил различия в выраженности отдельных регуляторных

процессов. Более высокие показатели отмечались в области планирования и моделирования условий деятельности, тогда как показатель гибкости был выражен слабее.

Таким образом, выборку можно охарактеризовать как способную к планированию, но испытывающую сложности с гибкой реализацией намеченных планов.

Корреляционный анализ. Для проверки гипотез исследования был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии статистически значимых взаимосвязей между ранними дезадаптивными схемами, уровнем жизнестойкости, стратегиями совладания со стрессом и показателями саморегуляции поведения. Наиболее статистически значимые взаимосвязи представлены в таблице.

Таблица 1. Наиболее выраженные статистически значимые корреляции

Ранняя дезадаптивная схема	Показатель	ρ Спирмена	p
Жизнестойкость			
Покорность	Общий уровень жизнестойкости	–0,53	0,024
Неуспешность	Общий уровень жизнестойкости	–0,51	0,015
Зависимость/Беспомощность	Общий уровень жизнестойкости	–0,51	0,005
Жесткие стандарты / Придирчивость	Общий уровень жизнестойкости	–0,49	0,022
Дефективность/Стыд	Общий уровень жизнестойкости	–0,46	0,003
Уязвимость	Общий уровень жизнестойкости	–0,44	0,042
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	Общий уровень жизнестойкости	–0,39	<0,001
Стратегии совладания со стрессом			
Покинутость/Нестабильность	Эмоционально-ориентированный копинг	0,47	≤0,05
Неуспешность	Эмоционально-ориентированный копинг	0,45	≤0,05
Недостаточность самоконтроля	Проблемно-ориентированный копинг	–0,44	≤0,05
Негативизм/Пессимизм	Эмоционально-ориентированный копинг	0,40	≤0,05
Жесткие стандарты / Придирчивость	Проблемно-ориентированный копинг	0,38	≤0,05
Уязвимость	Эмоционально-ориентированный копинг	0,37	≤0,05
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	Эмоционально-ориентированный копинг	0,36	≤0,05
Покорность	Эмоционально-ориентированный копинг	0,36	≤0,05
Неуспешность	Проблемно-ориентированный копинг	–0,35	≤0,05
Зависимость/Беспомощность	Эмоционально-ориентированный копинг	0,34	≤0,05
Эмоциональная депривированность	Эмоционально-ориентированный копинг	0,31	≤0,05
Недостаточность самоконтроля	Эмоционально-ориентированный копинг	0,29	≤0,05

Ранняя дезадаптивная схема	Показатель	ρ Спирмена	р
Саморегуляция поведения			
Недостаточность самоконтроля	Общий уровень саморегуляции	–0,34	<0,01
Недостаточность самоконтроля	Гибкость	–0,33	<0,01
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	Планирование	–0,30	<0,05
Недостаточность самоконтроля	Программирование	–0,30	<0,05
Недостаточность самоконтроля	Самостоятельность	–0,30	<0,05
Жесткие стандарты / Придирчивость	Моделирование	–0,29	<0,05
Жесткие стандарты / Придирчивость	Гибкость	–0,29	<0,05

Примечание: ρ — двусторонний уровень статистической значимости коэффициента ранговой корреляции Спирмена при n=81. Поправка на множественные сравнения не применялась; результаты интерпретируются как предварительные и требуют проверки на независимой выборке.

Наиболее выраженные отрицательные корреляционные связи с общим уровнем жизнестойкости выявлены для схем «Покорность», «Неуспешность» и «Зависимость/Беспомощность».

Положительные корреляции обнаружены между рядом ранних дезадаптивных схем и эмоционально-ориентированными стратегиями совладания. Наиболее выраженные связи выявлены для схем «Покинутость/Нестабильность», «Неуспешность», «Негативизм/Пессимизм», «Уязвимость» и «Покорность».

Для ряда ранних дезадаптивных схем установлены отрицательные корреляции с проблемно-ориентированными копинг-стратегиями; при этом для схемы «Жесткие стандарты/Придирчивость» выявлена положительная корреляция с проблемно-ориентированным копингом.

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом подтверждают выдвинутую гипотезу в части связей ранних дезадаптивных схем с жизнестойкостью и преобладающей направленности связей с копингом: выраженность ряда ранних дезадаптивных схем отрицательно коррелирует с уровнем жизнестойкости и рядом проблемно-ориентированных стратегий совладания и положительно коррелирует с эмоционально-ориентированными стратегиями. При этом для схемы «Жесткие стандарты/Придирчивость» выявлена положительная корреляция с проблемно-ориентированным копингом. Корреляции ранних дезадаптивных схем с показателями саморегуляции анализировались дополнительно и носили преимущественно слабый характер.

Наиболее выраженные корреляции выявлены между ранними дезадаптивными схемами и по-

казателями жизнестойкости. Более высокая выраженность схем «Покорность», «Неуспешность» и «Зависимость/Беспомощность» коррелирует с более низким общим уровнем жизнестойкости.

Кроме того, умеренные отрицательные корреляции обнаружены для схем «Жесткие стандарты/Придирчивость» и «Недоверие/Ожидание жестокого обращения». Полученные данные позволяют говорить о том, что более высокая выраженность указанных схем коррелирует с более низкими показателями жизнестойкости. Содержательно это согласуется с представлениями схема-терапии о связи ранних дезадаптивных схем с устойчивыми особенностями восприятия и реагирования (Янг и др., 2020; Young et al., 2003) и с концепцией жизнестойкости С. Мадди (Khoshaba, Maddi, 1999; Maddi, 2007).

Анализ взаимосвязей между ранними дезадаптивными схемами и стратегиями совладания со стрессом показал, что выраженность ряда схем статистически связана с особенностями выбора копинг-стратегий. Схемы «Неуспешность», «Зависимость/Беспомощность», «Уязвимость», «Покорность», «Дефективность/Стыд» и «Негативизм/Пессимизм» положительно коррелируют с эмоционально-ориентированным копингом, тогда как схемы «Неуспешность», «Зависимость/Беспомощность», «Спутанность/Неразвитая идентичность» и особенно «Недостаточность самоконтроля» отрицательно коррелируют с проблемно-ориентированными стратегиями совладания.

Таким образом, более высокая выраженность ряда ранних дезадаптивных схем коррелирует с большей выраженностью эмоционально-ориентированного копинга и меньшей выраженностью проблемно-ориентированного копинга.

Полученные результаты соответствуют транзакционной модели стресса Р. Лазаруса, согласно которой совладающее поведение связано с когнитивной оценкой ситуации и доступных человеку ресурсов (Lazarus, 1993; Lazarus, Folkman, 1984). Сходные вопросы соотношения стресса, адаптивного копинга и психологического благополучия рассматриваются и в современных эмпирических исследованиях (Buser, Kearney, 2017).

Связи между ранними дезадаптивными схемами и саморегуляцией поведения оказались менее выраженными. Общий уровень саморегуляции демонстрировал преимущественно слабые отрицательные корреляции с большинством схем, что свидетельствует об отсутствии жесткой зависимости между данными психологическими характеристиками.

Вместе с тем анализ статистически значимых взаимосвязей показал, что отдельные ранние дезадаптивные схемы соотносятся с конкретными компонентами саморегуляции. Так, схема «Недостаточность самоконтроля» отрицательно связана с гибкостью, программированием, самостоятельностью и общим уровнем саморегуляции. Схема «Жесткие стандарты / Придирчивость» отрицательно связана с моделированием и гибкостью, а схема «Недоверие / Ожидание жестокого обращения» — с планированием. Эти результаты позволяют предположить, что ранние дезадаптивные схемы связаны не столько с общим уровнем саморегуляции, сколько с отдельными регуляторными процессами, определяющими организацию поведения человека.

Преимущественно слабые связи ранних дезадаптивных схем с общим уровнем саморегуляции могут быть связаны с особенностями используемого инструментария. Опросник ССПМ-2020 направлен на оценку стилевых особенностей саморегуляции поведения, тогда как ранние дезадаптивные схемы представляют собой устойчивые когнитивно-эмоциональные структуры. При этом выявленные связи РДС с отдельными компонентами саморегуляции позволяют предположить, что их взаимосвязь проявляется преимущественно на уровне отдельных регуляторных процессов, а не общего уровня саморегуляции (Моросанова, Кондратюк, 2020).

Полученные результаты в целом согласуются с современными представлениями о ранних дезадаптивных схемах как устойчивых когнитивно-эмоциональных образованиях, связанных с особенностями эмоционального реагирования и психологической адаптации (Арнтц, Якоб, 2016; Эльзессер и др., 2018). При этом наиболь-

шее число статистически значимых корреляций было выявлено между ранними дезадаптивными схемами и показателями жизнестойкости, тогда как корреляции с саморегуляцией носили преимущественно слабый и дифференцированный характер. Это позволяет предположить, что в исследуемой выборке ранние дезадаптивные схемы в большей степени связаны с субъективной устойчивостью к стрессу и выбором стратегий совладания, чем с общим уровнем произвольной регуляции поведения.

Проведенное исследование расширяет представления о психологических механизмах адаптации людей среднего возраста с высшим образованием и подтверждает целесообразность комплексного изучения ранних дезадаптивных схем, жизнестойкости, совладающего поведения и саморегуляции.

Практическое значение полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке программ психологического консультирования и психокоррекции, направленных на снижение выраженности ранних дезадаптивных схем, развитие адаптивных копинг-стратегий и повышение жизнестойкости людей среднего возраста.

Ограничения и перспективы исследования

При интерпретации полученных результатов необходимо учитывать ряд ограничений исследования. Выборка характеризуется существенным гендерным дисбалансом: в исследовании приняли участие 70 женщин и 11 мужчин, что ограничивает возможность распространения полученных результатов на мужчин среднего возраста.

Все участники исследования имели высшее образование, поэтому полученные результаты характеризуют прежде всего исследуемую выборку взрослых 40–56 лет с высшим образованием и не могут без дополнительных исследований быть распространены на всю популяцию людей среднего возраста.

Формирование выборки посредством дистанционного опроса через социальные сети и учебные чаты также могло привести к эффекту самоотбора участников. Низкий уровень выраженности большинства ранних дезадаптивных схем у значительной части респондентов может быть связан в том числе с особенностями формирования выборки, что следует учитывать при интерпретации результатов.

Кроме того, при интерпретации результатов следует учитывать проведение множественных корреляционных сравнений без применения соответствующей статистической поправки, что

повышает вероятность случайного выявления отдельных статистически значимых связей. Поэтому полученные корреляции требуют дальнейшей проверки на независимой выборке.

Перспективой дальнейших исследований является проверка выявленных взаимосвязей на более репрезентативной выборке, сбалансированной по полу и включающей респондентов с различным уровнем образования.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить взаимосвязи ранних дезадаптивных схем с жизнестойкостью, стратегиями совладания со стрессом и отдельными компонентами саморегуляции поведения в исследуемой выборке взрослых 40–56 лет с высшим образованием. Выраженность ряда ранних дезадаптивных схем отрицательно коррелирует с уровнем жизнестойкости и использованием проблемно-ориентированных стра-

тегий совладания и положительно коррелирует с эмоционально-ориентированными стратегиями.

Взаимосвязи ранних дезадаптивных схем с показателями саморегуляции поведения оказались преимущественно слабыми и проявлялись главным образом на уровне отдельных регуляторных компонентов. Полученные результаты в целом подтверждают выдвинутую гипотезу и показывают целесообразность комплексного рассмотрения ранних дезадаптивных схем, жизнестойкости и способов совладания со стрессом.

Полученные данные могут быть использованы в психологическом консультировании и психокоррекционной работе при определении направлений работы с ранними дезадаптивными схемами, стратегиями совладания со стрессом и психологическими ресурсами людей среднего возраста. Выявленные закономерности требуют дальнейшей проверки на более сбалансированных и репрезентативных выборках.

Литература:

- Александрова Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / Под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Ясницкого. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 82–90.
- Артнц А., Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах / Пер. с англ. Е. Плотниковой; под науч. ред. А. В. Черникова. М.: Научный мир, 2016.
- Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2002.
- Богданов Е. Н., Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В., Заварзина А. А. Социально-психологическая адаптация взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1(46). С. 31–39. DOI: 10.33463/2072-8336.2019.1(46).031-039.
- Водопьянова Н. Е. Стресс-менеджмент: Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018.
- Воронина М. Ф., Карпова Е. А. Ресурсные факторы жизнестойкости // Социология и право. 2013. № 3(20). С. 5–11.
- Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 109–125. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.310.
- Галимзянова М. В., Романова Е. В. Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2011. Вып. 1. С. 209–216.
- Евтушенко Е. А. Жизнестойкость личности как психологический феномен // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 1(58). С. 72–78.
- Карауш И. С., Куприянова И. Е. Ранние дезадаптивные схемы как модераторы стресса и формирующей психической патологии // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 122–140. DOI: 10.17223/17267080/83/7.
- Карпова Е. А., Дрынкина Т. И. Стрессоустойчивость, копинг-стратегии и управление изменениями в ситуациях неопределенности // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2022. Т. 23. № 3. С. 245–254. DOI: 10.35854/2541-8106-2022-3-245-254.
- Касьяник П. М., Романова Е. В., Фаррелл Дж. М., Шоу А. А. Концептуальные основы групповой и индивидуальной схема-терапии // Российский психотерапевтический журнал. 2013. № 1. С. 23–26.
- Касьяник П. М., Фаррелл Дж. М., Шоу А. А. Схема-ориентированный подход в практической работе психолога // Карминские чтения — 2013: Материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: Айсинг, 2013. С. 281–285.

- Касьяник П.М., Романова Е.В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016.
- Коржикова И.В. Феномен жизнестойкости // Молодой ученый. 2023. № 20(467). С. 415–418.
- Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007.
- Кулагина И.В. Исследование особенностей самореализации личности в среднем возрасте // Концепт. 2020. № 3. С. 101–107.
- Лазарус Р. Совладание (coping) // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2003. С. 398–403.
- Мельникова М.Л. Психология стресса: теория и практика: Учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018.
- Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 4. С. 155–167.
- Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
- Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
- Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований // Психологические исследования. 2011. Т. 4. № 17. DOI: 10.54359/ps.v4i17.850.
- Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 178–209.
- Солодников В.В., Солодникова И.В. Объект исследования — «средний возраст» человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 1(89). С. 167–186.
- Хазова С.А. Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 5. С. 188–191.
- Холмогорова А.Б. Схема-терапия Дж. Янга — один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 2. С. 78–87.
- Эльзессер А.С., Люкишина Д.С., Боленкова Е.Ф. Концепция ранних дезадаптивных схем в структуре когнитивной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 144–149.
- Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия: практическое руководство. СПб.: Диалектика, 2020.
- Arntz A. Schema-focused therapy for borderline personality disorder: effectiveness and cost-effectiveness, evidence from a multicenter trial // European Psychiatry. 2008. Vol. 23. Suppl. 2.
- Bartone P.T., Kelly D.R., Matthews M.D. Psychological hardiness predicts adaptability in military leaders: a prospective study // International Journal of Selection and Assessment. 2013. Vol. 21. № 2. P. 200–210. DOI: 10.1111/ijsa.12029.
- Buser J.K., Kearney A. Stress, adaptive coping, and life satisfaction // Journal of College Counseling. 2017. Vol. 20. P. 224–236. DOI: 10.1002/jocc.12071.
- Delattre V., Servant D., Rusinek S., Lorette C., Parquet P.J., Goudemand M., Hautekeete M. The early maladaptive schemas: a study in adult patients with anxiety disorders // L'Encéphale. 2004. Vol. 30. № 3. P. 255–258. DOI: 10.1016/S0013-7006(04)95437-1.
- Erikson E.H. Childhood and Society. 2nd ed., revised and enlarged. New York: W.W. Norton & Company, 1963.
- Frydenberg E. Coping competencies: what to teach and when // Theory Into Practice. 2004. Vol. 43. № 1. P. 14–22.
- Lazarus R.S. Coping theory and research: past, present, and future // Psychosomatic Medicine. 1993. Vol. 55. № 3. P. 234–247. DOI: 10.1097/00006842-199305000-00002.
- Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer Publishing Company, 1984.
- Lazarus R.S. Psychological Stress and the Coping Process. New York: McGraw-Hill, 1966.
- Khoshaba D.M., Maddi S.R. Early experiences in hardiness development // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. Vol. 51. № 2. P. 106–116. DOI: 10.1037/1061-4087.51.2.106.
- Maddi S.R. Relevance of hardiness assessment and training to the military context // Military Psychology. 2007. Vol. 19. № 1. P. 61–70. DOI: 10.1080/08995600701323301.

The Wiley-Blackwell Handbook of Schema Therapy: Theory, Research, and Practice / ed. by M. van Vreeswijk, J. Broersen, M. Nadort. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012.

Young J.E., Brown G. Young Schema Questionnaire: Special Edition. New York: Schema Therapy Institute, 2001.

Young J.E., Klosko J.S., Weishaar M.E. Schema Therapy: A Practitioner's Guide. New York: Guilford Press, 2003.

EARLY MALADAPTIVE SCHEMAS, COPING STRATEGIES, SELF-REGULATION AND HARDINESS IN MIDDLE ADULTHOOD

© Diana Yu. Berezhnaya

Counseling Psychologist, Moscow, Russia
ramenki-di@mail.ru

The article presents the results of an empirical study of the relationships between early maladaptive schemas, coping strategies, self-regulation, and hardiness in middle-aged adults. The study involved 81 respondents aged 40 to 56 years. The following methods were used: Young Schema Questionnaire YSQ-S3R adapted by P.M. Kasyanik and E.V. Romanova, S. Maddi's Hardiness Test adapted by E.N. Osin and E.I. Rasskazova, the Russian version of the COPE Inventory by E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva and E.N. Osin, and V.I. Morosanova's Style of Self-Regulation of Behavior Questionnaire SSPM-2020. Statistical analysis included descriptive statistics and Spearman's rank correlation coefficient. The results showed that early maladaptive schemas show negative correlations with hardiness and problem-focused coping strategies and positive correlations with emotion-focused coping. The relationships between early maladaptive schemas and self-regulation were weaker and concerned individual regulatory components. The findings may be used in psychological counseling and psychocorrection aimed at increasing hardiness and developing more adaptive coping strategies.

Keywords: early maladaptive schemas, coping strategies, hardiness, behavioral self-regulation, middle adulthood, psychological adaptation, schema therapy, stress, coping behavior, emotion-focused coping, problem-focused coping, personality psychology

REFERENCES

- Aleksandrova L.A. (2004). On the concept of hardiness in psychology. In M.M. Gorbatova, A.V. Seryi, M.S. Yasnitskii (Eds.) // *Siberian psychology today: Collection of scientific papers*. Vol. 2. P. 82–90. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Arntz A., Jacob G. (2016). Practical guide to schema therapy: Methods for working with dysfunctional modes in personality disorders (E. Plotnikova, Trans.; A.V. Chernikov, Ed.). Moscow: Nauchnyi mir.
- Beck A., Freeman A. (2002). Cognitive therapy of personality disorders. St. Petersburg: Piter.
- Bogdanov E.N., Galimzyanova M.V., Kasyanik P.M., Romanova E.V., Zavarzina A.A. (2019). Socio-psychological adaptation of adults in connection with early maladaptive schemas // *Applied Legal Psychology*. Vol. 1(46). P. 31–39. DOI: 10.33463/2072-8336.2019.1(46).031-039.
- Vodopyanova N.E. (2018). Stress management: A textbook for bachelor's and master's programs. Moscow: Yurait.
- Voronina M.F., Karpova E.A. (2013). Resource factors of hardiness // *Sociology and Law*. Vol. 3(20). P. 5–11.
- Galimzyanova M.V., Kasyanik P.M., Romanova E.V. (2016). Severity of early maladaptive schemas and schema modes in men and women in early, middle and late adulthood // *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*. Vol. 3. P. 109–125. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.310.
- Galimzyanova M.V., Romanova E.V. (2011). Emotional experiences related to childhood events and partner relationships // *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 12*. Vol. 1. P. 209–216.
- Evtushenko E.A. (2016). Hardiness as a psychological phenomenon of personality // *Personality, Family and Society: Issues of Pedagogy and Psychology*. Vol. 1(58). P. 72–78.
- Karaush I.S., Kupriyanova I.E. (2022). Early maladaptive schemas as moderators of stress and emerging mental pathology // *Siberian Psychological Journal*. Vol. 83. P. 122–140. DOI: 10.17223/17267080/83/7.
- Karpova E.A., Drynkina T.I. (2022). Stress resistance, coping strategies and change management in situations of uncertainty // *Scientific Notes of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*. Vol. 23(3). P. 245–254. DOI: 10.35854/2541-8106-2022-3-245-254.

- Kasyanik P.M., Romanova E.V., Farrell J.M., Shaw A.A. (2013). Conceptual foundations of group and individual schema therapy // Russian Psychotherapeutic Journal. Vol. 1. P. 23–26.
- Kasyanik P.M., Farrell J.M., Shaw A.A. (2013). Schema-oriented approach in practical work of a psychologist // In Karmin Readings 2013: Proceedings of the international scientific-practical conference. St. Petersburg: Aising. P. 281–285.
- Kasyanik P.M., Romanova E.V. (2016). Diagnostics of early maladaptive schemas. St. Petersburg: Polytechnic University Publishing House.
- Korzhikova I.V. (2023). The phenomenon of hardiness // Young Scientist. Vol. 20(467). P. 415–418.
- Kryukova T.L. (2007). Methods for studying coping behavior: Three coping scales. Kostroma: Avantitul.
- Kulagina I.V. (2020). Study of the characteristics of personality self-realization in middle age // Koncept. Vol. 3. P. 101–107.
- Lazarus R. (2003). Coping. In R. Corsini & A. Auerbach (Eds.) // Psychological encyclopedia (2nd ed.). St. Petersburg: Piter. P. 398–403.
- Melnikova M.L. (2018). Psychology of stress: Theory and practice: A teaching manual. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Morosanova V.I., Kondratyuk N.G. (2020). Questionnaire by V.I. Morosanova “Style of self-regulation of behavior — SSPM 2020” // Voprosy Psichologii. Vol. 66(4). P. 155–167.
- Osin E.N., Rasskazova E.I. (2013). A short version of the hardiness test: Psychometric characteristics and application in an organizational context // Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology. Vol. 2. P. 147–165.
- Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. (2013). Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: Psychometric characteristics and possibilities of applying the COPE inventory // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. Vol.10(1). P. 82–118.
- Rasskazova E.I., Gordeeva T.O. (2011). Coping strategies in the psychology of stress: Approaches, methods and research prospects // Psychological Studies. Vol. 4(17). DOI: 10.54359/ps.v4i17.850.
- Rasskazova E.I., Leontiev D.A. (2011). Hardiness as a component of personal potential. In D.A. Leontiev (Ed.) // Personal potential: Structure and diagnostics. Moscow: Smysl. P. 178–209.
- Solodnikov V.V., Solodnikova I.V. (2009). The object of research — “middle age” of a person // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. Vol. 1(89). P. 167–186.
- Khazova S.A. (2013). Coping resources of the subject: Main directions and prospects of research // Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Vol. 19(5). P. 188–191.
- Kholmogorova A.B. (2014). J. Young’s schema therapy as one of the most effective methods of helping patients with borderline personality disorder // Counseling Psychology and Psychotherapy. Vol. 22(2). P. 78–87.
- Elzesser A.S., Lyukshina D.S., Bolenkova E.F. (2018). The concept of early maladaptive schemas in the structure of cognitive psychology // Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research. Vol. 7(5A). P. 144–149.
- Young J., Klosko J., Weishaar M. (2020). Schema therapy: A practical guide. St. Petersburg: Dialektika.
- Arntz A. (2008). Schema-focused therapy for borderline personality disorder: effectiveness and cost-effectiveness, evidence from a multicenter trial // European Psychiatry. Vol. 23. Suppl. 2.
- Bartone P.T., Kelly D.R., Matthews M.D. (2013). Psychological hardiness predicts adaptability in military leaders: a prospective study // International Journal of Selection and Assessment. Vol. 21. № 2. P. 200–210. DOI: 10.1111/ijsa.12029.
- Buser J.K., Kearney A. (2017). Stress, adaptive coping, and life satisfaction // Journal of College Counseling. Vol. 20. P. 224–236. DOI: 10.1002/jocc.12071.
- Delattre V., Servant D., Rusinek S., Lorette C., Parquet P.J., Goudemand M., Hautekeete M. (2004). The early maladaptive schemas: a study in adult patients with anxiety disorders // L’Encéphale. Vol. 30. № 3. P. 255–258. DOI: 10.1016/S0013-7006(04)95437-1.
- Erikson E.H. (1963). Childhood and Society. 2nd ed., revised and enlarged. New York: W.W. Norton & Company.
- Frydenberg E. (2004). Coping competencies: what to teach and when // Theory Into Practice. Vol. 43. № 1. P. 14–22.
- Lazarus R.S. (1993). Coping theory and research: past, present, and future // Psychosomatic Medicine. Vol. 55. № 3. P. 234–247. DOI: 10.1097/00006842-199305000-00002.
- Lazarus R.S., Folkman S. (1984). Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer Publishing Company.
- Lazarus R.S. (1966). Psychological Stress and the Coping Process. New York: McGraw-Hill.

- Khoshaba D.M., Maddi S.R.* (1999). Early experiences in hardiness development // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. Vol. 51. № 2. P. 106–116. DOI: 10.1037/1061-4087.51.2.106.
- Maddi S.R.* (2007). Relevance of hardiness assessment and training to the military context // *Military Psychology*. Vol. 19. № 1. P. 61–70. DOI: 10.1080/08995600701323301.
- The Wiley-Blackwell Handbook of Schema Therapy: Theory, Research, and Practice* / ed. by M. van Vreeswijk, J. Broersen, M. Nadort. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012.
- Young J.E., Brown G.* (2001). *Young Schema Questionnaire: Special Edition*. New York: Schema Therapy Institute.
- Young J.E., Klosko J.S., Weishaar M.E.* (2003). *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. New York: Guilford Press.

ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В LLM-ОПОСРЕДОВАННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Горюнова Н.Б.

кандидат психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Россия
gorjunovanb@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8819-5903

Для цитирования:

Горюнова Н.Б.
Творческое мышление в LLM-опосредованном академическом письме: критический обзор // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 87-98.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_08

Goryunova N.B.
Creative thinking in LLM-mediated academic writing: a critical review. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 87-98.
DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_08

Большие языковые модели (LLM) широко используются в академическом письме, однако улучшение связности и оформления текста не обязательно означает усиление творческого мышления. Цель обзора — определить, как творческое мышление концептуализируется и измеряется в исследованиях LLM-опосредованного академического письма, какие механизмы проявляются на разных этапах работы и что отличает продуктивную поддержку от дезадаптивной когнитивной разгрузки. Критический интегративный обзор проводился с использованием систематических процедур поиска, отбора и управления данными в соответствии с PRISMA 2020 и PRISMA-S. Тринадцать поисков в OpenAlex, ERIC, PubMed, PsyArXiv и ACM Digital Library выявили 1077 записей. После дедупликации были проверены 987 записей, оценены 189 полных текстов и включены 149 публикаций, представляющих 148 исследований. Материалы кодировались по этапу письма, функции LLM, когнитивному механизму, степени авторской регуляции, типу процессуальных данных и рискам когнитив-

ной разгрузки. Исследования преимущественно рассматривали обратную связь, редактирование, планирование и генерацию идей, тогда как формулирование проблемы и синтез знаний изучались редко. LLM расширяли пространство альтернатив, помогали экстернализовать предварительные структуры, поддерживали метакогницию и снижали языковые и эмоциональные барьеры. Однако положительный эффект возникал главным образом тогда, когда автор сравнивал, проверял, отклонял и содержательно преобразовывал предложения системы. Передача модели определения рамки проблемы, механическое принятие обратной связи, непроверенный синтез и поверхностное редактирование были связаны со снижением усилий и ослаблением авторского голоса, тогда как данные о фиксации оставались ограниченными. Почти половина публикаций не исследовала риски разгрузки напрямую. Предложено понятие регулируемого перераспределения когнитивной работы: поддержка является продуктивной, если автор сохраняет контроль над постановкой проблемы, критериями оценки, доказательствами и итоговым суждением. Поэтому оценивание академического письма с LLM должно учитывать не только качество конечного текста, но и наблюдаемый процесс принятия и преобразования решений.

Ключевые слова: большие языковые модели (LLM); академическое письмо; творческое мышление; когнитивная разгрузка; регуляция со стороны человека

Введение

LLM стали частью среды, в которой академические тексты планируются, создаются, редактируются и оцениваются. Поэтому существенен не сам факт использования LLM, а то, какие когнитивные и эпистемические операции распределяются между автором и системой (Črček, Patekar, 2023; Raitskaya, Tikhonova, 2024; Usher, Amzalag, 2025).

Академическое письмо является рекурсивным решением проблем и преобразованием знания, а не записью заранее сформированных идей (Kellogg, 2008). Его творческое измерение включа-

ет постановку проблемы, генерацию и исследование альтернатив, аргументацию, синтез источников и пересмотр утверждений. В логике творческого познания (Finke et al., 1992) творческое мышление рассматривается как генерация, исследование и преобразование новых и релевантных идей; связность, аргументированность и доказательность характеризуют качество их академического воплощения. Беглость сама по себе недостаточна: оригинальность должна оставаться релевантной, доказательной и открытой критической проверке (Runco, Acar, 2012; Runco, Jaeger, 2012).

При использовании LLM возникает противоречие. Экстернализация альтернатив, языковая поддержка и немедленная обратная связь могут высвобождать ресурсы для рассуждений более высокого порядка. Однако система способна предложить рамку проблемы, аргумент или синтез, которые принимаются без реконструкции лежащего в их основе рассуждения. Когнитивная разгрузка не является вредной сама по себе (Risko, Gilbert, 2016): адаптивная разгрузка снижает второстепенные требования при сохранении интеллектуальной вовлеченности, тогда как дезадаптивная передает системе эпистемически значимые решения без полноценной оценки человеком. Риски якорения и гомогенизации показывают, почему качество итогового текста не раскрывает качество творческого процесса (Doshi, Hauser, 2024).

Существующие обзоры систематизируют способы применения LLM, результаты обучения, вопросы добросовестности и регулирования, но слабее объясняют, почему одна и та же функция в одном контексте поддерживает рефлексивность, а в другом замещает когнитивную работу (Raitskaya, Tikhonova, 2025).

Настоящий обзор отвечает на три исследовательских вопроса:

ИВ1: Как творческое мышление концептуализируется и операционализируется?

ИВ2: Какие механизмы связаны с LLM на разных этапах письма?

ИВ3: Какие стратегии автора и контекстуальные условия отличают продуктивную поддержку от дезадаптивной когнитивной разгрузки?

Дизайн обзора

Исследование выполнено как критический интегративный обзор с систематическими процедурами идентификации литературы, скрининга, оценки

соответствия и управления данными. Разнородные данные из исследований письма, прикладной лингвистики, образовательных технологий, когнитивной психологии и взаимодействия человека с ИИ сопоставлялись для выявления механизмов, противоречий и граничных условий. Обзоры и теоретические работы использовались как контекстуальный корпус, а в эмпирический синтез включались только первичные исследования. Процесс описывался в логике PRISMA 2020 и PRISMA-S (Page et al., 2021; Rethlefsen et al., 2021).

Источники информации, критерии и отбор

Поиск проводился 3–7 июля 2026 г. в OpenAlex, ERIC, PubMed, PsyArXiv и ACM Digital Library среди англоязычных публикаций, вышедших с 1 ноября 2022 г. по 7 июля 2026 г. Тринадцать поисков сочетали термины, относящиеся к LLM и генеративному ИИ, академическому и научному письму, а также творческим, когнитивным, регуляторным и процессуальным конструктам. Полные строки и журналы обработки сохранены в дополнительных материалах. После консолидации внутри источников база включала 1077 записей: OpenAlex — 538, ERIC — 169, PubMed — 118, PsyArXiv — 129 и ACM Digital Library — 123 (рис. 1).

Дедупликация сочетала сопоставление DOI с нормализованным сравнением названий, авторов, года и версии. До скрининга удалены 90 записей; из 987 уникальных записей 241 была отобрана для получения полного текста. Не удалось получить 51 публикацию, одна была исключена после отзыва; оценены 189 полных текстов, 40 публикаций исключены по одной основной причине и 149 включены. Связывание перекрывающихся выборок выявило одно семейство публикаций, поэтому корпус представлял 148 уникальных исследований.

Таблица 1. Критерии включения в эмпирический синтез

Область	Включение	Исключение
Период и язык	Англоязычные публикации с 1 ноября 2022 г. по 7 июля 2026 г., включая online-first	Публикации вне периода или недоступные на английском языке
Тип публикации и данные	Рецензируемые статьи и полные доклады с первичными данными и достаточным описанием методов и результатов	Обзоры, концептуальные работы, редакционные материалы, тезисы, постеры, диссертации и неполные публикации
Участники и контекст	Студенты высшего образования, преподаватели, исследователи и авторы академических текстов	Школьные выборки, неакадемическое профессиональное письмо или неразделимые смешанные выборки
Письмо и взаимодействие с LLM	Непосредственное использование LLM для постановки задачи, планирования, генерации, обратной связи, редактирования или синтеза в академическом письме	Бенчмаркинг моделей, обнаружение ИИ-текста, автоматизированное оценивание, использование LLM только исследователем и неакадемические жанры

Область	Включение	Исключение
Аналитическая релевантность	Данные о творчески или когнитивно регулируемом письме: идеи, аргументация, синтез, оценка, метакогниция, субъектность, разгрузка, промптинг или редактирование	Только языковая точность, установки или качество итогового продукта без процессуального либо конструктивного показателя

Примечание: пограничные публикации включались только при наличии данных о принятии авторских решений, оценивании, саморегуляции или другом процессе, входившем в аналитическую область обзора.

Извлечение данных и синтез

В матрице извлечения фиксировались контекст, участники, дизайн, письменное задание, инструмент, условия обучения, этап письма, функция LLM, данные о процессе, когнитивные и аффективные конструкты, стратегии автора, результаты, риски и ограничения. Кодирование проводилось на уровне публикации с возможностью отнесе-

ния материала к нескольким категориям и последующим объединением на уровне исследования (табл. 2). Категоризацию выполнял один исследователь по заранее заданной аналитической схеме; межэкспертное согласие не оценивалось. Синтез осуществлялся посредством тематического анализа, концептуального сопоставления и критической интерпретации.

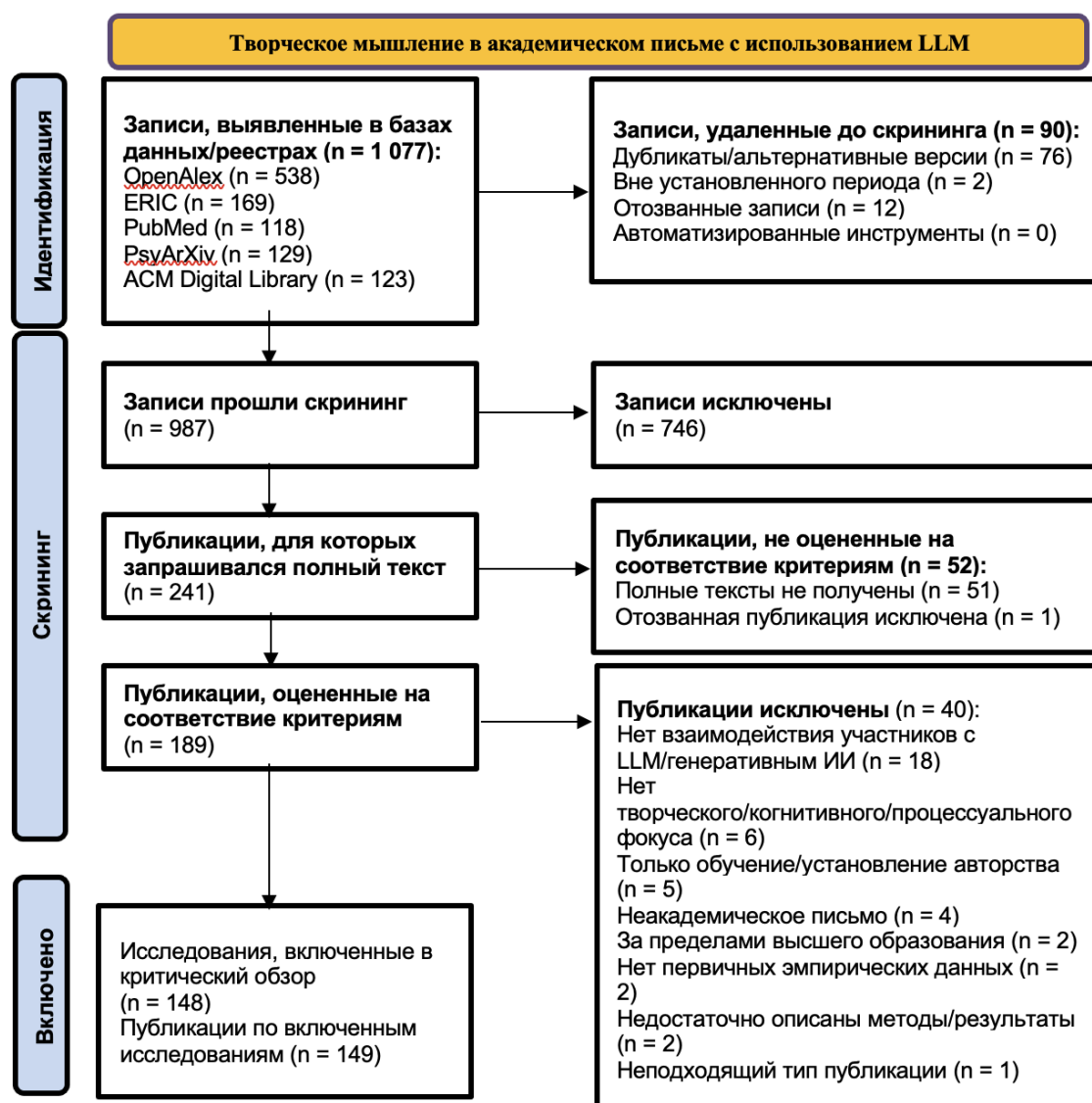

Рис. 1. Блок-схема PRISMA 2020: идентификация и отбор исследований

Примечание: автоматизированные инструменты скрининга не использовались. Итоговый корпус включал 148 уникальных исследований, представленных в 149 публикациях.

Таблица 2. Компактная аналитическая схема кодирования

Измерение	Аналитический вопрос	Основные категории
Этап письма	Где включалась помощь LLM?	Формулирование проблемы; планирование; идеи; аргументация; черновик; редактирование; обратная связь; источники/синтез; несколько этапов.
Функция LLM	Что выполняла система?	Мозговой штурм; план; генерация текста; языковое редактирование; обратная связь; интерактивный промптинг; метакогнитивная опора; ссылки и синтез; контраргумент.
Когнитивный механизм	Как изменялась деятельность автора?	Расширение поиска; метакогниция; критическая оценка; аргументация; синтез; аффективная поддержка; разгрузка; зависимость; голос; фиксация.
Регуляция автора	Кто контролировал эпистемически значимые решения?	Высокая/стратегическая; умеренная/направляемая заданием; смешанная; непосредственно не наблюдалась; неясная.
Тип доказательств	Насколько данные близки к реальному письму?	Следы взаимодействия; текстовые артефакты; результаты заданий/интервенций; интервью/рефлексии; опросы/шкалы.
Риски разгрузки	Что и как делегировалось?	Зависимость; добросовестность; утрата голоса; неточность; снижение усилий; некритическое принятие; фиксация/гомогенизация.

При интерпретации результатов учитывались полнота методологического описания, соответствие данных сделанным выводам и степень их близости к наблюдаемому процессу письма. В 78 публикациях использовались процессуальные данные, включая журналы взаимодействия, записи экрана, последовательные версии текста и историю редактирования. Еще 46 публикаций опирались на специально организованные письменные задания или измерения релевантных конструкторов, тогда как в 25 преобладали самоотчеты. Выводы о механизмах основывались преимущественно на протоколах взаимодействия, текстовых версиях и результатах выполнения заданий; интервью и опросы использовались главным образом для анализа восприятия, стратегий, эмоциональных реакций и рисков. Формальная количественная оценка качества не проводилась, а исследования, в которых LLM применялись совместно с другими средствами поддержки, не трактовались как изолирующие эффект модели.

Распределение исследований по этапам письма

Кодирование было невзаимоисключающим, поэтому частоты не суммируются до 149. Основной массив данных касался оценивания и обратной связи (91 публикация), редактирования (74), планирования и организации (67) и выработки идей (55). Меньше внимания уделялось созданию черновика (34), аргументации (30), работе с источниками и синтезу (28), а формулирование проблемы изучалось только в четырех публикациях. Таким образом, анализируемые работы лучше описывают совершенствование текста, чем создание исследовательской рамки или преобразование

знания более высокого порядка. Этот дисбаланс может отражать большую наблюдаемость этапов, оставляющих текстовые следы, тогда как формулирование проблемы труднее операционализировать и фиксировать процессуально.

Исследования генерации идей и планирования показывали расширение альтернатив и экстернализацию предварительных структур, особенно когда участники сравнивали несколько вариантов, а не принимали первый ответ (Al-Harbi et al., 2025; Chia, Frattarola, 2025; Hwang et al., 2025; Rojas, 2024). Формулирование проблемы и эпистемический синтез были представлены значительно слабее, но указывали на значение предварительной позиции автора и диалогового переосмысления рамки (Brown, Rossouw, 2026; Ma et al., 2026; Yao et al., 2025).

Творческие и когнитивные механизмы

Наиболее часто кодировались когнитивная или метакогнитивная поддержка (86 публикаций), критическая оценка (72), расширение поиска идей (70), аффективная или мотивационная поддержка (54) и метакогнитивная регуляция (41). Развитие аргументации отмечалось в 30 публикациях, снижение нагрузки или разгрузка — в 20, принятие перспективы — в восьми, преобразование знаний и синтез — в пяти. Прямая фиксация или гомогенизация измерялись редко.

На этапе создания и языкового оформления текста LLM снижали языковую нагрузку, моделировали жанровые нормы и поддерживали многоязычных авторов, но продуктивность зависела от того, предшествовали ли генерации авторские идеи и доказательства (Godoy, 2026; Guo, Li, 2024;

Moorhouse et al., 2025; Wang, 2025). В исследованиях обратной связи и редактирования система предоставляла больше рекомендаций и вариантов, однако их объем не гарантировал глубокой переработки; существенными становились интерпретация, калибровка и обоснование правок (Chon, Shin, 2026; Dai, 2026; Ding et al., 2025; Farrokhnia et al., 2026; Guo, Wang, 2024; Polakova, Ivenz, 2024; Teng, 2024; Teng, Huang, 2025).

Метакогнитивная поддержка проявлялась в уточнении промптов, самооценке, сопоставлении альтернатив и внешнем представлении планирования и мониторинга (Chen et al., 2025; Lou et al., 2025; Wang et al., 2025; Yao et al., 2025). Творческая ценность возникала не из генерации как таковой, а из отклонения, рекомбинации и содержательной трансформации предложений (Rojas, 2024). Снижение тревоги и языкового барьера могло поддерживать участие, но субъективная легкость также повышала риск сверхдоверия (Hillman, Alhirthani, 2026; Miao et al., 2026; Wang, Zou, 2026).

Регуляция, субъектность и риски разгрузки

Регуляция была умеренной или направляемой заданием в 64 публикациях, высокой или стратегической — в 39, смешанной — в 25; в 20 публикациях она непосредственно не наблюдалась и в одной оставалась неясной. Высокая регуляция включала цели и критерии автора, сравнение вариантов, проверку источников, явное принятие или отклонение и содержательную реконструкцию результата. Эти процессы становились наблюдаемыми в структурированном сотрудничестве, калибровочных заданиях, листах решений и внешней обратной связи (Alshehri et al., 2026; Carter et al., 2025; Khojasteh et al., 2025; Parker et al., 2025). Авторский голос сохранялся, когда языковая помощь выражала самостоятельно сформированные идеи и не определяла позицию автора (Brown, Rossouw, 2026; Rahnuma, 2026).

Среди прямо отмеченных рисков наиболее частыми были зависимость или чрезмерная опора (36 публикаций), проблемы добросовестности и конфиденциальности (32), утрата голоса или авторства (23), неточность и галлюцинации (10), снижение усилий или разгрузка (9), прямое копирование (5) и фиксация или гомогенизация (2). В 72 публикациях риски разгрузки прямо не изучались, поэтому эти частоты отражают исследовательское внимание, а не распространенность. Экспериментальные и наблюдательные данные показывали, что раннее делегирование, механическое принятие и отсутствие независимой проверки связаны со снижением самостоятельной работы и автономии (Derakhshan, Taghizadeh, 2025;

Hamsiah et al., 2026; Hong et al., 2025; Hysaj et al., 2025; Jang et al., 2026; Lai et al., 2026; Zhang, 2025).

Интерпретация результатов и концептуальный синтез

Анализ ИВ1 показывает, что креативность редко измерялась как самостоятельный конструкт. Она операционализировалась через генерацию идей, планирование, аргументацию, критическую оценку, редактирование, метакогнитивную регуляцию, сохранение авторского голоса и преобразование сгенерированного материала. Эти показатели образуют три уровня: генерацию возможностей, оценочную трансформацию и эпистемическую интеграцию. Наиболее полно в корпусе представлен первый уровень, менее систематично — второй, тогда как данные об эпистемической интеграции остаются ограниченными. Поэтому повышение беглости, связности или общего качества текста нельзя автоматически считать свидетельством усиления академической креативности.

Результаты по ИВ2 указывают на двойственный характер одних и тех же функций LLM. Генерация альтернатив расширяет пространство идей, но может создавать риск фиксации, если первый правдоподобный ответ задает рамку дальнейшей работы. Обратная связь поддерживает метакогницию при осмысленном принятии и отклонении рекомендаций, но снижает вовлеченность при их механическом применении. Языковое переформулирование облегчает участие, однако способно ослаблять авторский голос, если вместе с формулировкой принимается предложенная моделью позиция. Адаптивная разгрузка возникает, когда высвобожденные ресурсы направляются на проверку, аргументацию и преобразование. Деадаптивная разгрузка проявляется, когда системе передаются постановка проблемы, отбор утверждений, интерпретация доказательств или итоговое суждение.

Анализ ИВ3 определяет авторскую регуляцию как ключевое условие продуктивного использования LLM. Сам факт формулирования промпта или последующего редактирования не свидетельствует о сохранении субъектности. Эпистемический контроль предполагает, что автор определяет проблему, критерии релевантности доказательств, степень допустимой неопределенности и основания итогового вывода. В продуктивных практиках генерация отделялась от оценивания, использовалась независимая проверка, а критерии качества задавались преподавателем, экспертами, рубриками или источниками, а не самой моделью.

Выявленные связи описываются понятием регулируемого перераспределения когнитивной ра-

боты. Этап письма определяет область применения помощи, функция LLM — выполняемую системой операцию, когнитивный механизм — изменение деятельности автора, а степень регуляции — характер проверки и преобразования результата. Представленная на рис. 2 схема переносит акцент с объема сгенерированного текста на локализацию эписте-

мического контроля. Небольшая доля ИИ-текста может сопровождаться существенным замещением авторской работы, если модель задает исследовательскую рамку. Напротив, значительное языковое редактирование может оставаться адаптивным при сохранении контроля над проблемой, доказательствами и логикой рассуждения (табл. 3).

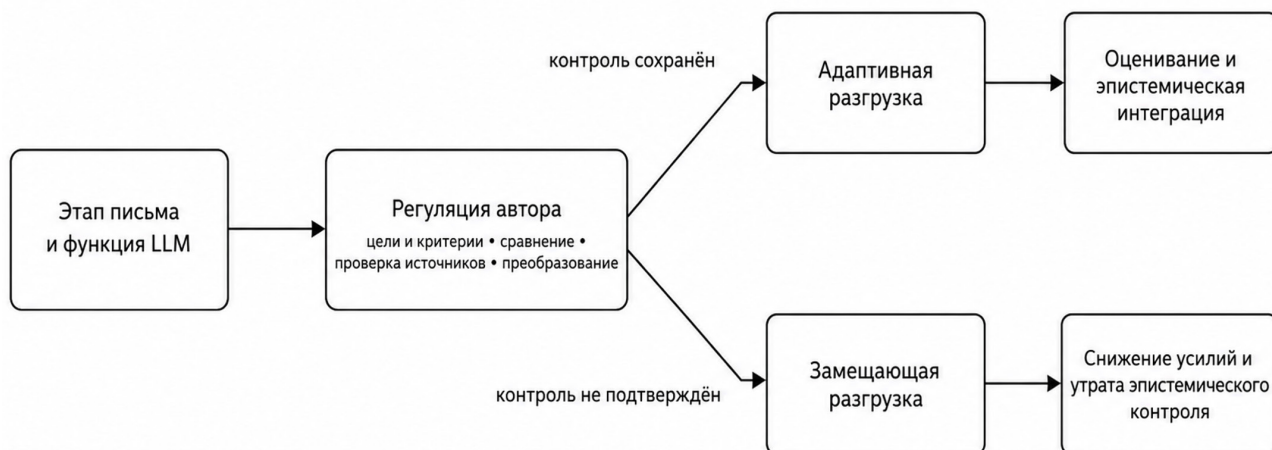

Рис. 2. Схема интегрирует повторяющиеся связи между этапом письма, функцией LLM, авторской регуляцией и характером разгрузки; стрелки обозначают интерпретационные связи, а не количественно оцененные эффекты

Практические следствия, дальнейшие исследования и ограничения

Интеграция LLM должна делать авторские решения видимыми, не превращая документирование процесса в непрерывное наблюдение. Сформулированная автором проблема, сравнение альтернатив, журналы проверки источников, листы реше-

ний по обратной связи, последовательные версии текста и обоснования правок позволяют оценивать эпистемическую ответственность наряду с итоговым продуктом. Особенно перспективны задания, в которых генерация отделена от оценивания, а предложения модели сопоставляются с независимыми критериями.

Таблица 3. Наблюдаемые различия между адаптивным и замещающим использованием LLM

Операция	Адаптивное использование	Замещающее использование	Наблюдаемый индикатор
Формулирование проблемы	LLM проверяет или расширяет предварительную рамку автора	Модель первой задает вопрос, перспективу и концептуальную архитектуру	Самостоятельная рамка и ее обоснование до обращения к LLM
Идеи и планирование	Автор сравнивает, объединяет, отклоняет и перестраивает несколько вариантов	Первый правдоподобный план становится вариантом по умолчанию	Зафиксированное сравнение, отбор и переработка альтернатив
Черновик и формулирование	Модель помогает выразить авторские утверждения и рассуждение	Модель создает утверждения, основания и структуру; автор правит поверхность	Прослеживаемость авторских тезисов, оснований и доказательств
Обратная связь и редактирование	Рекомендации оцениваются относительно внешних критериев и обосновываются	Предложения применяются механически или подтверждаются той же моделью	Явное принятие или отклонение рекомендаций с обоснованием
Источники и синтез	Автор возвращается к оригиналам и контролирует связи «доказательство — утверждение»	Резюме, ссылки и синтез принимаются без непосредственной проверки	Проверка по первоисточникам и прослеживаемость связей «источник — утверждение»
Аффективная и социальная регуляция	Снижение тревоги поддерживает работу при внешних критериях и видимом процессе	Легкость и уверенность заменяют продуктивную трудность и независимую оценку	Сохранение независимых критериев оценки и проверки результата

Примечание: Различие определяется эпистемической значимостью делегированной операции и последующей работой автора; приведенные индикаторы не являются валидированными количественными порогами.

Дальнейшие исследования должны уделять больше внимания формулированию проблемы и синтезу, точно указывать делегированные операции, связывать журналы взаимодействия с изменениями текста и оценивать долгосрочное влияние на самостоятельное письмо, авторский голос и устойчивую вовлеченность. К ограничениям исследования относятся англоязычный корпус и поиск в пяти источниках, потенциально усиливающие представленность англоязычных образовательных контекстов, недоступность 51 публикации, не позволяющая исключить смещение, связанное с доступностью источников, неоднородность показателей, невозможность раздельной атрибуции эффектов при совместном использовании инструментов и неравномерность наблюдения регуляции и когнитивной разгрузки.

Заключение

Проведенный обзор показывает, что влияние LLM на творческое академическое письмо определяется не самим фактом их использования, а характером распределения когнитивных и эпистемических функций между автором и системой. Поддержка оказывается продуктивной, когда LLM расширяют пространство альтернатив, снижают второстепенную нагрузку и способствуют рефлексии, проверке и содержательному преобразованию идей при сохранении авторского контроля над постановкой проблемы, критериями оценки, доказательствами и итоговым суждением.

Напротив, передача системе формулирования проблемы, построения аргументации, интерпретации источников или принятия окончательных решений превращает когнитивную разгрузку в замещение интеллектуальной работы. Поэтому принципиальное различие проходит не между письмом с LLM и без них, а между регулируемым перераспределением когнитивной работы и утратой эпистемического контроля.

Перспективы исследования и оценивания LLM-опосредованного академического письма связаны с переходом от анализа качества конечного текста к изучению процесса, посредством которого идеи генерируются, сопоставляются, проверяются, преобразуются и интегрируются автором. Именно сохранение ответственности за эти операции следует рассматривать как основной критерий продуктивного использования LLM в академическом письме.

Раскрытие информации об использовании генеративного ИИ. ИИ использовался для языкового редактирования, структурного уточнения и организации аналитического материала, разработанного автором. Решения о соответствии критериям, извлеченные данные, ссылки, интерпретации и выводы проверены и подтверждены автором, который несет полную ответственность за рукопись.

Доступность данных. Дополнительные материалы, подтверждающие результаты данного исследования, доступны у автора по обоснованному запросу.

Литература:

- Al-Harbi H.H., Al-Wasy B.Q., Abduh M.Y.M., Al-Inbari F.A.Y.* Empowering EFL learners: Assessing the AI brainstorming tools' impact on essay writing proficiency // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. 2025. Vol. 15(1). P. 1–24. doi.org/10.4018/IJCALLT.392908
- Alshehri O.A.O., Lamouchi A., Abdellatif M.S., Al-Dosari M.N.A., Mekheimer M., Nemt-Allah M.A.* From tool to scaffold: Structured human–AI collaboration and its effects on academic writing and digital critical thinking among Saudi EFL learners // *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Article 1830103. doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1830103
- Brown A., Rossouw J.* Artificial intelligence as a reflexive collaborator in graduate studies supervision // *Transformation in Higher Education*. 2026. Vol.1(0). Article a657. doi.org/10.4102/the.v1i1i0.657
- Carter J., Ferrey A., Lam H., Webb-Davies K., Young D., Zonta B., O'Rourke D.* Case study: Creating an 'AI for academic writing skills' induction session for postgraduate life science courses // *Emerging Topics in Life Sciences*. 2025. Vol. 9. P. 1–10. doi.org/10.1042/ETLS20253026
- Chen A., Xiang M., Zhou J., Jia J., Shang J., Li X., Gašević D., Fan Y.* Unpacking help-seeking process through multimodal learning analytics: A comparative study of ChatGPT vs human expert // *Computers, Education*. 2025. Vol. 226. Article 105198. doi.org/10.1016/j.compedu.2024.105198
- Chia J., Frattarola A.* A design-based approach to analysing student engagement with a GenAI-enabled brainstorming app // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2025. Vol. 9. Article 100468. doi.org/10.1016/j.caeai.2025.100468
- Chon Y.V., Shin D.* AI chatbot as a revision aid in second language writing: From error correction to lexical sophistication // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2026. Vol. 2. Article e70259. doi.org/10.1002/jcal.70259

- Črček N., Patekar J. Writing with AI: University students' use of ChatGPT // *Journal of Language and Education*. 2023. Vol. 9(4). P. 128–138. doi.org/10.17323/jle.2023.17379
- Dai Z. Rethinking AI-assisted writing instruction: Feedback literacy scripts, calibration training, and student writing development // *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Article 1829268. doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1829268
- Derakhshan A., Taghizadeh M.S. Does artificial intelligence (AI) nurture or hinder language learners' higher-order thinking skills (HOTS)? A phenomenological study on L2 learners' perspectives and lived experiences // *International Journal of Applied Linguistics*. Advance online publication. 2025. doi.org/10.1111/ijal.12824
- Ding L., Zou D., Kohnke L. ChatGPT as an automated writing evaluation tool: How students perceive it and how it affects their writing // *Education and Information Technologies*. 2025. Vol. 30. P. 26777–26799. doi.org/10.1007/s10639-025-13775-3
- Doshi A.R., Hauser O.P. Generative AI enhances individual creativity but reduces the collective diversity of novel content // *Science Advances*. 2024. Vol. 10(28). Article eadn5290. doi.org/10.1126/sciadv.adn5290
- Farrokhnia M., Latifi S., Papadopoulos P.M., Hogenkamp L., Gijlers H., Khosravi H., Noroozi O. Generative AI offers more, but students revise less: Comparing the effects of teacher and AI feedback on student essay revisions // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2026. Vol. 23. Article 6. doi.org/10.1186/s41239-026-00579-9
- Finke R.A., Ward T.B., Smith S.M. *Creative cognition: Theory, research, and applications*. MIT Press, 1992.
- Godoy D. AI mediated scaffolding for second language academic writing in EFL composition classrooms // *Discover Education*. 2026. Vol. 5. Article 475. doi.org/10.1007/s44217-026-01386-0
- Guo K., Li D. Understanding EFL students' use of self-made AI chatbots as personalized writing assistance tools: A mixed methods study // *System*. 2024. Vol. 124. Article 103362. doi.org/10.1016/j.system.2024.103362
- Guo K., Wang D. To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing // *Education and Information Technologies*. 2024. Vol. 29(7). P. 8435–8463. doi.org/10.1007/s10639-023-12146-0
- Hamsiah A., Rizal A., Malik A.R. ChatGPT use in higher education writing and its relationship with critical thinking autonomy struggle and authorship // *Discover Education*. 2026. Vol. 5. Article 580. doi.org/10.1007/s44217-026-01627-2
- Hillman S., Alhirthani M. AI-as-affect: Multilingual scholars' feelings about writing with generative AI // *Journal of English for Research Publication Purposes*. 2026. Vol. 6(2). P. 316–339. doi.org/10.1075/jerpp.00037.hil
- Hong H., Vate-U-Lan P., Viriyavejakul C. Cognitive offload instruction with generative AI: A quasi-experimental study on critical thinking gains in English writing // *Forum for Linguistic Studies*. 2025. Vol. 7(7). P. 325–334. doi.org/10.30564/fls.v7i7.10072
- Hwang H., Chang X., Sun J. Generative AI is useful for second language writing, but when, why, and for how long do learners use it? // *Journal of Second Language Writing*. 2025. Vol. 69. Article 101230. doi.org/10.1016/j.jslw.2025.101230
- Hysaj A., Dean B.A., Freeman M. Exploring the purposes and uses of generative artificial intelligence tools in academic writing for multicultural students // *Higher Education Research, Development*. 2025. Vol. 44(7). P. 1686–1700. doi.org/10.1080/07294360.2025.2488862
- Jang H., Jin L., So H.-J. Examining university students' engagement with ChatGPT in English essay writing: Interaction patterns and perceptions // *The Asia-Pacific Education Researcher*. 2026. Vol. 35(4). P. 805–818. doi.org/10.1007/s40299-025-01076-9
- Kellogg R.T. Training writing skills: A cognitive developmental perspective // *Journal of Writing Research*. 2008. Vol. 1(1). P. 1–26. doi.org/10.17239/jowr-2008.01.01.1
- Khojasteh L., Kafipour R., Pakdel F., Mukundan J. Empowering medical students with AI writing co-pilots: Design and validation of AI self-assessment toolkit // *BMC Medical Education*. 2025. Vol. 25. Article 159. doi.org/10.1186/s12909-025-06753-3
- Lai C., Pan M., Guo K., Cui Y. What task to offload to GenAI in the writing feedback process? Effects of task-offloading approaches on EFL learners' writing skill development // *Computers, Education*. 2026. Vol. 252. Article 105675. doi.org/10.1016/j.compedu.2026.105675
- Lou Y., Yu B., Chen X. Enhancing learners' deep writing performance in generative AI-assisted environments through self-assessment prompts // *Journal of Education and Practice*. 2025. Vol. 16(13). P. 43–51. doi.org/10.7176/JEP/16-13-05
- Ma X., Li Y., Li P., Dervin F. The impact of GenAI on epistemic construction, friction and regulation: Doctoral researchers' duoethnography // *European Journal of Education*. 2026. Vol. 61. Article e70330. doi.org/10.1111/ejed.70330

- Miao C., Shi J., Jiang J. How AI literacy predicts L2 Chinese writing engagement: The mediating roles of anxiety and enjoyment // *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Article 1811031. doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1811031
- Moorhouse B.L., Wan Y., Wu C., Wu M., Ho T.Y. Generative AI tools and empowerment in L2 academic writing // *System*. 2025. Vol. 133. Article 103779. doi.org/10.1016/j.system.2025.103779
- Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M., Boutron I., Hoffmann T.C., Mulrow C.D., Shamseer L., Tetzlaff J.M., Akl E.A., ... Moher D. The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews // *BMJ*. 2021. Vol. 372. Article n71. doi.org/10.1136/bmj.n71
- Parker J.L., Richard V.M., Acabá A., Escoffier S., Flaherty S., Jablonka S., Becker K.P. Negotiating meaning with machines: AI's role in doctoral writing pedagogy // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. 2025. Vol. 35. P. 1218–1238. doi.org/10.1007/s40593-024-00425-x
- Polakova P., Ivenz P. The impact of ChatGPT feedback on the development of EFL students' writing skills // *Cogent Education*. 2024. Vol. 11(1). Article 2410101. doi.org/10.1080/2331186X.2024.2410101
- Rahnuma N. Negotiating writer identity in second language writing with generative AI support // *Digital Studies in Language and Literature*. 2026. Vol. 3(2). P. 246–283. doi.org/10.1515/dsll-2026-0009
- Raitskaya L., Tikhonova E. Appliances of generative AI-powered language tools in academic writing: A scoping review // *Journal of Language and Education*. 2024. Vol. 10(4). P. 5–30. doi.org/10.17323/jle.2024.24181
- Raitskaya L., Tikhonova E. The 2025 landscape of generative AI in scholarly writing and publishing: A scoping review of uses and ethical approaches // *Journal of Language and Education*. 2025. Vol. 11(4). P. 5–51. doi.org/10.17323/jle.2025.29876
- Rethlefsen M.L., Kirtley S., Waffenschmidt S., Ayala A.P., Moher D., Page M.J., Koffel J.B., PRISMA-S Group. PRISMA-S: An extension to the PRISMA statement for reporting literature searches in systematic reviews // *Systematic Reviews*. 2021. Vol. 10. Article 39. doi.org/10.1186/s13643-020-01542-z
- Risko E.F., Gilbert S.J. Cognitive offloading // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Vol. 20(9). P. 676–688. doi.org/10.1016/j.tics.2016.07.002
- Rojas A.J. An investigation into ChatGPT's application for a scientific writing assignment // *Journal of Chemical Education*. 2024. Vol. 101. P. 1959–1965. doi.org/10.1021/acs.jchemed.4c00034
- Runco M.A., Acar S. Divergent thinking as an indicator of creative potential // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24(1). P. 66–75. doi.org/10.1080/10400419.2012.652929
- Runco M.A., Jaeger G.J. The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24(1). P. 92–96. doi.org/10.1080/10400419.2012.650092
- Teng M.F. “ChatGPT is the companion, not enemies”: EFL learners' perceptions and experiences in using ChatGPT for feedback in writing // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Vol. 7. Article 100270. doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100270
- Teng M.F., Huang J. Incorporating ChatGPT for EFL writing and its effects on writing engagement // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. 2025. Vol. 15(1). P. 1–21. doi.org/10.4018/IJCALLT.367874
- Usher M., Amzalag M. From prompt to polished: Exploring student–chatbot interactions for academic writing assistance // *Education Sciences*. 2025. Vol. 15(3). Article 329. doi.org/10.3390/educsci15030329
- Wang C. Exploring students' generative AI-assisted writing processes: Perceptions and experiences from native and nonnative English speakers // *Technology, Knowledge and Learning*. 2025. Vol. 30. P. 1825–1846. doi.org/10.1007/s10758-024-09744-3
- Wang P., Liu T., Yang Y., Xiang X. Optimizing self-regulated learning: A mixed-methods study on GAI's impact on undergraduate task strategies and metacognition // *British Journal of Educational Technology*. Advance online publication. 2025. doi.org/10.1111/bjet.70018
- Wang W., Zou M.M. Unveiling the role of L2 writing feedback engagement in ChatGPT-mediated language learning environment: Teacher support, L2 motivation, and emotions as predictors // *European Journal of Education*. 2026. Vol. 61(2). Article e70584. doi.org/10.1111/ejed.70584
- Yao Y., Sun Y., Zhu S., Zhu X. A qualitative inquiry into metacognitive strategies of postgraduate students in employing ChatGPT for English academic writing // *European Journal of Education*. 2025. Vol. 60. Article e12824. doi.org/10.1111/ejed.12824
- Zhang H. An observational study on challenges of using AI tools in EFL writing // *English Language Teaching*. 2025. Vol. 18(9). P. 43–52. doi.org/10.5539/elt.v18n9p43

**CREATIVE THINKING IN LLM-MEDIATED ACADEMIC WRITING:
A CRITICAL REVIEW**

©Natalia B. Goryunova

PhD in psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
gorjunovanb@ipran.ru; ORCID: 0000-0001-8819-5903

Large language models (LLMs) are widely used in academic writing; however, improvements in textual coherence and presentation do not necessarily indicate enhanced creative thinking. This review aims to determine how creative thinking is conceptualised and measured in research on LLM-assisted academic writing, which mechanisms operate at different stages of the writing process, and what distinguishes productive support from maladaptive cognitive offloading. The critical integrative review employed systematic procedures for searching, screening, and data management in accordance with PRISMA 2020 and PRISMA-S. Thirteen searches conducted across OpenAlex, ERIC, PubMed, PsyArXiv, and the ACM Digital Library identified 1,077 records. Following deduplication, 987 records were screened, 189 full-text publications were assessed, and 149 publications representing 148 studies were included. The materials were coded according to writing stage, LLM function, cognitive mechanism, degree of authorial regulation, type of process data, and risks of cognitive offloading. The literature focused primarily on feedback, revision, planning, and idea generation, whereas problem formulation and knowledge synthesis were rarely examined. LLMs expanded the range of available alternatives, facilitated the externalisation of preliminary structures, supported metacognition, and reduced linguistic and emotional barriers. Positive effects, however, emerged mainly when writers compared, verified, rejected, and substantively transformed system-generated suggestions. Delegating problem framing to the model, mechanically accepting feedback, relying on unverified synthesis, and engaging in superficial revision were associated with fixation, reduced cognitive effort, and a weakened authorial voice. Nearly half of the publications did not directly examine the risks of cognitive offloading. The review introduces the concept of regulated redistribution of cognitive work: support is productive when writers retain control over problem formulation, evaluative criteria, evidence, and final judgement. Accordingly, the assessment of LLM-assisted academic writing should consider not only the quality of the final text but also the observable processes through which decisions are adopted and transformed.

Keywords: large language models (LLM); academic writing; creative thinking; cognitive offloading; human regulation

REFERENCES

- Al-Harbi H. H., Al-Wasy B. Q., Abduh M. Y. M., Al-Inbari F. A. Y.* (2025). Empowering EFL learners: Assessing the AI brainstorming tools' impact on essay writing proficiency // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. Vol. 15(1). P. 1–24. doi.org/10.4018/IJCALLT.392908
- Alshehri O. A. O., Lamouchi A., Abdellatif M. S., Al-Dosari M. N. A., Mekheimer M., Nemet-Allah M. A.* (2026). From tool to scaffold: Structured human–AI collaboration and its effects on academic writing and digital critical thinking among Saudi EFL learners // *Frontiers in Psychology*. Vol. 17. Article 1830103. doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1830103
- Brown A., Rossouw J.* (2026). Artificial intelligence as a reflexive collaborator in graduate studies supervision // *Transformation in Higher Education*. Vol. 1(0). Article a657. doi.org/10.4102/the.v1i0.657
- Carter J., Ferrey A., Lam H., Webb-Davies K., Young D., Zonta B., O'Rourke D.* (2025). Case study: Creating an 'AI for academic writing skills' induction session for postgraduate life science courses // *Emerging Topics in Life Sciences*. Vol. 9. P. 1–10. doi.org/10.1042/ETLS20253026
- Chen A., Xiang M., Zhou J., Jia J., Shang J., Li X., Gašević D., Fan Y.* (2025). Unpacking help-seeking process through multimodal learning analytics: A comparative study of ChatGPT vs human expert // *Computers, Education*. Vol. 226. Article 105198. doi.org/10.1016/j.compedu.2024.105198
- Chia J., Frattarola A.* (2025). A design-based approach to analysing student engagement with a GenAI-enabled brainstorming app // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. Vol. 9. Article 100468. doi.org/10.1016/j.caeai.2025.100468

- Chon Y.V., Shin D. (2026). AI chatbot as a revision aid in second language writing: From error correction to lexical sophistication // *Journal of Computer Assisted Learning*. Vol. 2. Article e70259. doi.org/10.1002/jcal.70259
- Črček N., Patekar J. (2023). Writing with AI: University students' use of ChatGPT // *Journal of Language and Education*. Vol. 9(4). P. 128–138. doi.org/10.17323/jle.2023.17379
- Dai Z. (2026). Rethinking AI-assisted writing instruction: Feedback literacy scripts, calibration training, and student writing development // *Frontiers in Psychology*. Vol. 17. Article 1829268. doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1829268
- Derakhshan A., Taghizadeh M.S. (2025). Does artificial intelligence (AI) nurture or hinder language learners' higher-order thinking skills (HOTS)? A phenomenological study on L2 learners' perspectives and lived experiences // *International Journal of Applied Linguistics*. Advance online publication. doi.org/10.1111/ijal.12824
- Ding L., Zou D., Kohnke L. (2025). ChatGPT as an automated writing evaluation tool: How students perceive it and how it affects their writing // *Education and Information Technologies*. Vol. 30. P. 26777–26799. doi.org/10.1007/s10639-025-13775-3
- Doshi A.R., Hauser O.P. (2024). Generative AI enhances individual creativity but reduces the collective diversity of novel content // *Science Advances*. Vol. 10(28). Article eadn5290. doi.org/10.1126/sciadv.adn5290
- Farrokhnia M., Latifi S., Papadopoulos P.M., Hogenkamp L., Gijlers H., Khosravi H., Noroozi O. (2026). Generative AI offers more, but students revise less: Comparing the effects of teacher and AI feedback on student essay revisions // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. Vol. 23. Article 6. doi.org/10.1186/s41239-026-00579-9
- Finke R.A., Ward T.B., Smith S.M. (1992). *Creative cognition: Theory, research, and applications*. MIT Press.
- Godoy D. (2026). AI mediated scaffolding for second language academic writing in EFL composition classrooms // *Discover Education*. Vol. 5. Article 475. doi.org/10.1007/s44217-026-01386-0
- Guo K., Li D. (2024). Understanding EFL students' use of self-made AI chatbots as personalized writing assistance tools: A mixed methods study // *System*. Vol. 124. Article 103362. doi.org/10.1016/j.system.2024.103362
- Guo K., Wang D. (2024). To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing // *Education and Information Technologies*. Vol. 29(7). P. 8435–8463. doi.org/10.1007/s10639-023-12146-0
- Hamsiah A., Rizal A., Malik A.R. (2026). ChatGPT use in higher education writing and its relationship with critical thinking autonomy struggle and authorship // *Discover Education*. Vol. 5. Article 580. doi.org/10.1007/s44217-026-01627-2
- Hillman S., Alhirthani M. (2026). AI-as-affect: Multilingual scholars' feelings about writing with generative AI // *Journal of English for Research Publication Purposes*. Vol. 6(2). P. 316–339. doi.org/10.1075/jerpp.00037.hil
- Hong H., Vate-U-Lan P., Viriyavejakul C. (2025). Cognitive offload instruction with generative AI: A quasi-experimental study on critical thinking gains in English writing // *Forum for Linguistic Studies*. Vol. 7(7). P. 325–334. doi.org/10.30564/fls.v7i7.10072
- Hwang H., Chang X., Sun J. (2025). Generative AI is useful for second language writing, but when, why, and for how long do learners use it? // *Journal of Second Language Writing*. Vol. 69. Article 101230. doi.org/10.1016/j.jslw.2025.101230
- Hysaj A., Dean B.A., Freeman M. (2025). Exploring the purposes and uses of generative artificial intelligence tools in academic writing for multicultural students // *Higher Education Research, Development*. Vol. 44(7). P. 1686–1700. doi.org/10.1080/07294360.2025.2488862
- Jang H., Jin L., So H.-J. (2026). Examining university students' engagement with ChatGPT in English essay writing: Interaction patterns and perceptions // *The Asia-Pacific Education Researcher*. Vol. 35(4). P. 805–818. doi.org/10.1007/s40299-025-01076-9
- Kellogg R.T. (2008). Training writing skills: A cognitive developmental perspective // *Journal of Writing Research*. Vol. 1(1). P. 1–26. doi.org/10.17239/jowr-2008.01.01.1
- Khojasteh L., Kafipour R., Pakdel F., Mukundan J. (2025). Empowering medical students with AI writing co-pilots: Design and validation of AI self-assessment toolkit // *BMC Medical Education*. Vol. 25. Article 159. doi.org/10.1186/s12909-025-06753-3
- Lai C., Pan M., Guo K., Cui Y. (2026). What task to offload to GenAI in the writing feedback process? Effects of task-offloading approaches on EFL learners' writing skill development // *Computers, Education*. Vol. 252. Article 105675. doi.org/10.1016/j.compedu.2026.105675
- Lou Y., Yu B., Chen X. (2025). Enhancing learners' deep writing performance in generative AI-assisted environments through self-assessment prompts // *Journal of Education and Practice*. Vol. 16(13). P. 43–51. doi.org/10.7176/JEP/16-13-05

- Ma X., Li Y., Li P., Dervin F. (2026). The impact of GenAI on epistemic construction, friction and regulation: Doctoral researchers' duoethnography // *European Journal of Education*. Vol. 61. Article e70330. doi.org/10.1111/ejed.70330
- Miao C., Shi J., Jiang J. (2026). How AI literacy predicts L2 Chinese writing engagement: The mediating roles of anxiety and enjoyment // *Frontiers in Psychology*. Vol. 17. Article 1811031. doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1811031
- Moorhouse B.L., Wan Y., Wu C., Wu M., Ho T.Y. (2025). Generative AI tools and empowerment in L2 academic writing // *System*. Vol. 133. Article 103779. doi.org/10.1016/j.system.2025.103779
- Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M., Boutron I., Hoffmann T.C., Mulrow C.D., Shamseer L., Tetzlaff J.M., Akl E.A., ... Moher D. (2021). The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews // *BMJ*. Vol. 372. Article n71. doi.org/10.1136/bmj.n71
- Parker J.L., Richard V.M., Acabá A., Escoffier S., Flaherty S., Jablonka S., Becker K.P. (2025). Negotiating meaning with machines: AI's role in doctoral writing pedagogy // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. Vol. 35. P. 1218–1238. doi.org/10.1007/s40593-024-00425-x
- Polakova P., Ivenz P. (2024). The impact of ChatGPT feedback on the development of EFL students' writing skills // *Cogent Education*. Vol. 11(1). Article 2410101. doi.org/10.1080/2331186X.2024.2410101
- Rahnuma N. (2026). Negotiating writer identity in second language writing with generative AI support // *Digital Studies in Language and Literature*. Vol. 3(2). P. 246–283. doi.org/10.1515/dsll-2026-0009
- Raitskaya L., Tikhonova E. (2024). Appliances of generative AI-powered language tools in academic writing: A scoping review // *Journal of Language and Education*. Vol. 10(4). P. 5–30. doi.org/10.17323/jle.2024.24181
- Raitskaya L., Tikhonova E. (2025). The 2025 landscape of generative AI in scholarly writing and publishing: A scoping review of uses and ethical approaches // *Journal of Language and Education*. Vol. 11(4). P. 5–51. doi.org/10.17323/jle.2025.29876
- Rethlefsen M.L., Kirtley S., Waffenschmidt S., Ayala A.P., Moher D., Page M.J., Koffel J.B., PRISMA-S Group. (2021). PRISMA-S: An extension to the PRISMA statement for reporting literature searches in systematic reviews // *Systematic Reviews*. Vol. 10. Article 39. doi.org/10.1186/s13643-020-01542-z
- Risko E.F., Gilbert S.J. (2016). Cognitive offloading // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20(9). P. 676–688. doi.org/10.1016/j.tics.2016.07.002
- Rojas A.J. (2024). An investigation into ChatGPT's application for a scientific writing assignment // *Journal of Chemical Education*. Vol. 101. P. 1959–1965. doi.org/10.1021/acs.jchemed.4c00034
- Runco M.A., Acar S. (2012). Divergent thinking as an indicator of creative potential // *Creativity Research Journal*. Vol. 24(1). P. 66–75. doi.org/10.1080/10400419.2012.652929
- Runco M.A., Jaeger G.J. (2012). The standard definition of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 24(1). P. 92–96. doi.org/10.1080/10400419.2012.650092
- Teng M.F. (2024). "ChatGPT is the companion, not enemies": EFL learners' perceptions and experiences in using ChatGPT for feedback in writing // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. Vol. 7. Article 100270. doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100270
- Teng M.F., Huang J. (2025). Incorporating ChatGPT for EFL writing and its effects on writing engagement // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. Vol. 15(1). P. 1–21. doi.org/10.4018/IJCALLT.367874
- Usher M., Amzalag M. (2025). From prompt to polished: Exploring student-chatbot interactions for academic writing assistance // *Education Sciences*. Vol. 15(3). Article 329. doi.org/10.3390/educsci15030329
- Wang C. (2025). Exploring students' generative AI-assisted writing processes: Perceptions and experiences from native and nonnative English speakers // *Technology, Knowledge and Learning*. Vol. 30. P. 1825–1846. doi.org/10.1007/s10758-024-09744-3
- Wang P., Liu T., Yang Y., Xiang X. (2025). Optimizing self-regulated learning: A mixed-methods study on GAI's impact on undergraduate task strategies and metacognition // *British Journal of Educational Technology*. Advance online publication. doi.org/10.1111/bjet.70018
- Wang W., Zou M.M. (2026). Unveiling the role of L2 writing feedback engagement in ChatGPT-mediated language learning environment: Teacher support, L2 motivation, and emotions as predictors // *European Journal of Education*. Vol. 61(2). Article e70584. doi.org/10.1111/ejed.70584
- Yao Y., Sun Y., Zhu S., Zhu X. (2025). A qualitative inquiry into metacognitive strategies of postgraduate students in employing ChatGPT for English academic writing // *European Journal of Education*. Vol. 60. Article e12824. doi.org/10.1111/ejed.12824
- Zhang H. (2025). An observational study on challenges of using AI tools in EFL writing // *English Language Teaching*. Vol. 18(9). P. 43–52. doi.org/10.5539/elt.v18n9p43

КОГНИТИВНАЯ РАЗГРУЗКА КАК МЕХАНИЗМ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© Толстых А.В.

Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, Барнаул, Россия
goscienceNOW@mail.ru; ORCID: 0009-0005-1958-6974

Для цитирования:

Толстых А.В.

Когнитивная разгрузка как механизм зависимости от генеративного искусственного интеллекта // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 3(20). С. 99-108.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_09

Tolstykh A. V.

Cognitive offloading as a mechanism of dependence on generative artificial intelligence. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No3(20), Pp. 99-108. DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_03_09

Внедрение генеративного искусственного интеллекта в учебную деятельность опережает темпы изучения психологических последствий его использования. Цель работы состоит в обосновании зависимости от использования генеративного искусственного интеллекта как самостоятельного типа технологической аддикции со специфическим психологическим механизмом её формирования. Проведен анализ отечественных и зарубежных публикаций, а также сопоставлены конструкты и психометрические характеристики двух шкал измерения этой зависимости. Введено рабочее определение, помещающее феномен в континуум от адаптивного использования к проблемному при открытом вопросе о том, достигают ли наиболее выраженные формы этой зависимости уровня клинического расстройства. Показано, что компонентная модель аддикции описывает феномен частично, поскольку в данном случае синдром отмены приобретает когнитивную форму, а толерантность, понимаемая как необходимость увеличивать продолжительность взаимодействия ради прежнего эффекта, для

данного феномена малоприменима, поскольку расширяется круг делегируемых инструменту задач при неизменной или даже сокращающейся продолжительности работы с ним. В качестве ведущего механизма формирования этой зависимости предложена когнитивная разгрузка в виде переноса на внешний инструмент операций анализа, синтеза и обоснования. Прослежена связь этого механизма с каждым из сохраняющихся компонентов аддикции. Анализ пунктов шкалы DAI позволил выделить три смысловых блока переживаний студента, а именно чувство когнитивной уязвимости, потребность во внешней валидации собственных решений и страх профессионального устаревания, и описать роль каждого блока в динамике зависимости. Обсуждаются предикторы и протекторы, намеченные по аналогии со смежными аддикциями. Сформулированы четыре проверяемые гипотезы. Сделан вывод о необходимости эмпирической верификации модели на русскоязычной студенческой выборке и о профилактическом потенциале развития рефлексивности обучающихся.

Ключевые слова: зависимость, аддикция, технологическая зависимость, поведенческая аддикция, цифровая среда, генеративный искусственный интеллект, большие языковые модели, когнитивная разгрузка, критическое мышление, рефлексивность, толерантность к неопределенности, психологические предикторы, протекторы, студенты, психологическая профилактика

Введение

Генеративный искусственный интеллект (ИИ) вошел в образовательную практику за исторически короткий срок. Большие языковые модели превратились в рабочий инструмент обучающегося при подготовке письменных работ, поиске источников и формулировании выводов. Их освоение не требует специальной подготовки и происходит с использованием привычного интерфейса, предполагающего диалог на естественном языке. Темпы внедрения генеративного искусственного интеллекта опережают темпы его научного осмысления, а данных о влиянии регулярного обращения к нейросетям на познавательную сферу обучающегося накоплено недостаточно.

Практикующие психологи фиксируют формирование зависимости от нейросетей как реальность консультативной работы, а научный статус феномена остается неопределенным. В Международной классификации болезней одиннадцатого пересмотра закреплены «расстройство вследствие пристрастия к компьютерным играм» и «расстройство вследствие пристрастия к азартным играм», а зависимость от искусственного интеллекта диагностического статуса не получила и в русскоязычной литературе не описана как самостоятельный феномен.

Таким образом, возникает методологическая проблема. Модели, разработанные для интернет-

зависимости, зависимости от смартфона и социальных сетей, переносятся на зависимость от использования генеративного ИИ без проверки применимости, то есть по умолчанию предполагается, что новый инструмент порождает зависимость того же типа. Настоящая работа исходит из того, что такое допущение требует обоснования.

Пояснения требует само употребление термина «зависимость». Категориальный подход задает порог, при достижении которого поведение квалифицируется как расстройство, континуальный описывает то же поведение как градиент от адаптивного использования через проблемное к аддиктивному. Континуальная логика вошла в действующие классификации. В пятом издании Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам более не используется разделение злоупотребления и зависимости, в нем описано единое расстройство с градацией тяжести числу критериев, которым соответствует состояние, а Международная классификация болезней одиннадцатого пересмотра ввела категорию опасного использования для поведения, повышающего риск вреда, без достижения порога расстройства.

Применительно к поведенческим аддикциям континуальная логика обосновывается дискуссией об избыточной патологизации. Й. Бийё с соавторами предостерегают против механического приложения аддиктивных критериев к любому интенсивному поведению (Billieux et al., 2015), Д. Кардефельт-Винтер с соавторами предложили операциональное определение поведенческой аддикции вместе с критериями исключения (Kardefelt-Winther et al., 2017), М. Гриффитс защищает компонентную модель (Griffiths, 2017). Настоящая работа принимает континуальную рамку. Под зависимостью от генеративного искусственного интеллекта понимается устойчивая чрезмерная опора на инструмент при выполнении интеллектуальных задач, сопровождающаяся снижением субъективной возможности решать эти задачи самостоятельно. Феномен помещается в проблемную зону континуума, вопрос о том, перерастает ли такая опора в клиническое расстройство, оставляется открытым, а термин «аддикция» употребляется далее в поведенческом, а не в диагностическом значении.

Цель статьи состоит в обосновании зависимости от генеративного искусственного интеллекта как самостоятельного типа технологической аддикции со специфическим механизмом, отличающим ее от смежных цифровых аддикций. Работа выполнена на материале высшего образования,

и под обучающимися далее понимаются студенты вузов, то есть взрослые люди, для которых вопрос профессиональной перспективы уже актуален. Задачами являются определение места феномена в отечественной психологической традиции, проверка применимости компонентной модели аддикции, обоснование механизма, лежащего в ее основе, описание феноменологии зависимости и выделение предикторов и протекторов для эмпирической проверки.

Работа выполнена с использованием методов анализа, синтеза и сравнения. Отдельно выполнено сопоставление двух шкал по конструктам, структуре, выборкам валидизации и психометрическим характеристикам. Полный текст пунктов опросника SAID в доступных источниках не приведен, поэтому попутное сопоставление не проводилось.

Технологические зависимости в отечественной психологической традиции

В рамках отечественной психологии существует разработанная традиция изучения зависимостей, связанных с информационными технологиями. А.Е. Войскунский обращал внимание на терминологическую неустойчивость области и на многообразие наименований, которыми обозначают близкие феномены (Войскунский, 2009). Существенно положение о том, что зависимость формируется не только от вводимых в организм веществ, но и от действий субъекта вместе с сопровождающими их переживаниями.

В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов и Е.И. Рассказова предложили модель формирования и хронификации технологических зависимостей (Емелин, Тхостов, Рассказова, 2013). Технологическое опосредствование деятельности при определенных условиях перерастает в замещение, при котором инструмент принимает на себя функции, ранее выполнявшиеся субъектом, и ключевым выступает момент, когда технология из средства решения задачи становится условием самой возможности решения. Те же авторы описывают деформацию структуры потребностей (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2012), при которой технология создает избыточную доступность результата, а снижение затрат усилий трансформирует саму потребность. Генеративные системы ИИ радикально снижают затраты на подготовку текста и на выстраивание аргументации.

Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова выделяют признаки, позволяющие отличить интенсивное применение технологии от проблемного (Солдатова, Рассказова, 2013). Сама по себе интенсивность ис-

пользования достаточным критерием зависимости не выступает, а проблемным использование становится при появлении признаков дезадаптации и утрате контроля над собственной активностью.

Эмпирические исследования на русскоязычных выборках сосредоточены на зависимости от смартфона, социальных сетей и видеоигр. У В.П. Шейнова и А.И. Тарелкина на выборке 227 студентов получены значимые положительные связи зависимости от смартфона с импульсивностью и со всеми факторами зависимости от социальных сетей, отрицательные — с асертивностью, а наибольший вклад в зависимость от смартфона вносит фактор потери контроля (Шейнов, Тарелкин, 2022, с. 198). У В.П. Шейнова и В.А. Карпиевича на выборке 846 студентов выявлены личностные корреляты цифровых зависимостей, включающие агрессивность, тревогу, депрессию и прокрастинацию (Шейнов, Карпиевич, 2025).

Обобщение этих работ позволяет описать психологический портрет обучающегося с цифровой зависимостью. Такого обучающегося характеризуют импульсивность, потеря контроля над продолжительностью активности, эмоциональная дезадаптация и сниженная асертивность, а ведущей функцией его зависимого поведения выступает регуляция эмоционального состояния через коммуникацию или развлечение.

Этот профиль задает точку отсчета. Ниже показано, что взаимодействие с генеративными системами ИИ модифицирует его, смещая ядро в познавательную сферу и меняя содержание двух диагностических критериев из шести. Вопрос о воспроизводимости исходного профиля до настоящего времени не ставился.

Компонентная модель аддикции и границы ее применимости

Базовой рамкой для описания поведенческих зависимостей выступает компонентная модель М. Гриффитса (Griffiths, 2005), постулирующая шесть обязательных признаков, а именно выделенность, изменение настроения, толерантность, синдром отмены, конфликт и рецидив.

Проверка применимости модели к взаимодействию с генеративными системами ИИ дает неоднородный результат. Четыре компонента переносятся без существенных оговорок. Выделенность обнаруживается в сверхценности обращения к нейросети, изменение настроения проявляется в использовании ее для снижения тревоги перед сложной задачей, конфликт выражается в ущербе для сна и самостоятельной подготовки, рецидив фиксируется в неудачных попытках ограничить

использование. Психологическое содержание этих связей раскрывается в следующем разделе.

Два оставшихся компонента при переносе меняют содержание. Синдром отмены в классическом описании имеет выраженную эмоциональную и соматовегетативную окраску, включающую раздражительность, тревогу, нарушения сна. При отказе от использования генеративного искусственного интеллекта на первый план выходит переживание иного рода. Обучающийся сталкивается с затруднением при осуществлении интеллектуальной операции, которая ранее выполнялась при поддержке инструмента. Возникающее состояние ближе к когнитивному дискомфорту, чем к эмоциональному срыву. Диагностические признаки, разработанные для химических и игровых аддикций, здесь теряют чувствительность.

Толерантность означает необходимость наращивать интенсивность или продолжительность взаимодействия с объектом зависимости ради прежнего эффекта. Применительно к генеративным системам ИИ критерий работает ограниченно, поскольку освоивший инструмент обучающийся нередко сокращает время взаимодействия. Расширяется при этом круг задач, которые обучающийся передает инструменту. Первоначально системам ИИ поручается поиск источников, затем составление плана, далее написание фрагментов текста, и в пределе — постановка самой исследовательской задачи. Количественный критерий времени эту динамику не улавливает.

Частичная применимость модели допускает двоякое толкование. Согласно первому, исследуемый феномен не относится к аддикциям и требует применения иного понятийного аппарата; согласно второму, относится к ним и имеет при этом специфический механизм, который универсальная модель не схватывает. Данная работа исходит из второго варианта толкования, поскольку четыре из шести компонентов переносятся без затруднений, а модификация двух оставшихся имеет систематический характер и указывает на смещение в познавательную сферу.

Когнитивная разгрузка как специфический механизм зависимости

Понятие когнитивной разгрузки введено Э. Риско и С. Гилбертом для описания стратегий, при которых субъект использует внешнее действие для снижения нагрузки на собственные познавательные процессы (Risko, Gilbert, 2016). Примерами служат запись напоминания в календарь и обращение к калькулятору. Авторы подчеркивают метакогнитивную природу решения о раз-

грузке, поскольку субъект опирается на оценку собственных возможностей, которая может оказаться ошибочной.

Эмпирической предпосылкой этого подхода выступает исследование Б. Спэрроу, Дж. Лю и Д. Вегнера о влиянии поисковых систем на память (Sparrow, Liu, Wegner, 2011). При ожидании доступности информации испытуемые хуже воспроизводят ее содержание и лучше запоминают место хранения, а Интернет описан как форма транзактивной памяти. Существенно, что разгрузалась функция запоминания. Операции анализа и обоснования оставались за человеком.

Генеративный искусственный интеллект меняет положение дел принципиально. Смартфон, социальная сеть и поисковая система являются средой доставки содержания, а операции отбора и построения аргументации выполняет пользователь. Генеративная модель ИИ производит аргументированный ответ самостоятельно, поэтому делегированию подлежит не хранение информации, а сами операции анализа, синтеза и обоснования, составляющие содержание учебной деятельности. Формирование этих операций и есть основная задача профессиональной подготовки, поэтому их систематическое делегирование обесценивает учебную деятельность изнутри, сохраняя ее внешнюю форму в виде сданной работы.

Диалогический характер взаимодействия усиливает эффект. Модель отвечает в форме связного рассуждения, воспроизводя внешние признаки понимания, у пользователя формируется представление о содержательном диалоге с компетентным собеседником, и метакогнитивная оценка собственных возможностей систематически смещается.

Эмпирическое подтверждение получено М. Герлихом (Gerlich, 2025). На выборке 666 пользователей зафиксирована значимая отрицательная связь частоты использования этих инструментов с уровнем критического мышления, причем медиаторный анализ показал, что связь опосредуется именно когнитивной разгрузкой. Эффект сильнее выражен в младших возрастных группах, что придает результату прямую релевантность для студенческой выборки.

Далее когнитивная разгрузка соотносится с теми компонентами аддикции, которые сохраняют применимость. Выделенность формируется по мере накопления делегированных операций. Круг задач, решаемых без инструмента, сужается, и обращение к нейросети приобретает статус условия выполнения учебной работы, а сверхценность производна от реальной невозможности обойтись без данного инструмента, а не от эмоциональной

привлекательности взаимодействия. Этот переход описан у В.А. Емелина с соавторами как превращение технологии из средства решения задачи в условие самой возможности решения (Емелин, Тхостов, Рассказова, 2013).

Изменение настроения связано с разгрузкой через снятие когнитивного напряжения. Учебная задача порождает состояние неопределенности, которое обращение к модели прекращает в течение нескольких секунд. Подкрепляется не удовольствием от содержания полученного ответа, а быстрое прекращение неприятного состояния.

Конфликт возникает из расхождения между формальным результатом работы и действительным уровнем подготовки обучающегося. Сданная работа соответствует требованиям, стоящие за ней умения не сформированы, и расхождение обнаруживается в ситуациях, требующих самостоятельного действия. Рецидив вытекает из устройства цикла. Попытка отказаться от инструмента возвращает обучающегося к задаче, для решения которой навык уже не сформирован, отказ переживается тяжелее, чем в начале, и разгрузка воспроизводит условия собственного повторения.

Профиль зависимости от генеративного искусственного интеллекта тем самым смещается относительно профиля, описанного для социальных сетей и смартфона. Ведущей функцией зависимого поведения становится не регуляция эмоционального состояния через коммуникацию, а разгрузка познавательной нагрузки при решении интеллектуальных задач, при этом эмоциональная составляющая занимает подчиненное положение.

Феноменология зависимости по данным измерительных инструментов

Наиболее проработанной психометрически представляется шкала DAI коллектива под руководством У. Моралеса-Гарсии (Morales-García et al., 2024). Она включает пять пунктов с ответами по пятибалльному формату Лайкерта, валидизация проведена на выборке 528 студентов в возрасте от 18 до 37 лет. Коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда составили 0,87, конфирматорный факторный анализ подтвердил однофакторную структуру при приемлемых индексах соответствия, установлена строгая измерительная инвариантность по полу.

Содержательный анализ пунктов позволяет выделить три смысловых блока переживаний обучающегося с высоким тестовым баллом. Первый образует чувство когнитивной уязвимости, проявляющееся в тревоге и беспомощности при необходимости решить учебную задачу без досту-

па к нейросети. Второй составляет потребность во внешней валидации собственных решений, при которой обучающийся сверяет свое решение с ответом алгоритма при снижении доверия к своим знаниям. Третий образует страх профессионального устаревания, когда отказ от постоянного использования инструмента воспринимается студентом как угроза собственной будущей конкурентоспособности.

Блоки занимают разные позиции в динамике зависимости, и различие значимо для профилактики. Когнитивная уязвимость представляет собой следствие уже состоявшейся разгрузки и служит индикатором достигнутого состояния. Потребность во внешней валидации выполняет подкрепляющую функцию, поскольку сверка решения с ответом алгоритма снижает критичность к нему и облегчает последующее делегирование. Страх профессионального устаревания работает мотиватором продолжения, что придает дальнейшему

обращению к инструменту вид обоснованной необходимости. Содержание первого блока допускает неоднозначное прочтение, разбираемое ниже.

Все пять пунктов образуют одну латентную переменную, поэтому различие между блоками содержательное, а не структурное. Блоки описывают стороны единого переживания, связанного с утратой уверенности в собственной интеллектуальной состоятельности вне взаимодействия с генеративным ИИ.

Второй доступный измерительный инструмент представлен опросником SAID коллектива под руководством Р.А. Гарсии Кастро (García Castro et al., 2025). Он построен на трех измерениях, а именно на информационной эксклюзивности искусственного интеллекта, доверии к нему и грамотности в обращении с ним, причем первое непосредственно операционализирует делегирование. Сопоставление по доступным опубликованным характеристикам приведено в таблице.

Таблица 1. Сопоставление шкал измерения зависимости от искусственного интеллекта

Параметр сопоставления	DAI	SAID
Целевая популяция	Студенты высшей школы	Учащиеся общего среднего образования
Выборка валидизации	528 человек, возраст от 18 до 37 лет, средний 20,31, Перу	370 человек, восемь учреждений, Такна, Перу
Структура	Однофакторная, одна латентная переменная	Трехфакторная
Число пунктов	5	В доступном описании не указано
Содержание измерений	Единая шкала выраженности зависимости	Информационная эксклюзивность, доверие к искусственному интеллекту, грамотность в обращении с ним
Внутренняя согласованность	Альфа Кронбаха 0,87, омега Макдональда 0,87	Оценена авторами как удовлетворительная, числовые значения не приводятся
Измерительная инвариантность	Установлена строгая инвариантность по полу	Сведения отсутствуют
Направленность пунктов	Все пункты — прямые индикаторы зависимости, реверсивные отсутствуют	Измерение грамотности включает утверждения о собственной компетентности

Примечание: DAI — шкала зависимости от искусственного интеллекта, SAID — опросник зависимости от ИИ в академических задачах.

Обе шкалы валидизированы в одной стране на испаноязычных выборках, что сужает основания для суждения о культурной устойчивости конструкта, а различие целевых популяций препятствует прямому переносу выводов. Наиболее существенно различие в устройстве пунктов. Шкала DAI построена как одномерный измеритель, где каждый пункт прямо указывает на выраженность зависимости. Опросник SAID включает измерение грамотности

с утверждениями о понимании принципов работы алгоритмов и о способности отличать объективную информацию от предвзятой, то есть фиксирует компетентность, а не зависимость. Включение таких утверждений в общий конструкт заслуживает обсуждения, поскольку высокая грамотность предположительно снижает риск проблемного использования, и настоящая работа относит это измерение скорее к протективным факторам.

В главном конструкты обеих шкал согласуются с предложенным выше объяснением. Разработчики DAI трактуют измеряемый феномен через чрезмерную опору на искусственный интеллект при выполнении академических задач, разработчики SAID выделяют информационную эксклюзивность как отдельное измерение. Оба коллектива независимо друг от друга фиксируют познавательную составляющую в качестве ядерной, что подкрепляет положение о ведущей роли когнитивной разгрузки.

Психологические предикторы и протекторы

Прямых эмпирических данных о предикторах этой зависимости на русскоязычных выборках получить не удалось, поэтому они намечаются по аналогии со смежными цифровыми аддикциями с принятием ограничений такой процедуры.

Первым кандидатом выступает низкая толерантность к неопределенности, операционализованный в опроснике Т.В. Корниловой (Корнилова, 2010). У М.В. Клементьевой на выборке 350 студентов установлена значимая связь толерантности к неопределенности со статусами виртуальной идентичности, причем у обучающихся с низкой толерантностью чаще фиксируется диффузный статус (Клементьева, 2024, с. 115). Генеративная модель выдает уверенно сформулированный однозначный ответ, снимая переживание неопределенности учебной ситуации, и для обучающегося с низкой толерантностью такая компенсаторная функция приобретает повышенную субъективную ценность.

Вторым направлением выступает комплекс импульсивности, сниженной асертивности и психологического неблагополучия, устойчивость которого подтверждается приведенными выше данными на выборках 227 и 846 студентов (Шейнов, Карпиевич, 2025; Шейнов, Тарелкин, 2022). Гипотеза состоит в том, что зависимость от генеративного искусственного интеллекта у части обучающихся встраивается в тот же комплекс, дополняя его когнитивной составляющей.

В качестве протекторов рассматриваются рефлексивность и общая жизнеспособность личности, показавшие значимость у А.А. Колмогорцевой и Е.А. Рыльской применительно к интернет-зависимости студенческой молодежи (Колмогорцева, Рыльская, 2022, с. 136). Рефлексивность операционализована в методике А.В. Карпова как интегральное психическое свойство личности (Карпов, 2003). Обоснование ее протективной роли вытекает из природы самой разгрузки. Решение о когнитивной разгрузке принимается

на основании метакогнитивной оценки собственных возможностей, и рефлексивный обучающийся с большей вероятностью замечает момент передачи алгоритму мыслительной работы. Обучающийся с низкой рефлексивностью делегирует автоматически, не фиксируя происходящее.

Противоречия и нерешенные вопросы

Первое затруднение — понятийное. Когнитивная разгрузка представляет собой нормальную и адаптивную стратегию, описанную задолго до появления генеративных систем (Risko, Gilbert, 2016), поскольку запись информации на внешний носитель освобождает ресурсы для задач более высокого порядка. Провести теоретическую границу между продуктивной разгрузкой и разгрузкой, ведущей к зависимости, затруднительно. Рабочим критерием представляется характер разгружаемой операции, так как делегирование операций, формирование которых составляет цель обучения, качественно отличается от делегирования вспомогательных.

Второе затруднение связано с направлением причинной связи. Приведенные данные имеют корреляционную природу и не позволяют утверждать, что интенсивное обращение к нейросети снижает критическое мышление. Равно допустимо предположение о том, что обучающиеся с изначально сниженным уровнем критического мышления чаще обращаются к готовым решениям. Решение вопроса требует исследований лонгитюдного дизайна, которые в доступной литературе пока не представлены.

Третье затруднение вытекает из новизны предмета, так как оценка эффектов идет в период, когда сами инструменты интенсивно меняются, и вопрос об устойчивости закономерностей остается открытым.

Четвертое затруднение — инструментальное. Шкалы валидизированы на испаноязычных выборках, а отношение к академической самостоятельности и к допустимой мере помощи в разных образовательных системах различается, поэтому прямое применение переведенных шкал без адаптации необоснованно.

Пятое затруднение касается интерпретации балла. Пункты шкал фиксируют дискомфорт при недоступности инструмента, и одинаковый балл могут получить два разных респондента. Первый испытывает тревогу как проявление сформировавшейся зависимости, второй переживает дискомфорт по той причине, что заметил собственное делегирование и оценивает его критически. Процедура самоотчета эти состояния не различает.

Предположение о протективной роли рефлексивности придает затруднению содержательный характер. Рефлексивный обучающийся обнаруживает момент передачи алгоритму мыслительной работы, и это обнаружение сопровождается дискомфортом, поэтому высокий балл может указывать не на риск, а на начало самокоррекции. Близкую проблему применительно к скрининговым инструментам фиксирует литература об избыточной патологизации обыденного поведения (Billieux et al., 2015; Kardefelt-Winther et al., 2017). Суммарный балл тем самым требует интерпретации в сочетании с показателем рефлексивности, поскольку высокий балл при высокой рефлексивности и тот же балл при низкой предположительно описывают разные группы испытуемых. Первая нуждается в поддержке уже начавшейся самокоррекции, вторая — в целенаправленной профилактике.

Направления преодоления проблемы

Запретительный подход малопродуктивен по двум основаниям. Контроль за соблюдением запрета технически затруднен, а сам запрет противоречит задаче подготовки специалиста к профессиональной деятельности, в которой эти инструменты уже применяются.

Профилактическая стратегия строится вокруг рефлексивности обучающегося. Первым элементом выступает формирование навыка верификации ответов нейросети с проверкой фактических утверждений, ссылок и логических переходов. Вторым служит осознанное удержание за собой операций, формирование которых составляет цель подготовки. Третьим становится различие профессиональной идентичности и вычислительных возможностей инструмента. Реализация профилактической стратегии предполагает наличие диагностического инструментария, поэтому разработка русскоязычной версии шкалы с прямым и обратным переводом, пилотированием и психометрической проверкой представляется первоочередной задачей.

Предложенная модель допускает проверку. Первая гипотеза состоит в том, что суммарный балл адаптированной шкалы положительно связан с общей и межличностной интолерантностью к неопределенности по опроснику Т.В. Корниловой и отрицательно — с толерантностью к ней. Вторая предполагает отрицательную связь суммарного балла с рефлексивностью по методике А.В. Карпова. Третья предполагает положительную связь с импульсивностью и отрицательную — с ассертивностью, воспроизводящую связи, установленные для смежных цифровых аддикций.

Четвертая гипотеза — модераторная. Предполагается, что рефлексивность выступает модератором связи между уровнем зависимости и дезадаптивными проявлениями, а обучающиеся с высоким баллом при высокой рефлексивности образуют группу, отличную по профилю от группы обучающихся с тем же баллом при низкой рефлексивности. Проверка предполагает анализ взаимодействия двух показателей, а не только их отдельных связей. Проверка гипотез требует корреляционного и регрессионного анализа на выборке, достаточной для обнаружения связей умеренной силы, а причинная интерпретация возможна только при лонгитюдном дизайне.

Заключение

Зависимость от генеративного искусственного интеллекта целесообразно считать самостоятельным типом технологической аддикции. Компонентная модель описывает феномен частично, поскольку синдром отмены приобретает когнитивную форму, а толерантность выражается в расширении круга делегируемых задач при неизменном времени работы.

Ведущим механизмом зависимости от генеративного искусственного интеллекта предложено считать когнитивную разгрузку, при которой делегированию подлежат операции анализа, синтеза и обоснования, составляющие содержание учебной деятельности. Эмоционально-коммуникативная регуляция, ведущая при зависимости от социальных сетей, занимает здесь подчиненное положение. Феноменология описанного состояния раскрывается через чувство когнитивной уязвимости, потребность во внешней валидации собственных решений и страх профессионального устаревания, причем первый блок выступает следствием уже состоявшейся разгрузки, второй подкрепляет ее, а третий мотивирует ее продолжение. Предикторами предположительно выступают низкая толерантность к неопределенности и комплекс импульсивности со сниженной ассертивностью, роль протекторов отводится рефлексивности и жизнеспособности личности.

Ограничения работы определяются ее теоретическим характером. Модель требует эмпирической верификации на русскоязычной студенческой выборке. Ближайшим направлением работы выступает психометрическая адаптация шкалы DAI с последующей проверкой сформулированных гипотез. Теоретическая значимость работы состоит в обосновании специфического механизма новой технологической аддикции, практическая заключается в создании основы для последующей разработки программ психологической профилактики в цифровой образовательной среде.

Литература:

- Войсунский А.Е. Методологические аспекты зависимости от Интернета: зарубежные исследования // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / сост. и ред. А.Е. Войсунский. М.: Акрополь, 2009. С. 101–111.
- Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1. С. 81–87.
- Емелин В.А., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 171–180.
- Карнов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
- Клементьева М.В. Толерантность к неопределенности у студентов — пользователей онлайн-платформ с разными статусами виртуальной идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 109–122.
- Колмогорцева А.А., Рыльская Е.А. Психологические предикторы и «протекторы» интернет-зависимости студенческой молодежи // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5. С. 122–146.
- Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности — интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Чрезмерное использование Интернета: факторы и признаки // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 105–113.
- Шейнов В.П., Карпиевич В.А. Личностные корреляты цифровых зависимостей студентов // Психология человека в образовании. 2025. Т. 7. № 2. С. 197–213. DOI: 10.33910/2686-9527-2025-7-2-197-213
- Шейнов В.П., Тарелкин А.И. Связи зависимости студентов от смартфона с психологическим неблагополучием // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 3(43). С. 194–207.
- Billieux J., Schimmenti A., Khazaal Y., Maurage P., Heeren A. Are we overpathologizing everyday life? A tenable blueprint for behavioral addiction research // Journal of Behavioral Addictions. 2015. Vol. 4. № 3. P. 119–123. DOI: 10.1556/2006.4.2015.009
- Garcia Castro R.A., Bartesaghi Aste W.M., Morales Quezada J.L., Arocutipa Huanacuni L.E. Artificial intelligence dependence in academic tasks: design and validation of the SAID questionnaire // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2025. Vol. 15. № 4. e202529. DOI: 10.30935/ojcm/17303
- Gerlich M. AI tools in society: impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking // Societies. 2025. Vol. 15. № 1. Art. 6. DOI: 10.3390/soc15010006
- Griffiths M.D. A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework // Journal of Substance Use. 2005. Vol. 10. № 4. P. 191–197. DOI: 10.1080/14659890500114359
- Griffiths M.D. Behavioural addiction and substance addiction should be defined by their similarities not their dissimilarities // Addiction. 2017. Vol. 112. № 10. P. 1718–1720. DOI: 10.1111/add.13828
- Kardefelt-Winther D., Heeren A., Schimmenti A., van Rooij A., Maurage P., Carras M., Edman J., Blaszczynski A., Khazaal Y., Billieux J. How can we conceptualize behavioural addiction without pathologizing common behaviours? // Addiction. 2017. Vol. 112. № 10. P. 1709–1715. DOI: 10.1111/add.13763
- Morales-García W.C., Sairitupa-Sanchez L.Z., Morales-García S.B., Morales-García M. Development and validation of a scale for dependence on artificial intelligence in university students // Frontiers in Education. 2024. Vol. 9. Art. 1323898. DOI: 10.3389/feduc.2024.1323898
- Risko E.F., Gilbert S.J. Cognitive offloading // Trends in Cognitive Sciences. 2016. Vol. 20. № 9. P. 676–688. DOI: 10.1016/j.tics.2016.07.002
- Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. Vol. 333. № 6043. P. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745

**COGNITIVE OFFLOADING AS A MECHANISM OF DEPENDENCE
ON GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

© Aleksandr V. Tolstykh

Master's Student, Altai State University, Institute of Humanities, Barnaul, Russia
goscienecnow@mail.ru; ORCID: 0009-0005-1958-6974

The adoption of generative artificial intelligence in learning outstrips research into its psychological consequences. The study substantiates dependence on it as an independent type of technological addiction with a specific mechanism, drawing on an analysis of Russian and international publications and a comparison of two scales measuring this dependence. A working definition places the phenomenon on a continuum from adaptive to problematic use, leaving the clinical status of its extreme point open. The components model is shown to apply only partially, since withdrawal takes a cognitive form and tolerance as increased interaction time applies to a limited extent. Cognitive offloading, the transfer of analysis, synthesis and justification to an external tool, is proposed as the mechanism, and its link to each retained addiction component is traced. Three clusters of student experience are identified from the DAI items, namely cognitive vulnerability, the need for external validation and fear of professional obsolescence, with the role of each in the dynamics of dependence described. Four testable hypotheses are formulated. Predictors and protective factors outlined by analogy with related digital addictions are discussed. The model requires empirical verification on a Russian-speaking student sample, and the development of student reflexivity has preventive potential.

Keywords: dependence, addiction, technological addiction, behavioral addiction, digital environment, generative artificial intelligence, large language models, cognitive offloading, critical thinking, reflexivity, tolerance for uncertainty, psychological predictors, protective factors, students, psychological prevention

REFERENCES

- Voyskunsky A. E.* (2009). Methodological aspects of Internet addiction: Foreign research. In A. E. Voyskunsky (Ed.) // *Internet Addiction: Psychological Nature and Development Dynamics*. Moscow: Acropolis. P. 101–111.
- Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh.* (2012). Psychological consequences of information technology development // *National Psychological Journal*. № 1. P. 81–87.
- Emelin V. A., Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I.* (2013). Psychological factors of development and chronification of technological addictions // *Psychological Science and Education*. № 1. P. 171–180.
- Karpov A. V.* (2003). Reflexivity as a mental property and methods of its diagnostics // *Psychological Journal*. № 24(5). P. 45–57.
- Klementyeva M. V.* (2024). Tolerance for uncertainty among students — users of online platforms with different virtual identity statuses // *Social Psychology and Society*. № 15(4). P. 109–122.
- Kolmogortseva A. A., Rylskaya E. A.* (2022). Psychological predictors and “protectors” of internet addiction among university students // *Education and Science*. № 24(5). P. 122–146.
- Kornilova T. V.* (2010). A new questionnaire for tolerance — intolerance to uncertainty // *Psychological Journal*. № 31(1). P. 74–86.
- Soldatova G. U., Rasskazova E. I.* (2013). Excessive Internet use: factors and signs // *Psychological Journal*. № 34(4). P. 105–113.
- Sheinov V. P., Karpievich V. A.* (2025). Personal correlates of digital addictions in students // *Psychology of Human Education*. № 7(2). P. 197–213. DOI: 10.33910/2686-9527-2025-7-2-197-213
- Sheinov V. P., Tarelkin A. I.* (2022). Relationship between students’ smartphone addiction and psychological distress // *Scientific-Pedagogical Review*. № 3(43). P. 194–207.
- Billieux J., Schimmenti A., Khazaal Y., Maurage P., Heeren A.* Are we overpathologizing everyday life? A tenable blueprint for behavioral addiction research // *Journal of Behavioral Addictions*. 2015. Vol. 4. № 3. P. 119–123. DOI: 10.1556/2006.4.2015.009
- Garcia Castro R. A., Bartesaghi Aste W. M., Morales Quezada J. L., Arocutipa Huanacuni L. E.* Artificial intelligence dependence in academic tasks: design and validation of the SAID questionnaire // *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2025. Vol. 15. № 4. e202529. DOI: 10.30935/ojcm/17303
- Gerlich M.* AI tools in society: impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking // *Societies*. 2025. Vol. 15. № 1. Art. 6. DOI: 10.3390/soc15010006
- Griffiths M. D.* A ‘components’ model of addiction within a biopsychosocial framework // *Journal of Substance Use*. 2005. Vol. 10. № 4. P. 191–197. DOI: 10.1080/14659890500114359
- Griffiths M. D.* Behavioural addiction and substance addiction should be defined by their similarities not their dissimilarities // *Addiction*. 2017. Vol. 112. № 10. P. 1718–1720. DOI: 10.1111/add.13828

- Kardefelt-Winther D., Heeren A., Schimmenti A., van Rooij A., Maurage P., Carras M., Edman J., Blaszczynski A., Khazaal Y., Billieux J.* How can we conceptualize behavioural addiction without pathologizing common behaviours? // *Addiction*. 2017. Vol. 112. № 10. P. 1709–1715. DOI: 10.1111/add.13763
- Morales-García W.C., Sairitupa-Sanchez L.Z., Morales-García S.B., Morales-García M.* Development and validation of a scale for dependence on artificial intelligence in university students // *Frontiers in Education*. 2024. Vol. 9. Art. 1323898. DOI: 10.3389/educ.2024.1323898
- Risko E.F., Gilbert S.J.* (2016). Cognitive offloading // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20. № 9. P. 676–688. DOI: 10.1016/j.tics.2016.07.002
- Sparrow B., Liu J., Wegner D.M.* Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. Vol. 333. № 6043. P. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745